

G. Комашенко

Фотостудия В. Кассина, С. Петербург, Невский пр. № 7-2.

Против Н. Кавинского.

Русскіе Путешественники-Изслѣдователи.

ПУТЕШЕСТВІЯ
Г. Н. ПОТАНИНА

ПО

МОНГОЛІИ, ТИБЕТУ и КИТАЮ.

Обработаны по подлиннымъ его сочиненіямъ
М. А. ЛЯЛИНОЙ.

Изданіе 2-ое, просмотрѣнное и исправленное
Г. Н. ПОТАНИНЫМЪ, съ его предисловіемъ.

Съ 48 рисунками, портретомъ и картою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. Девріена.

Сканиране и обработка

Bewerr

Типография Акц. Общ. Тип. Дъда въ СШб.,
7 рота 26.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Отъ издателя	VI
Біографическій очеркъ	VII—XIII
Предисловіе Г. Н. Потанина ко 2-му изданію	XIV—XXIV

Очерки сѣверо-западной Монголіи. Первая экспедиція 1876—1877 г.

Отъ Зайсанскаго поста до Хобдо	1—9
Хобдо	9—16
Хамійскій оазисъ и переходъ черезъ Гоби	16—29

Сѣверо-западная Монголія. Вторая экспедиція 1879—1880 г.

Отъ Кашагача, черезъ кочевья дюрбютовъ, въ Хобдо	30—43
Въ землѣ урянхайцевъ	43—54
Русскія заимки. Огурта Майтере	54—61
Земля дархатовъ и возвращеніе на родину	61—63

Сѣверная окраина Китая. 1884 г.

Отъ Пекина до Гуй-хуа-чена	64—78
Гуй-хуа-ченъ и его достопримѣчательности	78—90
Ордосъ	90—105
Ордосскіе монголы	105—113
Сѣверная часть Гань-су	114—123
Пребываніе въ Ничжѣ	123—138

Восточная окраина Тибета. 1885 г.

Тангуты	139—149
Амдосское нагорье. Монастырь Лабранъ	149—160
Восточный склонъ Тибета. Долина Ксернцо	160—172
Сы-чуань и южная Гань-су	173—177

Центральная Монголія. 1886 г.

Монастырь Гумбумъ	178—191
Нань-шань	191—202
Долина нижняго Едзина	202—214
Гобійскій Алтай и Хангай	214—224

Отъ издателя.

Задумавъ выпустить 2-мъ изданіемъ описаніе путешествій Гр. Н. Потанина, мы, ввиду смерти М. А. Лялиной, скончавшейся нѣсколько лѣтъ тому назадъ, обратились непосредственно къ уважаемому изслѣдователю съ просьбой просмотрѣть текстъ перваго изданія. Григорій Николаевичъ съ величайшей готовностью откликнулся на нашу просьбу и не только снабдилъ текстъ многими цѣнными исправленіями и дополненіями, но написалъ и предисловіе, въ которомъ излагаетъ свой взглядъ на создавшееся теперь политическое положеніе Монголіи. Приносимъ глубокую благодарность маститому ученому за его любезное содѣйствіе улучшенію этого изданія.

Книгоиздательство **А. Ф. Девріенъ.**

Біографическій очеркъ.

Григорій Николаевичъ Потанинъ родился въ 1835 г. въ Сибири, въ Ямышевской станицѣ, на прежней пограничной линіи. Образование онъ получилъ въ Омскомъ кадетскомъ корпусѣ.

Рано проснулась въ немъ жажда знанія. Еще въ чинѣ хорунжаго онъ принималъ участіе въ первомъ походѣ въ Заилійскій край, и тутъ то, въ виду величественной цѣпи заилійскаго Алатау, возникло въ немъ стремленіе къ изслѣдованію невѣдомыхъ странъ, что и опредѣлило дальнѣйшую его карьеру. Существова на крайне ограниченное жалованье, Г. Н. занимался въ Омскѣ разборкою сибирскаго архива, изъ котораго извлекъ много интереснаго матеріала по исторіи Сибири.

Чѣмъ больше работалъ онъ, тѣмъ сильнѣе развивалась жажда знанія, и любимую его мечтою сдѣлалось достиженіе университетскаго города. Средствъ на поѣздку у него не было, но по счастью изъ Томска отправлялся караванъ съ золотомъ, и Г. Н. удалось примкнуть къ нему. Не будь этого счастливаго случая, любознательному юношѣ пришлось бы добираться до Петербурга такими же средствами, какими добрался Ломоносовъ отъ Холмогоръ до Москвы.

Въ Петербургѣ г. Семеновъ *) и Кавелинъ приняли дружеское участіе въ Потанинѣ, и онъ сталъ посѣщать университетъ; лѣто же проводилъ въ естественно-научныхъ экскурсіяхъ. Въ 1862 г. г. Потанинъ вернулся на родину и вскорѣ былъ приглашенъ въ составъ экспедиціи Струве для изслѣдованія озера Зайсана и долинъ Тарбагатая. Богатыя ботаническія коллекціи и цѣнный научный матеріалъ были результатами этой экспедиціи.

Александра Викторовна, жена Потанина, принадлежала къ разряду тѣхъ женщинъ, которыя, благодаря хорошо уравниженному уму и сердцу, могутъ стать дѣятельными и полезными сотрудницами людей, посвятившихъ себя наукѣ. Таковы: г-жа Федченко, супруга извѣстнаго путешественника по Туркестану, Черкасская, Невельская и другія. Русская исторія особенно богата такими подвижницами.

Александра Викторовна была дочерью священника въ Нижнемъ Новгородѣ. Воспитаніе она получила домашнее, но природная любознательность развила къ ней вкусъ къ серьезнымъ занятіямъ.

Въ 1866 г. открылось въ Нижнемъ Новгородѣ епархіальное училище, и Александра Викторовна поступила въ него воспитательницей. Въ теченіе восьми лѣтъ занималась она съ большою любовью педагогическимъ дѣломъ и была въ училищѣ всеобщею любимицею. Въ 1874 г. она познакомилась съ Потанинымъ и вышла за него замужъ. Жизнь ея тутъ совершенно измѣнилась. Ея живой умъ нашель себѣ цѣнителя, энергія возрастала съ каждымъ шагомъ впередъ, душевныя и нравственныя силы развились во всей полнотѣ.

*) Нынѣ Семеновъ-Тянь-Шанскій.

„Я уже заочно преклонялся передъ этой женщиной“, говоритъ ближайшій другъ Потанина, Ядринцевъ. „Не задаваясь мыслью, насколько избранный ею спутникъ жизни сумѣетъ обезпечить ея будущность, она поняла его, оцѣнила и не только не сузила его интересы, но, напротивъ того, раздѣляла всѣ планы его и стремленія и участвовала въ его духовной жизни“.

Вся дальнѣйшая жизнь А. В. проходитъ почти въ непрерывныхъ путешествіяхъ. Вездѣ она проявляетъ замѣчательную неутомимость и выносливость; а выносить ей приходилось немало. Люди, знакомые съ путешествіями по странамъ цивилизованнымъ, не могутъ даже представить себѣ, съ какими трудностями приходится бороться человѣку, путешествующему по полудикимъ странамъ центральной Азіи. Головокружительныя дороги по крутизнамъ, на которыхъ взбираются съ опасностью жизни; остановки въ грязныхъ юртахъ, вонючихъ китайскихъ домахъ, а то такъ и просто подъ открытымъ небомъ; тряска на плохо осѣдланной лошади, или качка на кораблѣ пустыни—верблюдѣ; климатическія невзгоды, непріязнь населенія — вотъ условія, при которыхъ приходилось путешествовать А. В. и ея ученому мужу.

Не однимъ только нравственнымъ сочувствіемъ поддерживала А. В. своего мужа. Она была помощницею настолько дѣятельною въ его работахъ, что Императорское Географическое Общество признало вполне законнымъ наградить ее золотою медалью. Совершивъ съ мужемъ три экспедиціи, она отправилась въ четвертую въ 1892 г. Но этой экспедиціи не суждено было окончиться счастливо.

Безжалостная смерть разлучила супруговъ, и Г. Н., не окончивъ экспедиціи, вернулся въ Россію.

Смерть застигла А. В. въ самый разгаръ ея дѣятельности, во время научныхъ изслѣдованій въ Китаѣ. Отправившись изъ Россіи весною 1892 г. и достигнувъ Пекина, Потанины въ томъ же году отправились въ Тибетъ и зимовали въ Тарсандо. А. В. лечилась уже передъ отъѣздомъ, но ей и въ голову не приходило остаться. Когда въ Пекинѣ докторъ отговаривалъ ее отъ дальнѣйшаго путешествія, она тоже не согласилась. Свое недомоганіе она не считала важнымъ и не допускала даже мысли, чтобы дорогой ей человѣкъ оставался одинъ, безъ необходимаго помощника.

Въ Тарсандо съ А. В. сдѣлался легкій ударъ, отъ котораго она, однако-же, скоро оправилась, встала на другой день, но чувствовала слабость и боль въ ногахъ.

Двигаться далѣе не было возможности. А. В. страшно мучила мысль, что изъ за нея происходитъ задержка въ движеніи экспедиціи. Она умоляла мужа оставить ее, продолжать начатое дѣло и заѣхать за нею на возвратномъ пути. Но разумѣется, Гр. Ник. на это не согласился.

Какъ только больной полегчало, рѣшили двинуться далѣе. Но послѣ перваго же перехода А. В. почувствовала себя такъ дурно, что возвращеніе въ Пекинъ сдѣлалось неизбѣжнымъ. Больную несли въ паланкинѣ; на ночь дѣлали остановки въ городахъ и селеніяхъ, гдѣ приходилось испытывать всевозможныя неудобства и муки. Переходъ въ Ляньчжоу сдѣланъ былъ въ лодкѣ, но возобновленіе лихорадки побудило путешественниковъ возвратиться

къ сухопутному передвиженію на носилкахъ. Г-жа Потанина сама торопилась; ей хотѣлось умереть на родинѣ; но этому не суждено было сбыться. Катастрофа совершилась около одной деревни по дорогѣ къ городу Чжао-хуа. Съ больною, которую несли на носилкахъ, сдѣлался апоплексическій ударъ, отнялся языкъ, парализовались руки и ноги. Немедленно наняли лодку и повезли больную въ городъ Бао-нинъ-фу, гдѣ нашли двухъ англійскихъ миссіонерокъ, которыя обставили больную возможнымъ комфортомъ и сами ухаживали за ней. Въ Бао-нинъ-фу наняли лодку, чтобы довести больную до Чу-цинъ-фу, гдѣ надѣялись застать докторовъ. Англичанки вызвались сопровождать ее. Плаваніе должно было продолжиться восемь дней. Сначала появилась какъ будто надежда спасти больную, но положеніе ея становилось день ото дня хуже, и за два дня до прибытія въ городъ, а именно 19 сентября 1893 г., она скончалась.

Печальное извѣстіе о смерти А. В. повсюду въ Россіи вызвало неподдѣльную скорбь и сожалѣніе; ученые общества почтили ея память некрологами и статьями; жители Кяхты, гдѣ погребенъ былъ ея прахъ, рѣшили поставить на могилѣ ея памятникъ.

Итакъ, мы видимъ, что всѣ свои ученые путешествія г. Потанинъ совершилъ въ обществѣ своей неизмѣнной спутницы, жены. Въ 1876 г. онъ отправился въ сѣверо-западную Монголію, которая была мало извѣстна и почти совсѣмъ не изслѣдована. Выйдя изъ Зайсанскаго Поста въ концѣ іюля, онъ посѣтилъ города Хобдо, Хами, Улясутай, озеро Косоголъ, монастырь Улангомъ, охвативъ такимъ образомъ какъ бы кольцомъ сѣверо-западную

Монголію. Въ декабрѣ 1877 г. онъ вернулся въ Россію.

Только что закончивъ это богатое по своимъ результатамъ путешествіе, неутомимый труженикъ задумалъ уже новую экспедицію въ ту же страну въ тѣ мѣстности, которыя раньше ему не удалось посѣтить. Выступивъ изъ Кошагача на южной границѣ Томской губерніи въ іюнѣ 1879 г., экспедиція направилась въ монастырь Улангомъ, далѣе—къ озеру Киргизъ-норъ, посѣтила городъ Хобдо, вернулась въ Улангомъ, а затѣмъ направилась на востокъ къ озеру Теръ-норъ и далѣе черезъ Дархатскій курень къ озеру Косоголъ и мѣстности Мёнъ въ долину Иркута.

Съ 1880—83 г. мы видимъ Потанина въ Петербургѣ, гдѣ онъ занятъ обработкой собраннаго имъ матеріала.

Въ Петербургѣ Потанины жили весьма небогато, но это не мѣшало имъ быть средоточіемъ кружка учащейся молодежи. „Въ скромной квартиркѣ Потаниныхъ, пишетъ одна изъ посѣщавшихъ ихъ курсистокъ, охотно собирались ихъ друзья. Здѣсь не было никакихъ угощеній, кромѣ чая, не было модныхъ и шумныхъ разговоровъ, но каждый выносилъ душевную теплоту и какое то пріятное, умиротворяющее ощущеніе“.

Въ 1883 г. Потанины предприняли третье путешествіе на китайскую восточную окраину нагорной центральной Азіи, въ долины и предгорья Ганьсуйской провинціи Китая. Государю Императору угодно было соизволить не только на доставленіе Потанина и жены его въ Китай на военномъ фрегатѣ „Мининъ“, но и повелѣтъ назначить имъ обоимъ

офицерскій паекъ во все время ихъ плаванія, а, по возвращеніи, Потанину пожизненную пенсію по 800 рублей въ годъ. Прибывъ въ Пекинъ въ апрѣлѣ 1884 г., экспедиція въ концѣ ноября достигла провинці Санъ-чуани, гдѣ и зимовала. Лѣто 1885 г. посвящено было главной задачѣ—изслѣдованію Ганьсуйской окраины Тибетскаго нагорья. Зимовала экспедиція въ знаменитомъ Гумбумскомъ монастырѣ, на самой границѣ Амдосскаго нагорья; весною 1886 года была на Хухунорѣ; затѣмъ по рѣкѣ Эцзинъ-голу углубилась въ самое нутро Монголіи, пересѣкла ее по совершенно неизвѣстному дотолѣ пути и, наконецъ, поздней осенью вернулась въ Иркутскъ.

Иркутская интеллигенція, знавшая уже Потаниныхъ съ 1879 г., съ нетерпѣніемъ ожидала ихъ пріѣзда. Особенно интересовала общество А. В., первая появившаяся въ Иркутскѣ женщина, не только образованная, но и занимавшаяся научными трудами. Встрѣтили ихъ очень торжественно. Къ А. В. составила даже депутація изъ дамъ съ рѣчами и букетами. Потомъ устраивались въ честь ихъ вечера и обѣды. Все это имѣло характеръ такой простоты и искренности, что даже такіе застѣнчивые люди, какъ Потанины, не смутились.

Обиліе и богатство результатовъ экспедиціи 1884 г. побудило Императорское Географическое Общество снарядить въ 1892 г. новую экспедицію для дальнѣйшаго изученія той же окраины Тибетскаго нагорья, но этой экспедиціи, какъ мы уже знаемъ, не суждено было окончиться благополучно.

Предисловіе ко 2-ому изданію.

Монголія до послѣдняго времени была провинціей Китайской имперіи; ея населеніе, отличающееся отъ остальныхъ частей Китая языкомъ и образомъ жизни, хотя и управлялось своими наслѣдственными князьями, но высшій надзоръ надъ управленіемъ края находился въ рукахъ китайскихъ чиновниковъ. Для этого высшаго надзора въ сѣверную Монголію, раздѣленную на четыре округа: Хайларскій, Ургинскій, Улясутайскій и Хобдоскій изъ Пекина присылались по числу округовъ четыре сановника, три амбана и одинъ цзянь-цзюнь; послѣдній имѣлъ резиденцію въ городѣ Улясутаѣ, остальные три амбана въ городахъ Хайларѣ, Ургѣ и Хобдо. Во всѣхъ этихъ городахъ стояли небольшіе китайскіе гарнизоны.

Въ концѣ 1911 г. политическое положеніе Монголіи измѣнилось. Монголы объявили свою страну независимой отъ Китая. Переворотъ этотъ совершился мирно, безъ кровопролитія. Прежде всего возстаніе проявилось въ Ургѣ, въ умственномъ центрѣ сѣверной Монголіи, гдѣ находится резиденція богдо-гегена, духовнаго лица, уважаемаго всей сѣверной Монголіей. Китайскій гарнизонъ, подчиняясь требованіямъ монголовъ, положилъ оружіе;

ургинскій амбань, сложивъ свои полномочія уѣхалъ въ Пекинъ. Вслѣдъ за Ургой началось возстаніе и въ Улясутаѣ; цзянь-цзюнь пытался организовать отпоръ возставшимъ, и такъ какъ китайскій гарнизонъ былъ не великъ, предложилъ китайскимъ купцамъ вооружиться и встать въ ряды гарнизона, но купцы отвѣтили ему, что они пріѣхали въ Монголію съ торговыми цѣлями, а не для завоеванія, и цзянь-цзюнь долженъ былъ такъ же, какъ и ургинскій амбань, оставить городъ и выѣхать въ Бійскъ, чтобы черезъ Сибирь уѣхать въ Китай. Вслѣдъ за нимъ тою же дорогой выѣхалъ изъ Хобдо и хобдоскій амбань.

Надо было удивляться, какими ничтожными военными средствами поддерживали до сихъ поръ китайцы порядокъ въ Монголіи. Это объясняется, во-первыхъ, мирнымъ характеромъ населенія, которое въ теченіе многихъ столѣтій воспитывалось подъ гуманнымъ вліяніемъ кроткаго ученія Будды. Религія учила монголовъ уважать жизнь во всякой твари; не только смертельное насиліе надъ человѣкомъ, даже умерщвленіе четвероногаго животнаго по кроткому ученію Будды уже есть преступленіе. Въ шестидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія ургинскій амбань приговорилъ къ смертной казни разбойниковъ изъ шайки мятежниковъ—мусульманъ, но исполненіе казни встрѣтило препятствіе: въ монгольскомъ народѣ не нашлось человѣка, который согласился бы принять на себя гнусную роль палача.

Во-вторыхъ, спокойствіе умовъ въ Монголіи было обезпечено мудрой политикой китайскаго правительства. До присоединенія къ Китайской имперіи, Монголія, разбитая на отдѣльныя княжества, упра-

влялась своими многочисленными наслѣдственными князьями. Китайское правительство этотъ феодальный порядокъ оставило неприкосновеннымъ. Монгольскіе князья сѣверной Монголіи, иначе Халхи, которыхъ насчитывается до 80, до самаго послѣдняго времени управляли своими княжествами или хошунами, собирали съ народа подати и расходовали ихъ, не отдавая никому отчета, судили за преступленія и проступки и вообще распоряжались съ подчиненнымъ имъ народомъ, какъ съ своими крѣпостными.

Ни религія, ни языкъ въ Монголіи не подвергались никакимъ ограниченіямъ. Буддійская религія, которой такъ искренне преданы монголы, не только не терпѣла отъ китайскаго правительства никакихъ притѣсненій, но императоръ постоянно свидѣтельствовалъ свое уваженіе буддійскому духовенству Монголіи; онъ демонстрировалъ это уваженіе торжественными посѣщеніями буддійскихъ храмовъ въ Пекинѣ; онъ оказывалъ ему почести; на центральной площади въ Ургѣ на средства имперіи въ честь богдо-гегена построены почетныя монументальныя ворота; нѣкоторые монастыри въ Монголіи содержатся на счетъ императора.

Китайское правительство свободно отъ упрека въ насиліи также и по отношенію къ монгольской національности. Оно не изобрѣтало никакихъ искусственныхъ мѣръ для окитаиванія монголовъ. Если южные и восточные монголы въ значительной степени окитаились, то это результатъ самой народной жизни, и китайское правительство въ этомъ нисколько не повинно.

Вообще, надо сказать, что политическую зависимость Монголіи отъ Китая нельзя назвать полити-

ческимъ игомъ; это иго монголы могли легко переносить. Несомнѣнно тяжелѣе чувствовалось монголамъ экономическое иго, которое наложили на него китайскіе купцы. Это экономическое порабощеніе возмущало національное чувство монголовъ, но верховная власть Китая въ этомъ виновата только косвенно; ее можно упрекнуть въ небрежномъ отношеніи, въ невниманіи къ интересамъ монгольской массы, а не въ своекорыстіи и коварствѣ.

Какъ ни тяжела была участь монгола, плательщика податей, все-таки монголы продолжали бы терпѣть и не волноваться, если-бъ не начались волненія въ центральномъ Китаѣ.

Европейскія идеи о политической свободѣ, проникнувъ въ Китай, создали въ китайскомъ обществѣ партію недовольныхъ старыми порядками, которая стала требовать реформъ. Движеніе началось съ южнаго Китая, населеніе котораго болѣе воспріимчиво и отличается болѣе пылкимъ темпераментомъ сравнительно съ сѣверянами. Образовалась республиканская партія; ряды ея выступили на улицу; организовалась революціонная армія, которая вступила въ бой съ правительственными войсками, одержала надъ ней рядъ побѣдъ и—въ концѣ концовъ южный Китай былъ объявленъ республикой. Теперь идетъ вопросъ о включеніи въ китайскую республику сѣверной половины Китая, въ которомъ монархическія идеи коренятся глубже въ населеніи.

Событія во внутреннемъ Китаѣ расшатали центральную власть, а затѣмъ ослабѣла и власть агентовъ центральной власти на окраинахъ. Слухи объ отреченіи императора отъ престола поставили передъ монголами вопросъ, признать ли надъ собой

власть президента Китайской демократической республики или объявить Монголію независимой. Монголы приняли второе рѣшеніе и ургинскаго гегена, такъ называемаго, богдо-гегена, признали монархомъ независимой Монголіи. Можетъ быть, это положеніе временное; можетъ быть, монголы впослѣдствіи вступятъ въ унію съ демократической Китайской республикой, можетъ быть, въ унію съ Китайской императорской короной, если послѣдняя не будетъ окончательно упразднена.

Монгольское движеніе начато несомнѣнно ея интеллигентными слоями, т. е. князьями и духовенствомъ, но составляетъ для насъ, постороннихъ наблюдателей, тайну, чѣмъ эти слои были недовольны при китайскихъ порядкахъ. Именно при этихъ порядкахъ они пользовались такими льготами, какихъ не получаютъ при другихъ условіяхъ. Китайское правительство предоставило Монголіи самое широкое самоуправленіе, но подъ этимъ самоуправленіемъ надо разумѣть предоставленіе сбора налоговъ и управленіе князьямъ. Собранныя деньги шли на содержаніе стражи на государственной границѣ, на организацію почтовыхъ сообщеній, на содержаніе монастырей и духовенства, въ обязанность котораго въ Монголіи входятъ заботы о народномъ образованіи и народномъ здоровіи, и на содержаніе княжескихъ семей и ихъ родственниковъ. Буддійскіе монастыри должны быть признаны важными культурными центрами; сюда стремится все лучшее, что есть въ народѣ, все безкорыстное, все ищущее свѣта и правды. Сюда направляются монгольскіе Ломоносовы. Изъ монастырей распространяется ученіе Будды, морализирующее народную массу, но равнодушное

къ вопросу о сохраненіи національности; національная идея ютится въ княжескихъ резиденціяхъ. Княжескія канцеляріи ведутъ переписку на монгольскомъ языкѣ и этимъ вызывается потребность въ монгольскихъ школахъ, которыя и поддерживаютъ монгольскую грамотность, тогда какъ въ монастыряхъ встрѣчаются монахи, которые отлично знаютъ чужой тибетскій языкъ, но не умѣютъ ни читать, ни писать по-монгольски.

Князья живутъ въ тѣсной дружбѣ съ духовенствомъ; въ ставкѣ каждаго князя есть монастырь, на устройство котораго уходятъ главныя заботы князя; князья стараются превзойти другъ друга въ этихъ заботахъ; они соперничаютъ и мучаются вопросами, у кого монастырь отличается большимъ благолѣпіемъ и болѣе богатымъ собраніемъ тибетскихъ книгъ. Признавая за духовенствомъ большія культурныя услуги, все же нельзя не отнести отрицательно къ его господству въ жизни монголовъ; большинство ламъ, т. е. буддійскихъ монаховъ, бесполезный балластъ для культуры и является большой обузой для народа, а между тѣмъ князья не задумываются надъ вопросомъ о секуляризаціи школы и медицины, и, зачитываясь буддійскими легендами о царяхъ и князьяхъ, тратившихъ огромныя суммы на угощеніе монашеской толпы, изъ кожи лезутъ, чтобы заслужить у духовенства репутацію щедрого жертвователя.

Дорого обходится монгольскому народу это чувство покорности, которое питаютъ князья къ буддійскому монашеству. Тяжела для него также та система собиранія податей, которая у князей вошла во всеобщее употребленіе. Сборъ податей князья

отдаютъ на откупъ китайскимъ купцамъ. На это ихъ вынуждаетъ характеръ монгольскаго хозяйства. Князю, для удовлетворенія общественныхъ нуждъ, нужно серебро; чтобы доставить его князю, монголь долженъ продать продуктъ своего кочевого хозяйства: шерсть, скотъ, кожу, китайскому купцу. Но очень часто въ моментъ сбора податей у монгола продуктовъ нѣтъ въ наличности, они еще въ ожиданіи; онъ беретъ у китайскаго купца серебро въ долгъ, обѣщаясь уплатить потомъ шерстью или скотомъ. При такой сдѣлкѣ цѣна за продуктъ дается купцомъ вдвое и втрое дешевле. Монголы отъ такихъ сдѣлокъ впадаютъ въ неоплатные долги и съ каждымъ годомъ нищаютъ, а богатѣютъ только купцы и князья; въ случаяхъ, когда монголы не хотятъ платить долговъ, князья высылаютъ своихъ чиновниковъ на помощь китайскимъ прикащикамъ выбивать долги изъ населенія. Интересы князя совпадаютъ съ интересами китайскаго откупщика, и потому монголь не находитъ справедливой защиты у своего князя, если у него возникло несогласіе съ китайскимъ купцомъ. Высшая власть въ краѣ, т. е. китайская бюрократія, при столкновеніи монголовъ съ китайскими откупщиками также большею частью принимаетъ сторону послѣднихъ. Такой порядокъ монгольской жизни можно назвать заговоромъ китайскихъ откупщиковъ, китайскихъ чиновниковъ, монгольскихъ князей и монгольскихъ монаховъ противъ монгольской народной массы. Освобожденіе народной массы отъ экономическаго порабощенія китайскому капиталу главный теперь національный вопросъ въ сѣверной Монголіи.

Столь же мало, какъ сѣверные князья, воодушевлены монгольскимъ патріотизмомъ князья юж-

ной Монголіи. Здѣсь князья, въ ущербъ своему родному племени, сдаютъ хошунныя земли, считая хошунную территорію своей земельной собственностью, въ аренду китайскимъ крестьянамъ и арендную плату кладутъ въ свой карманъ. Вслѣдствіе этого, у населенія хошуна уменьшается пастбищная земля, ему приходится меньше содержать скота, оно бѣднѣетъ, тогда какъ за счетъ его князь богатѣетъ.

Для насъ, наблюдателей монгольскихъ событій издалека, неясно, какъ понимаютъ свою политическую задачу вожди монгольскаго движенія. Для монгольскихъ князей и монгольскаго духовенства крушеніе пекинскаго трона не выгодно, а между тѣмъ Монголія, руководимая несомнѣнно князьями, объявила себя независимою. Для китайской демократіи, если-бъ она водворила свою власть на всемъ пространствѣ бывшей Китайской имперіи, было бы позорно усвоить императорскую политику въ отношеніи Монголіи, т. е. заключить союзъ съ монгольскими князьями, эксплуататорами народной массы. Императорская власть, покровительствовавшая князьямъ, или по крайней мѣрѣ весьма терпимо относившаяся къ нимъ, пала; надежды на благожелательное отношеніе къ нимъ республиканскаго правительства сомнительны. Старый порядокъ можетъ сохраниться, если въ объявленной независимою Монголіи князья сумѣютъ остаться хозяевами страны, но сохранить независимость Монголіи очень мудро при ея территоріальныхъ условіяхъ.

Территорія Монголіи повдоль съ запада на востокъ прорѣзана пустыней, трудно проходимою для каравановъ. Ось этой пустыни въ видѣ узкой, въ 70 верстъ шириной, полосы представляетъ абсолют-

ную пустыню, лишенную воды и травы. Эта пустыня разъединяетъ сѣверъ страны отъ юга. Монголы живутъ къ сѣверу, востоку и югу отъ этой пустыни такъ что населенная территорія облегааетъ пустыню въ видѣ подковы, рога которой обращены на западъ. Государство съ такимъ распредѣленіемъ населенія не можетъ быть прочно; положеніе государства бываетъ обезпеченнѣе, если средина его будетъ представлять болѣе компактную массу населенія, чѣмъ окраины. Въ Монголіи же населеніе распредѣлено какъ разъ наоборотъ. Независимость Монголіи можетъ стать долговѣчной только при томъ условіи, если защиту ея обезпечить международный конгрессъ.

Главою монгольскаго государства объявлено ургинскій хутухта или богдо-гегенъ. Гегенами называются лица, которыя населеніемъ почитаются за воплощенія божества; имъ приписываются божескія свойства (всевѣденіе, всемогущество), имъ отдаются божескія почести. Богдо-гегенъ почитается всей сѣверной Монголіей; вѣрятъ, что, пока въ Ургѣ, въ средѣ монголовъ, существуетъ богдо-гегенъ, никакое бѣдствіе не постигнетъ монгольскій народъ, ни моръ, ни губительная война. По мановенію богдо-гегена всякое начавшееся бѣдствіе, война, засуха, пожаръ, наводненіе, должно вмигъ прекратиться. Избраніе богдо-гегена монгольскимъ монархомъ считается шагомъ, свидѣтельствующимъ о мудрости политическихъ вождей современной Монголіи; возведеніе на престоль одного изъ князей возбудило бы въ другихъ князьяхъ зависть и повело бы къ междоусобіямъ. Но съ другой стороны нужно признать что не удобно начинать новую исторію страны та

кимъ избраніемъ. Гегены получаютъ воспитаніе, которое не подготовляетъ ихъ въ духовные администраторы, тѣмъ менѣе годятся они для управленія свѣтскими дѣлами. Гегены—богочеловѣки; поэтому ихъ воспитатели смотрятъ на ихъ капризы и странности какъ на неисповѣдимыя проявленія божества и не удерживаютъ отъ нихъ. Отъ такого воспитанія гегены вырастаютъ избалованными несносными капризниками. По всей вѣроятности, при такомъ царѣ-монахѣ Монголія будетъ управляться коллективнымъ регентствомъ.

Гладко или не гладко пойдутъ первые дни новой жизни Монголіи, во всякомъ случаѣ толчекъ, полученный ею, будетъ имѣть для нея хорошія послѣдствія. Начнется возрожденіе умственной жизни монгольскаго народа. До этого момента въ Монголіи умственной жизни не было, было только прозябаніе. Новая эра застала Монголію безъ науки и безъ искусства, или только съ ихъ суррогатами. Въ тибетскихъ книгахъ ламы находили нѣкоторыя свѣдѣнія о природѣ, о звѣздномъ небѣ, о лекарственныхъ растеніяхъ; жалкое знаніе, которое они черпали въ этихъ книгахъ, было не выше того, какимъ пробавлялась Европа въ средніе вѣка. Такъ представлена въ Монголіи наука. Литературы монгольскій народъ не имѣетъ; вмѣсто литературы, только письменность, да и та скудная: только двѣ, три повѣсти и нѣсколько лѣтописей, снабжающихъ матеріаломъ не историка, а миѳолога. Искусство еще не освободилось отъ узъ церковности; помпѣзная внѣшняя обстановка буддизма нуждается и въ кисти живописца, и въ рукѣ лѣпщика и въ оркестрѣ изъ духовыхъ инструментовъ, но все это

стереотипно; статуи льются изъ мѣди и лѣплятся по старымъ образцамъ; по старымъ же образцамъ пишутся и иконы; вся производительность монгольскихъ художниковъ состоитъ въ копированіи. Развитія индивидуальныхъ стремленій мѣстныхъ талантовъ не было. Рядомъ съ этимъ клерикальнымъ искусствомъ живетъ народное преданіе, народный эпосъ, народная лирика, народные мотивы, но это старое народное творчество не получило продолженія въ современной производительности монголовъ. Толчекъ, данный монгольской революціей, долженъ пробудить спящія умственные силы народа. Пробудившейся націи предстоитъ испытать два большихъ наслажденія. Одно наслажденіе отъ впечатлѣній, которыя она будетъ получать при знакомствѣ съ колоссальнымъ духовнымъ богатствомъ Запада. Другое наслажденіе отъ собственнаго творчества, которое должно начаться вслѣдъ за пробужденіемъ націи. И можетъ быть молодой монгольской націи суждено разрѣшить задачу совмѣщенія высокой умственной культуры съ кочевымъ бытомъ. На территории Монголіи есть большіе и многочисленные участки, на которыхъ невозможно земледѣліе; они обречены исключительно на скотоводческую культуру; на этихъ участкахъ не мыслимъ другой бытъ, кромѣ кочевого. Но по всей Монголіи разсѣяны осѣдлые пункты; это монастыри, это религіозные центры. Впослѣдствіи, кромѣ религіозныхъ, конечно, могутъ образоваться осѣдлые центры и для свѣтской культуры.

Г. Потанинъ.

Очерки сѣверо-западной Монголіи.

Первая экспедиція 1876—77 г.

Отъ Зайсанскаго поста до Хобдо.

Въ экспедиціи 1876 г., кромѣ супруговъ Потаниныхъ, принимали участіе слѣдующія лица: топографъ Рафаиловъ, монголистъ, кандидатъ С.-Петербургскаго университета, Позднѣевъ, и охотникъ, студентъ Березовскій. Кромѣ того, г. Сѣверцовъ снарядилъ на свой счетъ унтеръ-офицера Измайловскаго полка, Коломійцева, охотника и чучельщика. Коломійцевъ уже былъ съ Сѣверцовымъ въ экспедиціи въ приуральскихъ степяхъ и теперь имѣлъ отъ него порученіе собрать коллекцію птицъ въ сѣверо-западной Монголіи.

Всѣ члены экспедиціи собрались на Зайсанскомъ посту Семипалатинской области и оттуда 20-го іюля двинулись на рѣчку Темиръ-су, въ семиверстномъ разстояніи отъ Зайсанскаго поста.

Вышли поздно и потому должны были ѣхать ночью, что было крайне неудобно и небезопасно,

въ виду множества арыковъ, которые пришлось переѣзжать по гнилымъ, полуразрушеннымъ мостамъ. Ночь къ тому-же выдалась темная и бурная, но все это было-бы ничего, если бы не случилось нападенія неожиданнаго непріятели.

„Когда гроза утихла,—говорить г. Потанинъ,—на насъ напали комары въ такомъ количествѣ, какого никому изъ насъ никогда не приходилось видѣть. Только-что я зажегъ свой фонарь, какъ къ нему тотчасъ же начался непрерывный лётъ, который былъ такъ густъ, что казалось будто по лицу кто-то непрерывно сыплетъ пепломъ. На свѣчу, горѣвшую внѣ фонаря, комары насѣдали въ такомъ количествѣ, что тушили ее“.

Такое нападеніе путешественники испытывали потомъ въ другихъ мѣстахъ, преимущественно во влажныхъ ложбинахъ въ сосѣдствѣ озеръ, гдѣ заросли камыша служатъ настоящимъ гнѣздилищемъ этихъ несносныхъ насѣкомыхъ. Ночью въ воздухѣ стоитъ отъ нихъ такой шумъ, словно самоваръ кипитъ. На листѣ бумаги, вокругъ свѣчи, образуется дождь отъ самосожигающихся комаровъ. Впрочемъ, комары донимали путешественниковъ только въ долинахъ Темиръ-си и Черняго Иртыша; въ сѣверо-западной Монголіи они встрѣчались лишь въ незначительномъ количествѣ.

На отдыхъ путешественники останавливались наугадъ, гдѣ случалось; за темнотою ничего не было видно. Многіе во всю ночь не могли сомкнуть глазъ. Когда разсвѣло, путники неожиданно увидали себя на старой пашнѣ, возлѣ арыка, проведеннаго изъ р. Темиръ-су.

2-го августа экспедиція безъ особыхъ приключеній

ченій достигла береговъ обширнаго озера Улюнгура.

„Отъ Зайсанскаго поста до Улюнгура, говоритъ г. Потанинъ, мы шли точно по широкой улицѣ. На-лѣво—гряда скалистыхъ горъ, на-право—тоже горы. Эти послѣднія выше, и между ними одна, вершина которой покрыта вѣчнымъ снѣгомъ. Это гора Сауръ, именемъ которой зовется весь хребетъ. Киргизское преданіе говоритъ, что былъ однажды такой богатырь, который поднималъ горы. Вздумалось ему большою горою завалить русло Иртыша, чтобы запруженная рѣка залила землю и чтобы въ наводненіи погибли люди, но боги во гнѣвѣ завалили его самого горою. И теперъ, будто слышно, какъ онъ стонетъ подъ горою. Преданіе не говоритъ, какъ звали богатыря; весьма возможно, что гора называется его именемъ“.

Озеро Улюнгуръ имѣетъ около 130 верстъ въ окружности. Съ западной стороны къ нему примыкаетъ маленькое озерко, отдѣляемое отъ большого перешейкомъ. Въ большомъ озерѣ вода прѣсная, въ маленькомъ—горько-соленая. Надо полагать, что малое озеро было прежде заливомъ большого и, отдѣлившись, получило горько-соленую воду отъ окружающихъ его солончаковъ. Растенія, окружающія это озеро, покрылись налетомъ соли, кристаллы которой видимы даже простому глазу. Въ особенности это замѣтно на маленькомъ кустарникѣ, который киргизы называютъ „сары-баракъ“. Этотъ кустарникъ имѣетъ мясистые цилиндрическіе листки и розовые цвѣты. На листьяхъ есть ямочки, выдѣляющія иногда слизистый сокъ. Соль, которая въ видѣ незамѣтнаго для глаза порошка носится въ воздухѣ,

садится на эти ямочки и растворяется въ соку растенія. Затѣмъ подѣ дѣйствию полуденнаго солнца жидкость испаряется, а соль кристаллизуется, образуя кучки, составленныя изъ микроскопическихъ кубиковъ, какими обыкновенно кристаллизуется поваренная соль.

Птицъ на озерѣ множество; ихъ пометомъ сплошь покрыты берега. Въ окрестностяхъ водятся кабаны, выдры, волки и лисицы. Киргизы рассказываютъ, что зимой на озерѣ слышенъ ревъ водяной коровы, которая, будто-бы выходитъ на ледъ только тогда, когда людей по близости нѣтъ. Надо полагать, что поводомъ къ такой легендѣ послужилъ шумъ, сопровождающій обыкновенно образованіе трещинъ во льду.

„На Улюнгурѣ,—рассказываетъ Гр. Никол.,—мы ловили свѣтящихся комаровъ. Въ брюшкѣ насѣкомаго такой же электрической фонарикъ, какъ и у того жука, который извѣстенъ у насъ подѣ названіемъ Иванова червячка. Но улюнгурское насѣкомое эффективѣе. Нашъ свѣтлячекъ не имѣетъ крыльевъ и освѣщаетъ своимъ фонарикомъ только земную поверхность подѣ кустами, тогда какъ свѣтящіеся комары, летая довольно высоко, мелькаютъ въ темнотѣ какъ электрическія искры“.

Дорога огибала озеро и шла по равнинѣ, заселенной торгоутами и частью китайцами. Вся равнина, верстъ на 50 въ длину, обработана.

Миновавъ большое китайское селеніе Булунъ-Тохой и переправившись черезъ Черный Иртышъ, экспедиція пришла въ долину р. Крана, гдѣ ей пришлось простоять довольно долго. Вожакъ Кудебай, подрядившійся вести экспедицію въ Хобдо, вдругъ

заупрямился и объявилъ, что согласенъ итти только до ламайскаго монастыря Шари-Суме на р. Кранъ, а оттуда проводниковъ экспедиція можетъ получить отъ мѣстнаго гэгэна. (О значеніи гэгэна будетъ ниже).

12-го августа путешественники цѣлой компаніей отправились въ монастырь. Долина отъ рѣки до окраины горъ была очень оживлена. Вездѣ виднѣлись крестьяне, занятые жатвою хлѣба, молотьбой и собираніемъ опиума. Хлѣбныя поля чередовались съ обширными плантаціями мака.

Добываніе опиума въ такой сѣверной мѣстности было совершенною неожиданностью для ученыхъ путешественниковъ. Но тогда не было еще извѣстно, что китайцы сѣютъ макъ для опиума даже въ окрестностяхъ Кяхты. Такой фактъ объясняется не иначе, какъ особенностью степного климата Монголіи, именно его необыкновенной сухостью.

Отъ деревни, стоящей на берегу Крана, почва начала замѣтно повышаться. Переваливъ черезъ невысокій горный отрогъ, путешественники увидали Шари-суме, т. е. „желтый храмъ“ Монастырь состоитъ изъ полсотни глиняныхъ зданій и четырехъ, стоящихъ въ рядъ кумиренъ. Посрединѣ возвышается большое четырехугольное зданіе съ бельведеромъ. Путешественниковъ въ монастырь не допустили, а предложили имъ остановиться въ деревнѣ. Вскорѣ прибыли два чиновника, одинъ съ бѣло-молочнымъ шарикомъ, другой съ свѣтло-прозрачнымъ. Они объявили, что въ этотъ день доклада гэгэну дѣлать не могутъ, и предложили русскимъ возвратиться въ станъ. Волей-неволей пришлось покориться.

На слѣдующій день путешественники явились около полудня, но и на этотъ разъ имъ не посча-

стливилось. На мосту, передъ жилищемъ цаганъ-гэгена („бѣлаго гэгена“), они были остановлены толпой ламъ, т. е. буддѣйскихъ монаховъ, изъ которой никто не согласился доложить гэгену о ихъ прѣздѣ. Не добившись ничего, путешественники поѣхали къ кумирнямъ осмотрѣть ихъ архитектуру. Тутъ случилась съ ними неожиданная непрѣятность: около одной изъ кумиренъ на нихъ бросилась толпа народа и начала кидать комья глины и тыквы. Путешественники прищпорили лошадей; но Позднѣеву съ казакомъ не удалось ускакать; ихъ остановили, стащили съ лошадей и избили. Вскорѣ толпа догнала Потанина и Рафаилова и обезоружила ихъ. Всѣхъ четверыхъ привели въ селеніе и одного отправили въ станъ за паспортами, другихъ же оставили заложниками. На слѣдующій день дѣло чужестранцевъ было разобрано въ судѣ, и они отпущены на свободу; но вожаковъ имъ все-таки не дали. По счастью, жившій по близости алтайскій киргизъ Джуртпай выручилъ экспедицію, снабдивъ ее вожакомъ.

Впослѣдствіи обнаружилось, что цаганъ-гэгень, прежде, чѣмъ стать гэгеномъ, прямо разбойничалъ. Въ числѣ прочихъ безчинствъ онъ много сдѣлалъ зла одному киргизскому племени, подвѣдомственному Россіи, вслѣдствіе чего между гэгеномъ и пограничнымъ русскимъ начальствомъ возникли недоразумѣнія. Это обстоятельство путешественники, къ сожалѣнію, упустили изъ вида, дѣлая визитъ гэгену.

Слѣдуя по системѣ рѣкъ, впадающихъ въ Черный Иртышъ, путешественники, близь устья рѣки Кандагатая, впервые увидали монгольскіе кѣректуры.

Кѣректуры—это могильныя насыпи, а кѣшчило—вкопанные отвѣсно въ землю отесанные

столбы, иногда гладкіе, иногда съ человѣческими изображеніями. Тѣ и другіе встрѣчаются въ сѣверной Монголіи въ изобиліи. Могильныя насыпи всегда окружены орбитою изъ небольшихъ камней, положенныхъ четырёхугольниками, кругами, радіусами, или рядами.

Халхасцы разсказываютъ, что въ древности были люди - великаны, которые выдергивали деревья съ корнемъ, когда хотѣли разложить огонь. Надъ такими большими людьми, когда они умирали, и насыпи приходилось дѣлать большія. Теперь люди становятся все меньше и меньше; въ будущемъ станутъ еще меньше.

По иному сказанію, эти насыпи дѣлались жителями надъ имуществомъ, которое они прятали отъ непріятеля. Торгоуты же разсказываютъ, что кэрексуры насыпались въ память битвъ.

Отъ кэрексуровъ слѣдуетъ отличать другія насыпи, которыя у монголовъ называются „обо“.

Кэрексуры встрѣчаются больше у подошвы горъ, обо—на возвышенностяхъ, или на перевалахъ. „Обо“ называется груда камней съ шестомъ посрединѣ. Каждый монголь, проходя мимо, считаетъ долгомъ положить на обо камешекъ, а на шестъ навязать тряпочку или волосокъ. Такимъ приношеніемъ монголы надѣются умиловитъ духовъ, во власти которыхъ находятся горные пути.

Пересѣкши воздѣланную равнину, путешественники стали подниматься на Алтайскій хребетъ, на его южный скатъ. Достигнувъ значительной высоты и оглянувшись назадъ, они увидали подъ ногами монастырь Шари-суме и пройденный путь. Проводники киргизы указали имъ гору, на которую ежегодно совершаетъ восхожденіе шари-сумскій гэгень

со своими монахами. Здѣсь они проводятъ три дня, молятся и собираютъ цѣлебныя травы.

8-го сентября экспедиція дневала на значительной высотѣ. Нѣкоторыя альпійскія растенія еще цвѣли, несмотря на то, что до половины были засыпаны снѣгомъ, а къ ихъ лепесткамъ приморожены кусочки льда.

На розсыпяхъ горныхъ породъ водятся во множествѣ „сѣноставки“, маленькій запасливый звѣрекъ, который живетъ въ промежуткахъ между камнями, а около выходовъ складываетъ стожки изъ сухихъ листьевъ. Для сѣновала избирается обыкновенно ровное мѣстечко, подъ навѣсомъ выдающагося камня. Здѣсь собранные листочки хорошо провѣтриваются, быстро сохнутъ и сохраняютъ ароматъ.

За переваломъ, у озера Даинъ-гуль, путешественники встрѣтили кочующихъ киргизовъ подъ начальствомъ султана Самаркана. Самарканъ, несмотря на то, что уже двигался на зимовку, принялъ русскихъ „тюре“ *) очень любезно и снабдилъ ихъ вожакомъ, взамѣнъ того, который взять былъ у Джуртпая. Новый вожакъ, сартъ Касымъ, долженъ былъ проводить экспедицію до Хобдо по тяжелой гористой дорогѣ. Г. Н. избралъ этотъ путь потому, что онъ не былъ изслѣдованъ европейцами.

Дня за три до прихода въ Хобдо на послѣднемъ горномъ перевалѣ экспедиція выдержала сильную бурю.

Во весь день дулъ жестокій сѣверо-западный вѣтеръ, и рябчики, которыхъ было много въ этой мѣстности, кричали на скалахъ. На горахъ былъ

*) Высшее чиновное лицо.

видень буранъ. Буря проносилась съ громомъ; ударъ слѣдовалъ за ударомъ. Юрта трещала. Стрѣлы, поддерживавшія верхній кругъ, ломались. Всю ночь укрѣпляли юрту, чтобы вѣтеръ не сорвалъ ее окончательно.

Хобдо.

Въ Хобдо экспедиція прожила отъ 7-го октября по 20-е марта, т. е. 5½ мѣсяцевъ.

Городокъ Хобдо лежитъ на самомъ краю Китайской имперіи. Это самый отдаленный отъ Пекина китайскій городъ *). Храмы, статуи, театральныя представленія, актеры, церемоніи, pompa и угощенія—все это послѣдній сортъ, какъ и слѣдуетъ ожидать въ такомъ захолустьѣ, которое на 4—5 тысячъ верстъ отстоитъ отъ столицы. Тѣмъ не менѣе, въ торговлѣ Россіи съ Китаемъ городокъ Хобдо играетъ важную роль.

Городъ состоитъ изъ крѣпости, гдѣ пребываетъ администрація, и торговой слободы. Русскіе купцы наѣзжаютъ сюда только лѣтомъ; на зиму же оставляютъ приказчиковъ. Эти люди, непривыкшіе къ условіямъ китайской жизни, не мало бѣдствуютъ. Дома въ Хобдо совсѣмъ неприспособлены къ суровому климату города. У нихъ бумажныя во всю стѣну окна; потолки тоже бумажные, двери плохо пригнанныя, а иногда, вмѣсто дверей, занавѣска. Помѣщеніе нагрѣвается жаровней, производящей угаръ. Строить свои дома китайское начальство русскимъ купцамъ не разрѣшаетъ.

Русскіе купцы стали привозить желѣзныя печи, которыя успѣшно привились въ Монголіи. Теперь

*) Для китайскаго міра это такой же край свѣта, какъ для Русской имперіи какой-нибудь Якутскъ или Верхоянскъ.

почти у каждого зажиточнаго китайца, живущаго въ Монголіи, есть печь; сами китайцы научились ихъ дѣлать. Въ юртахъ нѣкоторыхъ ламайскихъ монастырей также устраиваются печи.

Бойко идетъ торговля русскими подносами. Они употребляются при угощеніи (достарханъ) и какъ утварь для куренія опиума. Съ недавняго времени мѣстные жители стали покупать косы, и русскіе приказчики обучили ихъ сѣнокошенію.

Прочный сбытъ имѣютъ маральи рога *), которые употребляются въ Китаѣ какъ лекарство. Рога скупаются бійскими купцами у алтайскихъ охотниковъ и мараловодовъ. Этотъ выгодный промыслъ побудилъ нѣкоторыхъ алтайцевъ приручать дикихъ мараловъ и разводить отъ нихъ породу у себя дома. Здѣсь кстати будетъ сказать объ этомъ промыслѣ нѣсколько словъ.

Самымъ замѣчательнымъ мараловодомъ въ Алтаѣ считался въ то время Родіонъ Черновъ. Это былъ истый любитель своего дѣла. Онъ почти все время проводилъ въ маральникѣ, такъ что люди, имѣвшіе до него нужду, шли не въ избу, а прямо въ маральникъ. Не говоря уже о томъ, что Черновъ не жалѣлъ денегъ на животныхъ, онъ съ любовью ухаживалъ за ними, а телятъ выкармливалъ на своей постели. Одна маралушка, которую онъ воспитывалъ такимъ образомъ, до того привыкла къ нему, что ходила за нимъ, какъ собачка. Однажды Чернову пришлось уѣхать. Маралушка уже не заходила въ избу, но потомъ стала заходить по вечерамъ, но понюхавъ постель Чернова, на которой, въ его

*) Мараль—большой олень.

отсутствіи спалъ его сынъ, убѣгала прочь. Когда вернулся Черновъ, она тотчасъ же узнала его и начала ласкаться. Держали ее въ избѣ до восьми мѣсяцевъ, но потомъ она начала обижать дѣтей, бить ихъ копытами, и ее пустили въ общій маральникъ.

По увѣреніямъ звѣропромышленниковъ, ни одно дикое животное не приручается такъ скоро, какъ мараль. Взять въ лѣсу дикаго марала трудно; надо загонять его до утомленія. Когда звѣрь послѣ долгой гоньбы лишится силъ, онъ стоитъ смирно и не шевелится. Тогда промышленникъ подбѣгаетъ къ нему на лыжахъ, накидываетъ веревку на рога и опутываетъ ноги. Простоявъ такимъ образомъ съ сутки, звѣрь дѣлается поводливъ и спокоенъ, какъ хорошо обученная лошадь. Пробывъ съ человѣкомъ около двухъ сутокъ, онъ уже привыкаетъ къ нему, бѣжитъ за нимъ съ мычаньемъ, прося хлѣба, ласкается, позволяетъ чесать себя и гладить. Когда Черновъ входилъ въ свой маральникъ, ему стоило только крикнуть: „маралки, маралки мои!“, и звѣри со всѣхъ сторонъ сбѣгались къ нему, ласкаясь и ожидая хлѣба.

Мараль носитъ рога до 1-го марта. Послѣ этого числа маралы бываютъ или съ сухими, не сброшенными, рогами, или безъ роговъ, или съ свѣжими отпрысками въ 3 — 4 вершка длины. Лучшій рогъ бываетъ юньскій; окостенѣніе въ немъ еще не началось; онъ толстый, гладкій и легкій. Въ это время мараловоды спиливаютъ рога у домашнихъ мараловъ и охотятся за дикими. У дикаго убитаго марала выпиливаютъ рогъ съ черепной костью. Такіе рога цѣнятся особенно высоко.

Продолжительнымъ пребываніемъ въ Хобдо пу-

тешественники воспользовались, чтобы изучить экономическія и бытовыя условія мѣстности.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ былъ у китайцевъ какой-то праздникъ, и въ одной изъ кумиренъ давалось театральное представленіе. Получивъ приглашеніе, путешественники въ 9 часовъ утра отправились туда.

„Когда мы пришли туда,—разсказываетъ г-жа Потанина,—представленіе еще не начиналось. Сидѣній въ китайскомъ театрѣ для публики не полагается; зрители стоятъ на открытомъ дворѣ между кумирней и зданіемъ со сценой. Только нѣкоторые побогаче находятъ возможность занять ложу, или вѣрнѣе комнату одного изъ боковыхъ флигелей, изъ оконъ которыхъ на время представленія вынута рама.

„Большое окно кумирни, обращенное къ сценѣ, было открыто, и мы могли черезъ него видѣть статую Чонъ-гуэ, божества загробной жизни. Лицо бурхана сдѣлано красивымъ и молодымъ; черная борода изъ настоящихъ волосъ спускается до половины груди; одѣтъ бурханъ въ пунцовый халатъ, на головѣ—старинный китайскій уборъ изъ чернаго крепа съ серебряными филигранной работы пластинками, которыя торчатъ изъ за ушей.

„На столѣ передъ статуей разложены были приношенія вѣрующихъ: цѣлая туша барана, множество „бобо“—разнаго рода хлѣбцевъ и пирожковъ; горѣли свѣчи и курились тонкія курительныя палочки.

„Стѣны кумирни разрисованы изображеніями разныхъ казней. Тутъ вѣшали, рубили головы, распиливали людей на полосы, словомъ—отправляли людей въ царство Чонъ-гуэ, на тотъ свѣтъ. У входа въ святилище стояла жаровня, на которую богомольцы

кидали цвѣтныя бумажки съ надписями. Когда богомолецъ преклонялъ колѣно, на дворѣ какой-нибудь любитель пускалъ петарду. Только и слышалось: трахъ, трахъ...

„Понемногу все пространство между кумирней и сценой наполнилось зрителями. Тутъ стояли китайцы разныхъ возрастовъ и состояній: щеголеватые приказчики, грязные пропойцы, курильщики опиума, опрятные сарты въ своихъ пестрыхъ шубахъ и вышитыхъ тибютейкахъ; киргизы, монголы въ нагольных тулупахъ и нѣсколько русскихъ торговцевъ. Этнографическая пестрота зрителей наглядно показывала, что городъ стоитъ на границѣ великихъ народностей.

„Въ публикѣ было также не мало монголокъ. Онѣ отличались своими нарядами. Халаты самыхъ яркихъ цвѣтовъ, красные, синіе, лиловые были выложены по подолу цвѣтными лентами; голова и грудь обильно увѣшаны серебряными украшениями. Особенно оригинальны украшения въ видѣ образа въ серебряной рамѣ, который виситъ на груди на массивной серебряной цѣпи, надѣтой въ видѣ помочей и укрѣпленной сзади у пояса, цѣлой кистью серебряныхъ подвѣсокъ. Десятокъ монголокъ, стоявшихъ фронтомъ около стѣны, очень походили на иконостасъ будійскаго монастыря. Монгольскія красавицы весело болтали, покуривая трубочки. Кончивъ курить, онѣ выколачивали пепель о каблукъ, какъ это дѣлаютъ мужчины, а трубочку засовывали за голенища.

„На сценѣ играли какую-то героическую пьесу. На креслѣ сидѣлъ актеръ въ желтомъ халатѣ и въ головномъ уборѣ изъ дощечекъ, расположенныхъ

вѣромъ. Этотъ уборъ долженъ былъ, вѣроятно, изображать корону. Другой актеръ, одѣтый стари-комъ, изображалъ уличнаго торговца. Очевидно, это былъ комическій актеръ, такъ какъ публика хохотала при каждомъ его словѣ. Затѣмъ на сценѣ появилась дѣвица, одѣтая и причесанная съ большою претензіей. Въ волосахъ ея торчалъ малиновый султанчикъ, который дрожалъ при каждомъ ея движеніи. Смотря на бѣлое румяное лицо актрисы и ея граціозныя движенія, мы едва могли повѣрить, что это некто иной, какъ китайскій солдатъ, котораго мы какъ разъ въ это утро видѣли.

„На сценѣ вскорѣ появилась семья дѣвицы: отецъ, мать, братья и сестры. Мать оказалась съ большими черными усами. Декорации отсутствовали. Только однажды, когда нужно было дѣйствующему лицу сказать рѣчь съ городской стѣны, принесли декорацию, съ нарисованной на ней городской стѣной, и растянули поперекъ сцены. Позади декорации поставили столъ съ табуретомъ, куда и влѣзъ актеръ, такъ что половина зрителей имѣла удовольствіе видѣть человѣка на городской стѣнѣ, а другая—просто стоявшаго на столѣ и табуретѣ актера.

„О музыкѣ и говорить нечего; для европейскаго уха она прямо невыносима.

„На другой день,—продолжаетъ г-жа Потанина—мы имѣли случай видѣть религіозную процессію. Статую Чонъ-гуэ переносили въ другую кумирню. Утромъ, на разсвѣтѣ, мы были разбужены ударами большихъ мѣдныхъ тарелокъ, извѣщавшихъ жителей о началѣ торжественнаго дня. Въ 10 часовъ отъ восточной кумирни показалась процессія. Впереди бѣжали мальчуганы, одѣтые въ шутовскіе, длинные,

не по возрасту, кафтаны. Мальчуганы несли знамена съ нарисованными на нихъ драконами. Эта веселая компанія, забѣжавши съ знаменами впередъ, садилась среди улицы на корточки и поджидала процессію. Появились китайцы и монголы съ тяжеловѣсными деревянными колодками на шеяхъ, какія въ Китаѣ надѣваютъ на преступниковъ. Намъ объяснили, что это добровольный подвигъ мученичества. Затѣмъ слѣдовали два китайца въ маскарадныхъ костюмахъ съ ажурными металлическими шлемами на головахъ. Они вели двухъ коней въ нарядныхъ сѣдлахъ; за ними шли музыканты. Далѣе, окруженные толпой народа, двигались красные носилки съ статуей Чонъ-гуэ. Сбоку, поддерживая носилки, шелъ палачъ, главный служитель бога Чонъ-гуэ. Обошедши улицы Хобдо, процессія остановилась у кумирни, и началось поклоненіе.

„Вечеромъ процессія такимъ же порядкомъ перенесла бурхана въ прежнюю кумирню. У домовъ висѣли бумажные фонари, въ окнахъ лавокъ стояли столики съ курительными свѣчами. Когда божество проносили мимо, жители творили земные поклоны. Всюду трещали петарды; толпа бросалась въ сторону, а мальчишки бѣжали къ мѣсту взрыва, чтобы поднять уцѣлѣвшія петарды и устроить свой собственный фейерверкъ“.

Очень торжественно справляется въ Хобдо праздникъ Новаго года. Дома чистятся и убираются, какъ у насъ передъ Рождествомъ; вездѣ происходитъ усиленная стряпня. На дворахъ у богатыхъ людей строятъ павильоны, ставятъ палатки, украшая ихъ искусственными цвѣтами и матеріями. Въ большомъ употребленіи цвѣтныя бумажки съ изреченіями. Ихъ

пришпиливаютъ всюду. Такія бумажки неожиданно появились на дверяхъ дома, занимаемаго Потаниными. Этимъ выражалось особое вниманіе туземцевъ къ русскимъ путешественникамъ.

„Улицы къ вечеру, — рассказываетъ Александра Викторовна, были всѣ увѣшаны фонарями; у каждаго дома ихъ было по два и по три. Кромѣ того, на улицѣ, противъ каждаго дома, сложенъ былъ костеръ. Дѣти ужасно суетились, съ нетерпѣніемъ ожидая вечера. Въ сумерки всѣ работы были кончены, и обыватели одѣлись въ парадныя платья. Наконецъ, въ крѣпости выпалили изъ пушки; по улицамъ прошелъ сторожъ, ударяя въ большія мѣдныя тарелки. Всюду зажглись фонари; но костры запылали только въ два часа ночи.

Самый зажиточный классъ населенія въ Хобдо, это китайскіе купцы. Не смотря на то, что многіе изъ нихъ живутъ въ Хобдо всю жизнь, отъ молодыхъ лѣтъ до сѣдыхъ волосъ, они всѣ стремятся перебраться хоть подъ старость въ застѣнный Китай. Если же кто-нибудь не успѣетъ этого сдѣлать, то родственники считаютъ священной обязанностью препроводить туда его кости. Если же не случится у родственниковъ средствъ сдѣлать это тотчасъ, гробъ съ трупомъ ставится въ оградѣ восточной кумирни, подъ охрану бога загробной жизни, Чонъ-гуэ. Здѣсь накапливается много такихъ гробовъ; они стоятъ на поверхности незарытыми, въ ожиданіи перевозки.

Хамійскій оазисъ и переходъ черезъ Гоби.

Едва повѣяло тепломъ, въ концѣ марта, экспедиція поспѣшила оставить Хобдо, чтобы на югъ за

стать раннюю флору. Еще до выхода экспедиции изъ Хобдо распространился слухъ о возстаніи дунганъ, которые, около гор. Баркуля, вырѣзали, будто бы, деревню Сантаху, а Баркуль держатъ въ осадѣ. Городское начальство прислало предупредить путешественниковъ объ опасности. Зная привычку китайцевъ запугивать чужестранцевъ, чтобы отклонить ихъ отъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, Григорій Николаевичъ не обратилъ вниманія на предостереженія и двинулся на Баркуль не обычной караванной дорогой, а напрямикъ, черезъ озеро Хара-усу.

Зелени еще не было, но птицъ на озерѣ слетѣлось множество; на первомъ же привалѣ убито было два лебедя, два гуся и чирокъ. Птицы, не привыкшія къ посѣщенію человѣка, были очень довѣрчивы. Сѣрые гуся и ангирь—красныя утки—прилетали къ берегу и садились на льду противъ самага стана. Окружающая природа была бѣдна; солончаковая равнина, покрытая кочками, поросшими дѣрисуномъ*), выглядѣла уныло. Только горы съ ихъ причудливыми очертаніями разнообразили картину.

На равнинѣ, разстилающейся къ западу отъ озера Хара-усу, много кѣрексуровъ и кѣшо-чило. Послѣднія имѣютъ видъ плитъ, съ изображеніями человѣческаго лица. Нѣкоторыя изъ нихъ упали, но большинство находится въ стоячемъ положеніи.

Въ урочищѣ Дзерге Березовскій и Коломійцевъ должны были отстать отъ экспедиціи и отправиться въ Улясутай. Остальной караванъ пошелъ по долинѣ Дзерге, примыкающей къ горамъ.

Долина Дзерге изобилуетъ ключами. Подземные

*) Особый видъ злака; это самый высокій злакъ въ Монголіи.

ключи, выбиваясь наружу, образуютъ круглыя провалы, имѣющіе видъ кратеровъ, аршина полтора въ поперечникѣ; путника предохраняетъ отъ этихъ проваловъ образующееся вокругъ нихъ нѣкоторое вздутіе почвы. Вообще же проходъ по этой топи очень опасенъ, и караваны идутъ по окружающимъ ее гребнямъ горъ.

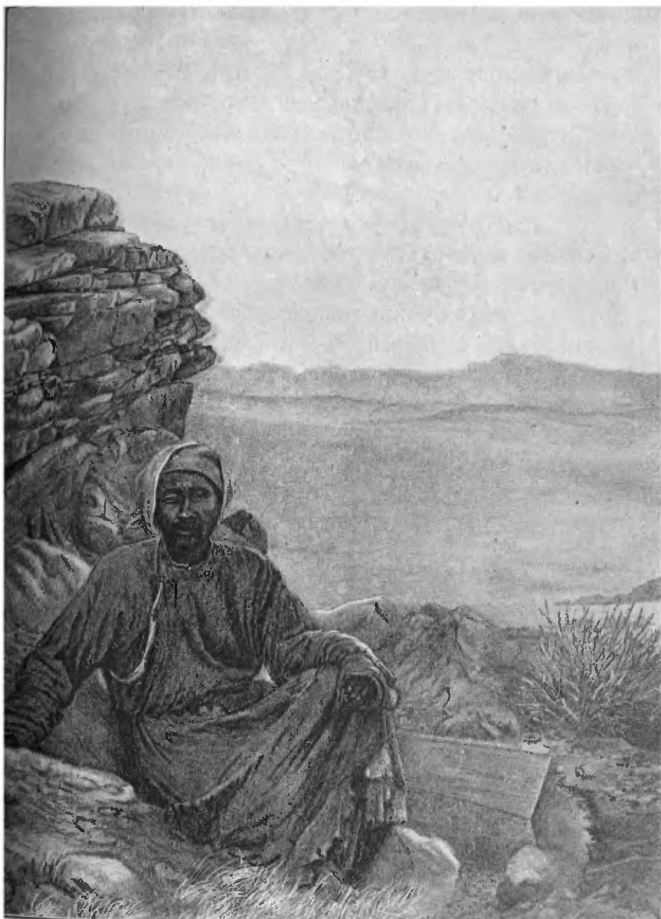
Пастухъ экспедиціи отсталъ отъ каравана и очутился на другой сторонѣ топи. Такъ и пришлось имъ итти врозь до самаго конца топи, т. е. до слѣдующаго дня. На противоположной сторонѣ долины за топью былъ виденъ густой березовый лѣсъ.

На стоянкѣ было такое количество птицъ, какого путешественникамъ еще не доводилось видѣть. Людей и скота тоже много въ долинѣ Дзерге, хотя по дорогѣ путешественники встрѣчали ихъ мало, потому что населеніе располагается ближе къ правому боку долины, гдѣ болѣе воды и луговъ. Но въ сторонѣ частенько чернѣли юрты, и попадались пашни съ свѣже выкопанными арыками.

Вплоть до 12-го апрѣля путешественниковъ преслѣдовало ненастье; шелъ снѣгъ и были бураны. Только по выходѣ изъ долины рѣки Барлыка повѣяло тепломъ, и появилась зелень.

Достигнувъ 18-го апрѣля влажнаго урочища Гуньтамга, экспедиція сдѣлала приваль на два дня, чтобы дать животнымъ отдохнуть и наѣсться. Отсюда начинался переходъ черезъ Гобійскую пустыню.

Черезъ всю Монголію между хребтами Алтаемъ и Тянь-Шанемъ проходитъ пустынная, безтравная полоса Гоби. Мѣстами—полоса эта верстъ до двухъ сотъ шириною, мѣстами—уже. Когда входишь въ пустыню, она имѣетъ сначала видъ травянистой степи;

Странникъ въ Гоби.

но мало по малу растительность рѣдѣть и, наконецъ, совсѣмъ исчезаетъ. Степь превращается въ голую пустыню, покрытую галькой. Здѣсь не живетъ ни звѣрь ни птица. Все безмолвно кругомъ. Тяжелы и безотрадны переходы по этой мѣстности; между тѣмъ здѣсь, какъ нарочно, являются миражи, которые еще больше тревожатъ измученную душу путника. Сплошь и рядомъ представляется волнующаяся поверхность воды, и представляется до того ясно, что въ ней отражаются сосѣднія скалы.

Послѣ утомительнаго недѣльнаго перехода, экспедиція пришла въ живописный оазисъ съ деревнею Сантаху. Деревня лежитъ въ углубленіи, и ее съ Гоби не видно; тѣмъ болѣе поразительно впечатлѣніе, которое производитъ этотъ оазисъ. На берегу небольшой рѣчки разбросаны крестьянскія усадьбы, окруженныя деревьями. Мрачная пустыня вплотную прилегаетъ къ зелени полей и садовъ; изъ оконъ фанзъ было бы видно это угрюмое сухое море, еслибъ деревня не лежала въ ямѣ.

Пять дней экспедиція простояла у Сантаху, чтобы дать отдыхъ людямъ и поправить животныхъ. Послѣднія до того отошдали, что ѣли конскій пометъ, валявшійся на дорогѣ. Двухъ лошадей пришлось оставить въ Гоби въ жертву голодной смерти.

Не доходя Сантаху, путешественники встрѣтили человѣка, который отсталъ отъ каравана, шедшаго изъ Хуху-хото въ Гучень, потерялъ лошадь и плелся пѣшкомъ. Три дня онъ не пилъ и не ѣлъ. Подобные случаи въ Гоби не рѣдки. Бѣда путнику, который собьется съ дороги, или не разочтетъ разстоянія; ему угрожаетъ мучительная смерть.

Жители Сантаху очень радушно приняли путе-

шествениковъ и старались съ ними сблизиться. „Однажды, проходя по деревнѣ“, рассказываетъ г-жа Потанина, „мы встрѣтили мельничиху, хозяйку единственной въ деревнѣ мельницы. Она вышла къ намъ на встрѣчу и усерднѣйшимъ образомъ стала приглашать къ себѣ; а когда мы отказывались, она, шутя, но тѣмъ не менѣе очень настойчиво взяла за плечи самага чопорнаго члена нашего общества и потащила въ ворота. Пришлось уступить. Мельничиха была вдова и полновластная хозяйка мельницы; взрослый сынъ былъ у нея въ полномъ подчиненіи. Домъ былъ деревенскій, въ одну комнату, но свѣтлый и просторный. Кромѣ прочей утвари, въ комнатѣ стоялъ станъ для тканья шерстяной матеріи. Дочери мельничихи сидѣли за работой. Хозяйка, все время весело болтавшая съ собравшеюся публикой, предложила гостямъ горячей похлебки, которая состояла изъ клочечковъ тонко раскатаннаго тѣста, свареннаго въ кипяткѣ, и приправленнаго лукомъ и уксусомъ; затѣмъ чаю съ свѣжими булками, печеными на пару. Необыкновенная живость хозяйки, такъ и носившейся изъ одного угла въ другой, сообщалась и остальному обществу. Всѣ присутствовавшіе, наперерывъ, старались знакомить насъ съ китайскими названіями предметовъ, находившихся подъ руками, и весело смѣялись нашимъ ошибкамъ въ произношеніи. Провожая насъ домой, Шидзя (мельничиха) сейчасъ же замѣтила, что мужа моего интересуютъ растенія, и стала называть ихъ“.

На другой день, подъ предводительствомъ мельничихи, въ станъ путешественниковъ явилось нѣсколько женщинъ, чтобы отдать визитъ и посмотреть различныя вещи. Приходили и мужчины, но больше

съ практической цѣлью: купить что либо, или продать. Вообще китайскіе крестьяне производили гораздо болѣе выгодное впечатлѣніе, чѣмъ горожане. Уличная толпа въ городахъ была положительно невыносима.

Зимой, передъ приходомъ экспедиціи, на Сантаху напали дунгане и увели скотъ. Жители бѣжали въ горы, и мятежники успѣли убить только четырехъ беспомощныхъ стариковъ. Несмотря на отсутствіе скота, крестьяне все-таки вспахали свои пашни. Въ этомъ-то умѣньѣ обходиться собственными силами и заключается у китайскихъ крестьянъ секретъ процвѣтанія ихъ земледѣлія. Видъ полей былъ таковъ, что если-бъ путешественники не знали о нападении дунганъ по разговорамъ, они бы и не догадались объ этомъ.

За Сантаху снова пошла Гобійская пустыня, но совершенно безплодная часть ея продолжалась не долго; ближе къ горамъ Мачинъ-ола появилась растительность въ видѣ жидкихъ кустарниковъ дзакка. Съ горы Мачинъ открылся видъ на долину, въ которой лежитъ большое озеро Баркуль и на городъ того же имени. Виденъ былъ величавый Тянь-Шань, до половины покрытый снѣгомъ, а ниже хвойнымъ лѣсомъ. Въ долину, параллельно хребту, тянулся рядъ фанзъ въ перемежку съ пашнями. Деревья были еще безъ листьевъ.

Городъ Баркуль, по торговому значенію, превосходитъ Хобдо, Хами и Улясутай. Въ немъ много богатыхъ домовъ и лавокъ, но грязь невообразимая, и притомъ — ни одного дерева! Глазь отдыхаетъ только за городскими стѣнами, любясь садами и пашнями, тщательно обработанными. За городомъ,

Странствующие богомольцы.

въ одну сторону, тянется на протяженіи версты кладбище, въ которомъ, судя по объему его, хоронятъ не только горожанъ, но и жителей окрестныхъ деревень. Могилы большею частью имѣютъ видъ круглыхъ невысокихъ холмиковъ, обложенныхъ камнями; на вершинѣ лежитъ иногда листъ бумаги, прижатый камнемъ; это молитва за усопшаго. Предъявивъ паспорта, путешественники получили разрѣшеніе остановиться въ городѣ, но они этимъ разрѣшеніемъ не воспользовались, предпочитая городскому зловонію вольный воздухъ полей.

За время трехдневной стоянки экспедиціи подъ городомъ была сухая, хорошая погода; но весна едва еще начиналась, и растительность, по сравненію съ Сантаху, сильно отстала.

Горный проходъ черезъ Тянь-Шань, ведущій въ Хами, лежитъ въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Баркуля; туда-то и направилась экспедиція. По дорогѣ встрѣчалось много народа: шли пѣшеходы, перебросивъ мѣшки съ багажемъ черезъ плечо, или привѣсивъ ихъ къ коромысламъ, шли крестьяне съ земледѣльческими орудіями. Иные ѣхали верхомъ на лошадяхъ, на мулахъ, или въ телѣгахъ. Вправо отъ дороги возвышался снѣжный хребетъ, влѣво—почва понижалась, и по плоскому дну долины тянулись пашни. Вездѣ копошились земледѣльцы; въ сторонѣ виднѣлись телѣги; изъ зарослей выглядывали головы быковъ и лошадей. На путешественниковъ, утомленныхъ только-что пройденною пустыней, такое оживленіе производило пріятное впечатлѣніе.

Знаменитый въ древности Хамійскій оазисъ, образовался, какъ и всѣ оазисы, благодаря близости

горь. Съ горь текутъ ручьи и наносятъ плодородную землю.

Здѣсь еще были свѣжи слѣды дунганскаго нашествія. Но по всему было видно, что до этого оазисъ находился въ цвѣтущемъ состояніи и, по всей вѣроятности, вернется къ нему. Бѣжавшее населеніе таранчи *) начали уже возвращаться; сажались деревья, и все, мало по малу, приходило въ порядокъ.

Городъ Хами состоитъ собственно изъ трехъ городовъ, обнесенныхъ стѣнами: двухъ китайскихъ и одного таранчинскаго. Таранчинская часть города пострадала менѣе всѣхъ. Здѣсь какимъ-то чудомъ уцѣлѣли деревья и, между прочимъ, знаменитая ива „джагалунъ“, т. е. дерево девяти драконовъ. Отъ корня этой ивы идутъ наклонно девять дуплистыхъ изогнутыхъ стволовъ, которые, по мнѣнію туземцевъ, очень похожи на драконовъ. Былъ и десятый стволъ, но его срубили, и изъ него потекла, будто бы, черная кровь, образовавшая у ствола цѣлебный источникъ. Прежде, говорятъ, этотъ источникъ вылечивалъ отъ всѣхъ болѣзней, а теперь помогаетъ только отъ лихорадки.

24-го мая экспедиція вышла изъ Хами въ обратный путь по той же дорогѣ. Дулъ такой холодный вѣтеръ, что пришлось кутаться въ теплое платье. Переваливъ на сѣверную сторону Тянь-Шаня, путники очутились въ поясѣ густой растительности. Сѣверный склонъ Тянь-Шаня густо покрытъ хвойными и лиственными деревьями, кустар-

*) Таранчи — монгольское слово; значитъ „землепашецъ“ отъ слова таранъ „пашня“. Въ китайскомъ Туркестанѣ этимъ именемъ зовутъ осѣдлое населеніе турецкаго происхожденія.

никомъ бузины, жимолости, смородины и облѣпихи. Все было уже въ лѣтнемъ уборствѣ. Рѣка Коукъ, на которой путешественники стояли уже раньше, вдругъ укоротилась, обмелѣла. Немного подальше, она, на глазахъ у наблюдателей, совсѣмъ зарывалась въ голешникъ.

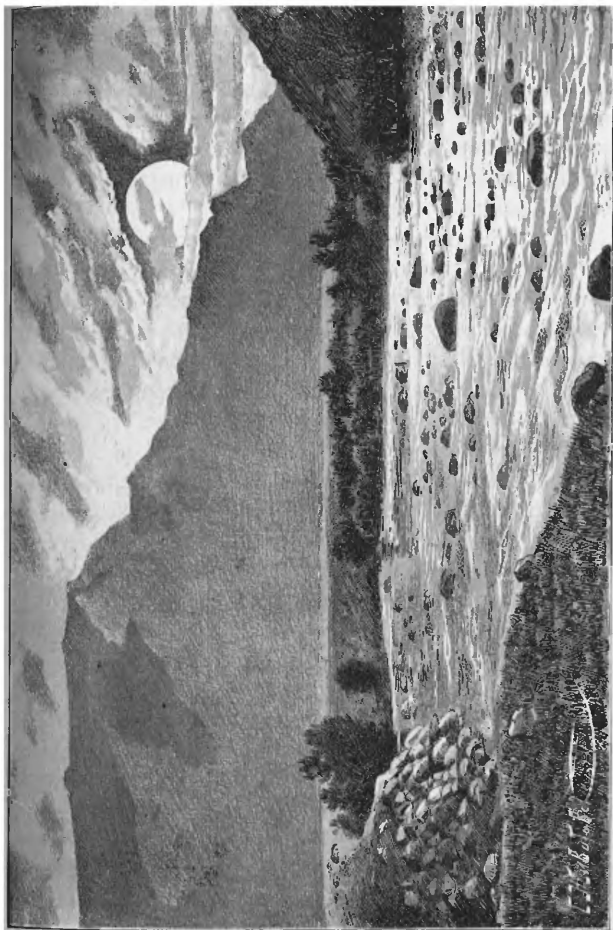
По дорогѣ въ Улясутай экспедиціи вновь пришлось пересѣчь Гобійскую пустыню. Безотрадная картина открылась ихъ взорамъ; ни растеній, ни животныхъ, ни даже ящерицъ не было видно. По дорогѣ валялись кости лошадей: муловъ и верблюдовъ. Караванъ шелъ и послѣ заката солнца при лунномъ свѣтѣ; но когда скрывалась луна, вожакъ отказывался итти далѣе, и караванъ останавливался на ночлегъ. Дѣйствительно, мѣстность была такого рода, что заблудиться было легко, и тогда всѣмъ угрожала гибель.

Въ Улясутай экспедиція прибыла 13 іюля, пробывъ въ дорогѣ болѣе мѣсяца.

Городъ Улясутай расположенъ въ долинѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ горами. Климатъ въ немъ влажный. Улясутай, какъ и Хобдо, значительный пунктъ для торговли съ окрестнымъ населеніемъ. Предметовъ роскоши здѣсь даже болѣе, такъ какъ монгольскіе князья предпочитаютъ дѣлать закупки въ этомъ городѣ.

Отсюда г. Потанинъ сдѣлалъ экскурсію въ горы, на горячіе сѣрные ключи. Монгольскій курортъ, какъ и слѣдовало ожидать, отличался во многомъ отъ европейскихъ курортовъ.

Ключей оказалось нѣсколько; они дѣлились на питьевые и купальные. Надъ каждымъ источникомъ устроено было „обо“, съ похвальнымъ желаніемъ

Рѣчка Богданъ-поло, на которой стоитъ г. Улясутай.

поставить источникъ подъ покровительство боговъ. Ванны были совершенно первобытнаго устройства: просто врытые въ землю ящики, надъ которыми во время купанья раскидывалась дабовая палатка. Водами лечились всякія болѣзни, даже слѣпота, но неизвѣстно, вылечивались ли. Во всякомъ случаѣ больные лечились добросовѣстно. Иные просиживали въ ваннѣ по три часа.

Князья пріѣзжаютъ сюда со своими юртами, бѣдняки же ютятся толпами въ нѣсколькихъ юртахъ, гдѣ имъ очень тѣсно, но за то за помѣщеніе они ничего не платятъ, и содержаніе имъ дается отъ хошуна *): на 21 человѣка два кирпича, и одинъ баранъ на десять дней. Содержаніе, конечно, не роскошное, но, при умѣренности монголовъ въ пищѣ, имъ этого достаточно.

Отъ Улясутая экспедиція пошла на озеро Косо-голь, самый восточный пунктъ, до котораго ей надлежало дойти. Здѣсь она захватила восточную оконечность земли урянхайцевъ, интереснаго народца тюркскаго племени.

„Первый визитъ нашъ въ кочевья урянхайцевъ“, пишетъ Григ. Ник., „ознаменовался весьма непріятнымъ событіемъ; въ первую же ночь у насъ потерялось нѣсколько лошадей. Такъ какъ эти лошади были изъ числа самыхъ смирныхъ въ нашемъ табунѣ, то не оставалось сомнѣнія, что онѣ украдены урянхайцами. Узнавъ, что недалеко отъ насъ находится юрта важнаго чиновника „дзанги“, мы послали къ нему требованіе розыскать лошадей. Дзанги пріѣхалъ самъ и сталъ увѣрять, что въ его вѣдомствѣ

*) Хошунъ — „княжество“.

нѣтъ воровъ, и что лошади, вѣроятно, убѣжали сами; однако, обѣщаль поискать ихъ. „Ну, если обѣщаль“, глубокомысленно замѣтилъ нашъ слуга урянхаецъ, „то, значить, намѣрень возвратить лошадей“. Такъ и вышло. Дзанги былъ у насъ часа въ два, а въ шесть лошади были уже приведены. Прибывшіе съ ними люди сообщили, что будто бы они нашли ихъ за сопкой Шари-тологой“.

Туземцы рассказывали, что конокрадство у урянхайцевъ обычный промыслъ, что сами власти, отъ высшаго до низшаго, участвуютъ въ этомъ промыслѣ. Чтобы оградить себя отъ конокрадовъ, монголы провели линію карауловъ, отдѣляющихъ кочевья монголовъ отъ урянхайцевъ. Перейти эту линію можно не иначе, какъ заручившись пропускомъ отъ нойона, высшаго монгольскаго чиновника.

Подробнѣе познакомиться съ урянхайцами Потанинымъ удалось во время второй экспедиціи въ этотъ край.

17-го декабря путешественники прибыли въ Қошагачъ и, отпустивъ монголовъ, на лошадяхъ доѣхали до Онгудая и оттуда въ Бійскъ поѣхали уже на саняхъ.

Экспедиція длилась отъ 20-го іюля 1876 г. до 17 декабря 1877, т. е. одинъ годъ и пять мѣсяцевъ.

Цѣлью экспедиціи было изслѣдованіе страны, лежащей между озерами Улюнгуромъ и Қосоголомъ съ одной стороны, и между хребтами Танну-Ола и Тянь-Шанемъ съ другой. Цѣль эта была вполне достигнута. Многія мѣстности, никогда непосѣщенные европейцами, были обслѣдованы и нанесены на карту.

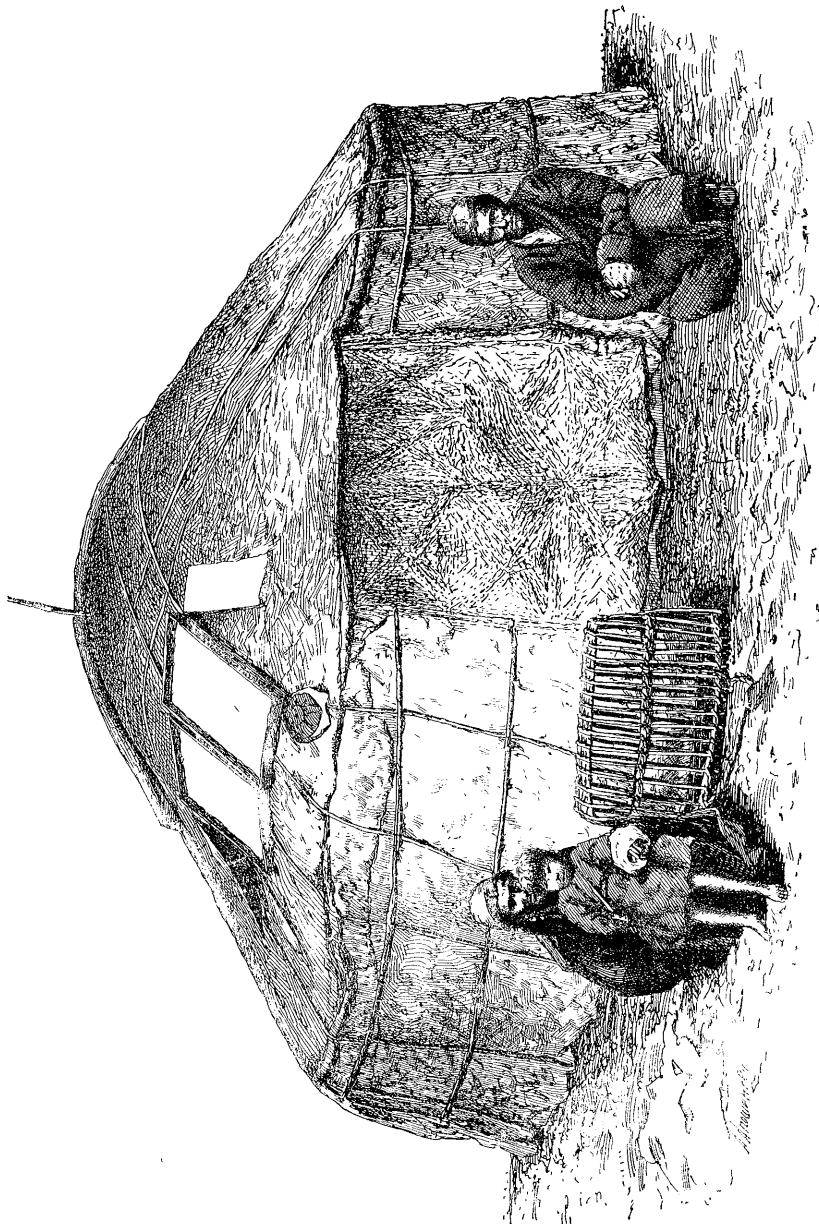
Сѣверо-западная Монголія.

Вторая экспедиція 1879—80 г.

Отъ Кошагача черезъ кочевья дюрбютовъ въ Хобдо.

Вторая поѣздка въ с.-з. Монголію совершена была втеченіе лѣта 1879 года. Первоначальный планъ экспедиціи, рассчитанный на два года, не удалось выполнить, вслѣдствіе недоразумѣній съ Китаемъ. Пришлось ограничиться короткой поѣздкой въ Монголію и экскурсіей въ дархатскую землю. Во время этой поѣздки получено было предписаніе вывести караванъ ближе къ государственной границѣ, и такимъ образомъ, дѣйствіе экспедиціи было ограничено.

Въ составъ экспедиціи, кромѣ супруговъ Потаниныхъ, на этотъ разъ вошли: топографъ Орловъ съ кондукторомъ Елисеевымъ; кандидатъ С.-Петербургскаго университета Адриановъ, переводчикъ монгольскаго языка солдатъ Палкинъ, переводчикъ алтайскаго и урянхайскаго языковъ Чивалковъ и три казака. Чивалковъ былъ ученикъ миссіонерской

Юрта люрбюговъ.

школы, человекъ грамотный и скромный; ему Гр. Ник. былъ обязанъ большимъ количествомъ записанныхъ инородческихъ легендъ и сказокъ.

Караванъ двинулся на Кошагачъ, по той самой дорогѣ, по которой шелъ въ 1877 г. Но тогда была зима, и головоломные бомы, карнизы на краю скалъ, можно было обходить по льду; теперь же, лѣтомъ, миновать опасной дорогинепредставлялось возможности.

Первую часть лѣта г. Потанинъ хотѣлъ посвятить рѣшенію вопроса о связи озера Киргызъ-нора, съ озеромъ Хара-усу. На стоянкѣ въ долинѣ рѣки Худжирту, 29 іюня, путешественники увидѣли обширный, правильно расположенный, лагерь дюрбютовъ, состоявшій изъ множества бѣлыхъ войлочныхъ юртъ. На другой день мимо стана экспедиціи цѣлый день тянулись многолюдные караваны дюрбютовъ, отправлявшихся на лѣтовку. Вскорѣ окрестности стана оживились; въ лѣсу застучали топоры, въ степи сталъ ходить скотъ. Каждый вечеръ устраивались игры, слышался крикъ дѣтей и смѣхъ молодежи.

Дюрбюты принадлежатъ къ западно-монгольскому племени и занимаютъ земли, примыкающія къ озеру Убса. Они рѣзко отличаются отъ халхасцевъ какъ обликомъ и языкомъ, такъ и бытовыми чертами. У нихъ смуглыя продолговатыя лица, длинные носы и заостренные подбородки. Въ одеждѣ они отличаются шапкой и сапогами. Разнообразіе шапокъ у западныхъ монголовъ сразу бросается въ глаза. Здѣсь каждое племя имѣетъ свою шапку, и, кромѣ нея, другой не носитъ.

По образу жизни, дюрбюты кочевой, пастушескій народъ. Главное занятіе ихъ скотоводство. Ремеслъ никакихъ не знаютъ; для домашняго оби-

хода ничего не производятъ. Утварь и одежду покупаютъ.

Дюрбюты отличаются подозрительностью; особенно подозрительны они къ русскимъ. При разспросахъ о какой-нибудь мѣстности они обыкновенно спрашиваютъ: „а зачѣмъ тебѣ это знать?“ Убѣдившись въ ихъ недобѣрчивости, г. Потанинъ принялъ слѣдующую систему. Онъ приказалъ казаку переводчику не останавливать встрѣчнаго дюрбюта, а мимоѣздомъ спросить его, что требовалось знать. Озадаченный неожиданнымъ вопросомъ, дюрбютъ обыкновенно отвѣчалъ что слѣдовало, а подозрѣніе пробуждалось уже потомъ, и съ нимъ вмѣстѣ являлся вопросъ: „для чего да зачѣмъ тебѣ нужно это знать?“

Цаганъ-дарихэ.

Дюрбютскимъ народомъ управляютъ четыре князя: ханъ, ванъ, бэйли и джасыкъ. Мѣстопробываніе вана находится въ „хурэ“, монастырѣ, построенномъ въ мѣстности Улангомъ къ юго-западу отъ озера Убса.

Въ религіозномъ отношеніи замѣчательно отсут-

ствіе гэгеновъ, взамѣнъ которыхъ дюрбюты имѣютъ двухъ богодѣвицъ, дарихэ, чего нѣтъ у халхасцевъ. Одну дарихэ называютъ Цаганъ—бѣлая; другую— Ногонъ—зеленая. Обѣ онѣ живутъ въ хошунѣ вана, въ отдѣльно стоящихъ юртахъ. Дюрбюты поклоняются имъ, какъ бурханамъ, и берутъ ихъ въ Улангомъ, гдѣ для нихъ устраиваются торжественныя процессіи. Послѣ смерти, дарихэ возрождаются такъ же, какъ и гэгены. Мѣсто рожденія ихъ обозначается явленіемъ радуги.

Цаганъ-дарихэ изображается съ приподнятой рукою, на ладони которой находится глазъ. Имъ она наблюдаетъ 3,000 народовъ. Изъ протянутой ноги вырастаетъ растеніе, стебли котораго проростають сквозь пальцы другой руки и расцвѣтають надъ нею.

Ногонъ-дарихэ изображается зеленою. *)

Встрѣтивъ въ урочищѣ Худжирту богатую растительность, путешественники пробыли здѣсь съ недѣлю. Растительность здѣсь довольно разнообразна, особенно въ лѣсу. Очень красивы крупныя астра и гвоздика. Эти растенія имѣютъ свойство къ ночи поднимать свои лепестки и стягивать ихъ.

Чѣмъ выше въ гору, тѣмъ лѣсъ обильнѣе цвѣтами. Но на верхней окраинѣ лѣса картина круто мѣняется. Деревья стоятъ рѣдко, да и тѣ имѣютъ видъ инвалидовъ; одни покачнулись, другія сильно наклонились, третьи изогнулись дугою, точно сторбленные старики, четвертые совсѣмъ повалились. Еще выше, гора представляетъ бесплодную поверхность, съ разбросанными по ней каменными глыбами.

*) Т. е. съ зеленымъ лицомъ и съ зелеными кистями рукъ.

Берега Киргизъ-нора бесплодны и пустычны. Рыболовъ, летавшій надъ озеромъ и садившійся на воду, былъ единственною птицею, которую путешественники тутъ видѣли. Никакого крика не было слышно; только легкій прибой производилъ журчаніе, перебѣгавшее вдоль берега.

Всѣ рѣки, встрѣчавшіяся на пути экспедиціи, были настолько мелки, что ихъ безъ труда переходили вбродъ. Не такою оказалась Чонъ-хариха, выходящая изъ озера Хара-усу. Переправа¹ черезъ

Поѣздъ Цаганъ-дарихэ.

эту рѣку совершается на плотяхъ, связанныхъ изъ камыша. Такіе плоты, разумѣется, не прочны и скоро разрушаются. Прибывъ на берегъ, путешественники нашли груды камыша, но связать ихъ было некому. Нанятые для этой цѣли дюрбюты обманули и не явились. По счастью, на слѣдующій день прибылъ китайскій караванъ, шедшій съ кожами въ Куку-хото; онъ то и выручилъ экспедицію. Караванъ былъ огромный, въ 80 верблюдовъ, и при немъ стадо въ нѣсколько тысячъ барановъ. Китайцы

тотчасъ же принялись строить паромъ. Связавъ нѣсколько боченковъ, они настлали на нихъ камыша, протянули черезъ рѣку веревку и благополучно переправились сами со своимъ караваномъ и перевезли русскихъ путешественниковъ. Барановъ китайцы переправили вплавъ и тѣмъ доставили путешественникамъ случай наблюдать интересное зрѣлище. Началось съ того, что 5—6 штукъ перевезли на плоту и выставили на другомъ берегу для соблазна остальныхъ; но остальные не соблазнились, и, скучившись плотною массой, стояли на берегу. Китайцы бѣгали около нихъ, кидали пескомъ, толкали животныхъ и, наконецъ, принялись хватать ихъ и бросать въ воду. Увидавъ своихъ товарищей въ водѣ и на другомъ берегу, бараны уже сами вошли въ воду и начали плыть вереницею, одинъ за другимъ. Но этимъ еще не кончилось дѣло. Стоило случайно образоваться перерыву въ вереницѣ плывущихъ барановъ, и вотъ одинъ какой-нибудь заворачиваетъ назадъ и за нимъ остальные. Пастухи бросаются въ воду и, схвативъ упрямецевъ за рога, стараются направить ихъ на истинный путь. На другомъ берегу въ это время тоже происходитъ возня. Переправившіеся бараны, видя своихъ товарищей на другомъ берегу, стремятся броситься въ рѣку и переплыть къ нимъ обратно. Пастухи отгоняютъ ихъ въ степь, гдѣ они, покружившись малыми кучками, снова бѣгутъ къ рѣкѣ. Пастухи мечутся во всѣ стороны, собаки за ними. Бараны ревуть, люди кричатъ, собаки лаютъ, бубенчики на шеяхъ собакъ звенятъ; шумъ и гвалтъ невообразимый.

Округъ г. Хобдо служитъ границей, отдѣляющей двѣ большія области, на которыя раздѣляется средняя

Азія въ отношеніи къ торговлѣ баранами. Западная область, т. е. киргизская степь, отправляетъ своихъ барановъ на западъ въ Петропавловскъ, Стерлитамакъ и Самару. Монголія же, на востокъ—въ Гуй-хуа-ченъ и Пекинъ. Для выгона барановъ изъ степей въ Россію нанимаются крестьяне изъ Самарской и сосѣднихъ губерній, которые называются „баранщиками“. Эти баранщики вмѣстѣ съ главными приказчиками заѣзжаютъ въ самую глубь страны за озера Балкашъ и Зайсанъ и, сгруппировавъ гурты, гонятъ ихъ на западъ медленно, давая баранамъ вдоволь наѣдаться, такъ что бараны не только не теряютъ жира, но еще дорогой нагуливаютъ его. Баранщики люди опытные; они знаютъ, какими мѣстами слѣдуетъ гнать гурты, гдѣ останавливаться, сколько верстъ дѣлать въ день. Сами они идутъ пѣшкомъ: одни—впереди гурта, другіе—сзади. Точно такіе же баранщики есть и къ востоку отъ Хобдо; только здѣсь это китайскіе крестьяне изъ окрестностей Гуй-хуачена. Они также наѣзжаютъ издалека, также гонятъ гуртъ пѣшкомъ, часто на протяженіи 3000 верстъ. Каждый китайскій баранщикъ имѣетъ въ рукахъ костыль, на нижнемъ концѣ котораго есть небольшой желѣзный совочекъ. Этимъ совочкомъ баранщикъ захватываетъ съ дороги горсточку песка, или гальки и бросаетъ въ отстающихъ или замѣшкавшихся барановъ.

Въ началѣ августа путешественники достигли озера Хара-норъ, гдѣ встрѣтили необычайное обиліе птицъ. Весь берегъ былъ сплошь покрытъ птицей. Ангиры цѣлыми группами сидѣли, или стояли, поглядывая на озеро. Между ними размѣстились многочисленныя стада гусей; на водѣ—цѣлые хоро-

воды гусей и утокъ. Одни заплывали въ камыши, другіе выплывали оттуда. Иныя стаи, взлетѣвъ, шурша крыльями и перелетѣвъ небольшое пространство, снова опускались въ воду. Наблюдать эту картину можно было вполне спокойно, такъ какъ птицы почти не выказывали пугливости.

Невдалекѣ отъ стоянки на Хара-норѣ экспедиція пересѣкла рытвину, которая, по всѣмъ признакамъ, имѣла естественный характеръ; но, по мѣстному повѣрью, она считалась каналомъ, прорытымъ богатыремъ Сартактаемъ, чтобы ѣздить въ Пекинъ. Каналь этотъ Сартактай вырылъ, какъ и подобаетъ богатырю, въ нѣсколько взмаховъ. Копнетъ разъ, выброситъ землю—гора, копнетъ другой—опять гора. Такимъ образомъ, набросалъ онъ 33 горы, которыя и составляютъ группу Ханхухэй. По этому каналу Сартактай, будто бы, ѣздилъ въ Пекинъ въ одинъ день.

Сартактай извѣстенъ по всей сѣв.-зап. Монголіи, въ русскомъ Алтаѣ и въ восточ. части Киргизской степи. Тутъ показываютъ трещину въ скалѣ: это Сартактай прорубилъ себѣ мечемъ дорогу; тамъ указываютъ на груду камней: это онъ хотѣлъ строить мостъ черезъ рѣку; въ третьемъ мѣстѣ цѣлая гора, которую онъ будто-бы несъ на себѣ, чтобы запрудить Иртышъ, подобно тому богатырю, котораго боги завалили горой Сауръ.

6-го августа экспедиція прибыла въ Хобдо. Въ послѣдній разъ путешественникамъ пришлось быть въ Хобдо зимою; теперь они увидали городъ лѣтомъ, и онъ показался имъ гораздо привлекательнѣе. Тополевая аллея, которая украшаетъ главную улицу, была въ зелени, въ канавахъ журчала вода. Улицы были оживлены группами киргизовъ, пріѣхавшихъ для торговли.

Нѣсколько дней спустя, г. Орловъ, проѣздомъ черезъ Хобдо, былъ свидѣтелемъ отвратительной сцены. Казнили дунгана. На это зрѣлище, какъ водится, сбѣжалось множество народа. Едва казнь совершилась, толпа бросилась на казненного и растерзала

Дюрбютскій пѣвецъ былинъ.

его въ куски. Здѣсь не было ни фанатизма, ни національной вражды. Каждому просто хотѣлось имѣть кусочекъ мяса казненного, которое, по суевѣрному понятію этихъ темныхъ людей, предохраняетъ отъ всѣхъ бѣдъ и болѣзней того, кто его при себѣ носитъ.

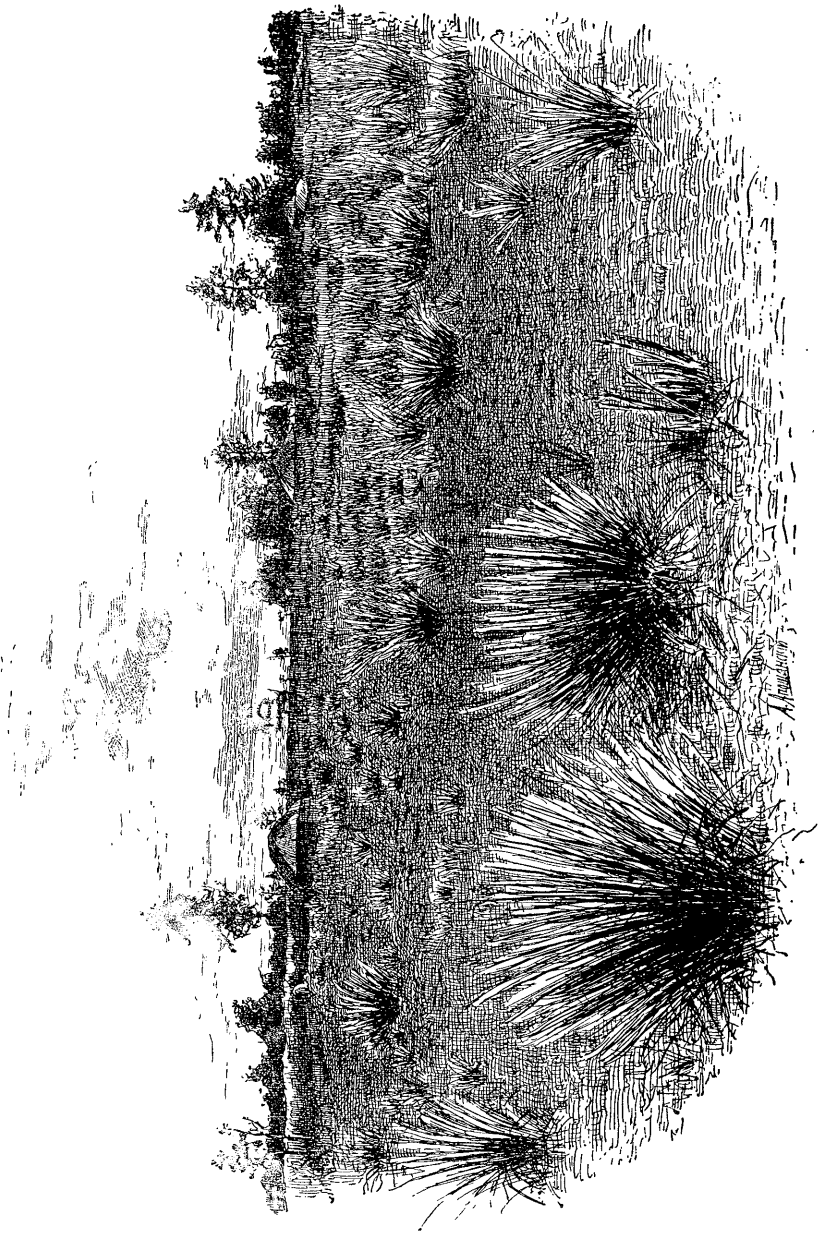
7-го сентября экспедиція прибыла въ урочище Улангомъ, лежащее при соединеніи Харкиринской долины съ долиной озера Убса, отъ котораго оно находится въ бо-ти верстахъ.

Съ южной стороны къ урочищу примыкають большія заросли дэрисуна, которыя дѣлають урочище мѣстомъ очень удобнымъ для зимовки. Это самый высокій злакъ въ степяхъ, и злакъ очень полезный. Онъ растетъ въ видѣ снопа и достигаетъ высоты въ уровень съ грудью всадника. Такіе сноповидные кусты образуютъ большія заросли, которыя у монголовъ называются „тункэ“. Подобныя заросли встрѣчаются обыкновенно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ подъ почвой скопляется влага, а самая почва содержитъ въ себѣ примѣсь соли. Гдѣ растетъ дэрисунъ, можно рыть колодезь и съ увѣренностью найти недалеко отъ поверхности воду. *)

Заросли дэрисуна замѣняютъ монголамъ и киргизамъ хлѣвъ для мелкаго скота. Въ зимнія вьюги въ этихъ заросляхъ бываетъ тихо и тепло, и потому въ нихъ обыкновенно загоняють въ зимнюю ночь барановъ. Разница ощутительна, когда въ буранъ, особенно ночью, вѣзжаешь въ тункэ. Въ открытой степи бушуетъ и свищетъ буря, залѣпляетъ глаза, рѣжетъ лицо какъ ножомъ; но лишь вѣдешь въ дэрисунъ, какъ сразу становится тихо, тепло и уютно, какъ у Христа за пазушкой. Рева бури уже не слышно, лишь раздаются мѣрныя покрикиванія пастуховъ и отчихиванье барановъ.

Стебли дэрисуна достигаютъ высшаго роста въ августѣ мѣсяцѣ; тогда киргизки дергаютъ ихъ, какъ

*) Заросли дэрисуна встрѣчаются и въ киргизской степи; по-киргизски это растеніе называется „чи“.

Заросли дэрсуна.

у насъ дергають ленъ, и дѣлають красивыя цыновки. Стебли ровны, крѣпки, какъ проволока, и имѣють палево-соломенный цвѣтъ. Положивъ стебли рядомъ, ихъ прошиваютъ цвѣтной шерстью. Изъ такихъ цыновокъ дѣлають висячія двери у юртъ, ими облекають юрту въ нижней части для тепла и прочности; онѣ же служатъ украшеніемъ внутренности юрты на подобіе нашихъ обоевъ. Кромѣ того, дэрисуновыя цыновки служатъ также и для хозяйственныхъ цѣлей: на нихъ сушатъ сыръ, валяютъ войлокъ и т. д.

Дэрисуновыя цыновки „чи“ встрѣчаются только у киргизовъ; монголы изъ дэрисуна ничего не дѣлають. Китайцы въ сосѣднихъ съ степями мѣстахъ вяжутъ изъ дэрисуна метлы, плетутъ ковши и уполовники. Вообще растеніе это могло бы найти большое примѣненіе въ кустарныхъ промыслахъ. Въ русскихъ городахъ на границѣ степей дэрисуновыя цыновки, покупаемыя у киргизовъ, употребляются, вмѣсто шторъ, на окна.

Урочище Улангомъ считается однимъ изъ самыхъ богатыхъ урочищъ въ сѣв.-зап. Монголіи. Его именемъ называется монастырь, который служитъ резиденціею дюрбютскаго вана.

Монастырь расположенъ на равнинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ горами, за исключеніемъ верной, гдѣ равнина примыкаетъ къ озеру. Монастырь состоитъ изъ 30 или 40 дворовъ и большой кумирни, потолокъ которой внутри обтянутъ русскими ситцами. Кромѣ кумирни, есть въ монастырѣ нѣсколько сырцевыхъ строеній, въ томъ числѣ домъ вана. Остальное населеніе живетъ въ юртахъ, обнесенныхъ глиняными стѣнами.

Кромѣ вана и нѣсколькихъ чиновниковъ, населеніе Улангома состоитъ исключительно изъ ламъ. Остальные дюрбюты ведутъ кочующую жизнь и зимою откочевываютъ въ горы.

Окрестности Улангома хорошо обработаны. Ячмень и пшеница, главные злаки этой мѣстности, находятъ обеспеченный сбытъ въ Хобдо и Улясутай.

Выгодное положеніе Улангома на большомъ торговомъ пути, обширные луга и нѣсколько быстрыхъ рѣчекъ даютъ основаніе предполагать, что здѣсь на-

Группа ламъ.

ходился городъ Иланъ-чжеу, о существованіи котораго въ верховьяхъ Енисея около Рождества Христова рассказываютъ китайскія лѣтописи. Чрезвычайное обиліе кэрексуровъ подтверждаетъ это мнѣніе.

Въ землѣ урянхайцевъ.

11-го сентября экспедиція достигла озера Убса и вступила въ страну урянхайцевъ.

Урянхайская страна составляетъ нашу границу на протяженіи почти тысячи верстъ, и между тѣмъ

рѣдкій изъ русскихъ читателей знаетъ ее даже по имени. Страна эта занимаетъ южный склонъ горъ Саянскихъ, окаймляющихъ съ юга Енисейскую и Иркутскую губерніи.

Чтобы познакомить читателя съ этой страной и ея обитателями, мы обратимся къ интересному очерку г-жи Потаниной.

„Поднимаясь отъ озера Убса, караванъ шель по направленію величественной Танну-ола, которую предстояло одолѣть. Танну-ола смотрѣла неприступною твердынею, въ видѣ сплошной стѣны, вершины которой были покрыты пятнами снѣга и по утрамъ дымились туманами. Бока горъ были покрыты листовичнымъ лѣсомъ. Монгольскіе солдаты, съ караула, пугали путешественниковъ трудностями перехода и предлагали имъ обходную дорогу; но тогда значительная часть урянхайской земли ускользнула-бы отъ изслѣдованія, а этого члены экспедиціи не могли допустить. Громадная стѣна Танну-олы какъ-бы манила взглянуть на то, что скрывается за ней.

Несмотря на кажущуюся неприступность, подъемъ былъ довольно удобенъ; но крутой и лѣсистый спускъ оказался до крайности труднымъ. Глинистая тропинка, скользкая отъ недавно выпавшаго снѣга, едва замѣтно вилась по краю обрыва. Пришлось спѣшиться, лошадей и верблюдовъ вести подъ уздцы. Верблюдовъ охватили веревками съ той стороны, гдѣ шель обрывъ, и поддерживали ихъ. Несмотря на подобныя мѣры, одинъ верблюдъ сорвался и покатился внизъ: но по счастью, деревья задержали его. Вьюки приходилось снимать и переносить на рукахъ“.

„Мы, гнавшіе лошадей“, рассказываетъ Алексан-

дра Викторовна, „опередили караванъ и, спустившись съ перваго уступа горъ, сѣли отдохнуть подъ высокими кедрами, которые растутъ въ изобиліи на сѣверной сторонѣ Танну-ола. Вскорѣ одинъ за другимъ къ намъ присоединились проводники верблюдовъ. Дойдя до рѣчки, мы заночевали и весь слѣдующій день шли по узкому ущелью, бока котораго густо поросли кедромъ, лиственницею и елью. По берегамъ рѣчекъ росла рябина, черемуха и осина. Съ удовольствіемъ встрѣтили мы эти русскія деревья, не видѣнные нами въ Монголіи. Несмотря на то, что мы подвигались на сѣверъ, становилось все теплѣе и теплѣе, высокія лѣсныя травы встрѣчались еще въ цвѣту, тогда какъ въ долинѣ Убса все было уже желто“.

„На ночлегѣ пришли въ лагерь два молодыхъ урянхайца. По ихъ словамъ, они направлялись въ Монголію, но, судя по ихъ костюму, трудно было этому вѣрить. Несмотря на осеннее время, на нихъ были короткія замшевыя куртки, замшевыя же короткія панталоны престраннаго фасона: сверху онѣ не доходили до пояса, къ которому были привѣшаны на ремешкахъ, а снизу—оканчивались выше колѣнъ. Ноги обуты были въ сапоги изъ кожи горнаго козла“.

„Несмотря на такой легкій костюмъ, молодые урянхайцы, казалось, совсѣмъ не зябли. Одинъ изъ нихъ снялъ сапоги и, спустившись въ рѣчку, началъ проламывать ледъ босыми ногами и брызгать водою, забавляясь, какъ ребенокъ“.

„Багажа у этихъ путешественниковъ „за границу“ совсѣмъ не было, если не считать кнутика, который, при образѣ пѣшаго хожденія, казался совсѣмъ лиш-

нимъ. Рабочіе монголы тотчасъ же смѣкнули, въ чемъ дѣло. Урянхайцы попросту собрались украсть лошадей каравана, и ловкіе монголы успѣли помѣшать имъ въ этомъ дѣлѣ. Они не только пригласили гостей ужинать, но даже предложили имъ лечь спать вмѣстѣ, прикрывшись одной кошмой. Дипломатія рабочихъ удалась, и на этотъ разъ лошади каравана остались цѣлы“.

Выше было говорено, что урянхайцы промышляютъ конокрадствомъ. Объ ихъ искусствѣ монголы рассказываютъ чудеса. Нѣсколько урянхайцевъ были пойманы въ воровствѣ и приведены къ джасыку. Князь велѣлъ ихъ связать и запереть. На утро исчезли не только плѣнники, но и табунъ джасыка.

Въ тотъ же день мимо стана прошелъ большой караванъ урянхайцевъ, возвращавшихся на зимовку. Женщины ѣхали на быкахъ и коровахъ; большая часть мужчинъ на лошадяхъ. Лица урянхайцевъ, нѣсколько татарскаго типа, красивѣе монгольскихъ. Черные живые глаза и черные усы скрашивали даже стариковъ, а между молодежью встрѣчались настоящіе красавцы. На головахъ у женщинъ были красные шерстяные капюшоны, вышитые по краямъ бусами. Шубы оканчивались оборкой, отороченной кумачемъ или чернымъ плисомъ. Вся публика, завидѣвъ лагерь, спѣшилась и окружила путешественниковъ.

За переваломъ, въ вершинѣ рѣки Торхоликъ, экспедиція очутилась въ самомъ центрѣ Урянхайской земли. Среди горъ, которыми обставлена широкая часть Тархоликской долины, мѣстные жители выдѣляютъ изъ отдѣльныхъ пиковъ, бывшихъ жи-

лицемъ 13 горныхъ духовъ. У входа въ ущелье стояло огромное обо — Модонъ-обо *) — нѣчто вродѣ урянхайскаго храма. Внутри обо были протянуты шкуры съ навѣшанными на нихъ лентами и лоскутками матерій. Въ глубинѣ стояли рѣзныя фигурки животныхъ, якобы принесенныхъ въ жертву. Къ

Урянхаецъ на быкѣ.

чести урянхайцевъ надо сказать, что, несмотря на укоренившееся у нихъ шаманство, кровавыхъ жертвъ они не приносятъ, тогда какъ у алтайцевъ и бурятовъ такія жертвы еще существуютъ.

На ночлегъ близъ Модонъ-обо путешественники постоянно слышали удары бубна, и переводчикъ по-

*) Модонъ по-монг. „дерево“; модонъ-обо значитъ обо, сложенное изъ хвороста, поставленнаго стоймя.

яснилъ, что въ окрестностяхъ этого священнаго мѣста живетъ много шамановъ и шаманокъ.

По-монгольски шаманъ называется „бѳ“; по-уряхайски „камъ“. Спеціальная одежда кама состоитъ изъ плаща, увѣшаннаго множествомъ жгутовъ, бляхъ, погремущекъ и даже колокольчиковъ. Послѣдніе должны изображать голоса небесныхъ дѣвъ, сзывающихъ духовъ. Необходимая принадлежность шамана — бубень.

Способность камлять, т. е. шаманить, врожденная; обученіемъ пріобрѣтается только знаніе напѣвовъ и обрядовъ. Иногда эта способность переходитъ по наслѣдству, какъ нервная болѣзнь. Человѣкъ, которому суждено природою сдѣлаться шаманомъ, рано начинаетъ чувствовать свое предрасположеніе. Онъ видитъ вѣще сны, испытываетъ болѣзненные припадки. Иные понѣскольку лѣтъ воздерживаются отъ вступленія въ камы, но это воздержаніе обходится имъ дорого; оно соединено съ большими страданіями. При отдаленномъ звукѣ бубна, такого человѣка начинаетъ подергивать, глаза его разгораются, и, наконецъ, съ нимъ дѣлается нервный припадокъ. То же бываетъ съ тѣми, которые вдругъ прекратили камланье; г. Потанинъ знавалъ крещенаго шамана, который по ремеслу былъ шерстобитъ. Звукъ струны, напоминая бубень, приводилъ его въ такое изступленіе, что онъ нерѣдко ломалъ свой инструментъ.

Когда человѣкъ рѣшится стать шаманомъ, ему даютъ проводника, и они вдвоемъ отправляются для сбора пожертвованій. Провожатый держитъ березовую вѣтку, къ которой привязаны тряпочки, шнуры и проч. Когда сборъ достигнетъ достаточ-

ныхъ размѣровъ, срубають девять березъ и, воткнувъ ихъ въ землю, связываютъ вершинами, что образуетъ родъ шалаша; посрединѣ зажигаютъ огонь. Въ шалашѣ сидятъ старики, старухи и новый шаманъ. Одинъ изъ старыхъ шамановъ выбирается отцомъ посвященнаго. Оба шамана, старый и молодой, надеваютъ бѣлыя шапки, съ красными кистями, и, связанные вмѣстѣ, начинаютъ камлатъ. Церемонія посвященія длится девять сутокъ, и изъ нихъ втеченіе трехъ духовные отецъ и сынъ остаются связанными.

Посвященіе въ шаманы стоитъ очень дорого. Колютъ до 20 барановъ и нѣсколько жеребятъ. Втеченіе девяти дней пьютъ, ѣдятъ и поютъ пѣсни. Шаманъ предсказываетъ. Монголы вѣрятъ, что въ это время бываютъ самыя вѣрныя предсказанія, и потому съѣздъ бываетъ большой.

Шаманъ.

Вечеромъ шаманъ съ ударами бубна три раза обходитъ пирующую толпу; это считается добрымъ предзнаменованіемъ.

На южномъ склонѣ Танну-ола путешественникамъ удалось познакомиться съ знаменитой урянхайской шаманкой Найдынъ. Вся обстановка шаманки была очень поэтична. Юрта стояла въ лѣсу большихъ тополей и лиственницъ. Она была велика и убрана довольно богато. Найдынъ, здоровая и до-

вольно красивая дѣвушка, держалась смѣло и независимо. Вся семья ея, мать, братья и сестры благоговѣли передъ нею и слушались каждаго ея слова.

Плащъ Найдынъ былъ обильно увѣшанъ всякими украшеніями и погремушками. Змѣйки изъ ремешковъ съ глазами изъ бисера, ушками и открытой пастью были довольно искусно сдѣланы. На спинѣ болтались двѣ змѣи побольше, изъ которыхъ одна носила громкое названіе златоглавой змѣи Амарга. На воротѣ плаща были нашиты пучки совиныхъ перьевъ. Такими же перьями была убрана шапка Найдынъ. Перья укрѣплены были торчмя, такъ что образовали родъ діадемы. Бахрома, окаймлявшая низъ шапки, спускалась на лицо шаманки. Бубень у Найдынъ былъ такой же, какъ и у другихъ камовъ.

„Когда мы пріѣхали въ юрту Найдынъ“, рассказываетъ г-жа Потанина, „тамъ все было уже наготовѣ. Найдынъ, надѣвъ плащъ и шапку, взяла въ руки бубень, и, вставъ спиной къ огню, начала камлатъ. Ноги ея оставались сначала неподвижными; раскачивалось только тѣло. Съ каждой минутой движенія становились быстрѣе и быстрѣе. Шаманка наклонялась, извивалась и, наконецъ, начала быстро вертѣться, ударяя въ бубень, перекидывая его изъ руки въ руку, наклоняясь и ударяя имъ о ноги. При стройности и природной граціи Найдынъ, пляска ея совсѣмъ не походила на безобразное кривлянье шамановъ-мужчинъ. Иногда Найдынъ прерывала пляску и съ тихимъ заунывнымъ пѣніемъ обходила вокругъ очага, на которомъ курился можжевельникъ. По временамъ она издавала какіе-то странные звуки, похожіе на ржанье лошади и на кукованье кукушки. По объясненіи

окружающихъ, это означало прибытіе духовъ, вызванныхъ камланьемъ Найдынъ.

Камланье закончилось подъ открытомъ небомъ.

Камъ-Инчю, шаманъ.

Надо отдать справедливость Найдынъ; она хорошо поняла эффектъ этой заключительной сцены“.

„Передъ юртой разстилась снѣжная поляна. Луны не было, но звѣзды мерцали довольно ярко.

У дверей юрты стоялъ бѣлый конь, котораго держалъ подъ уздцы братъ Найдынъ. Это былъ конь, посвященный богу; на немъ никто не смѣлъ ѣздить, кромѣ семьи Найдынъ.

Коня держали мордой къ дверямъ, и передъ мордой его на треножникѣ курился можжевельникъ. Шаманка камлала передъ конемъ, тряслась и кружилась на одной ногѣ, при чемъ ленты и ремни плаща ея развѣвались въ воздухѣ. Конь повидимому уже привыкъ къ этому, и хотя изрѣдка пофыркивалъ, но не особенно тревожился рѣзкими ударами бубна, раздававшимися надъ его ухомъ. Мать шаманки въ это время плескала въ морду коню молокомъ и потомъ садилась на войлочекъ, разостланный у дверей юрты и, приложивъ ладони ко лбу, совершала поклоненіе коню или, вѣрнѣе, духу, сидѣвшему на немъ.

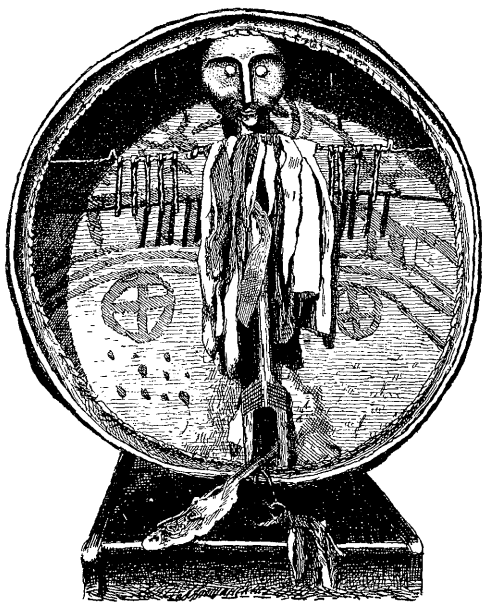
Въ юрту вошла Найдынъ задомъ; за ней вошли и зрители. Вставъ спиной къ огню, Найдынъ начала бросать на колѣни зрителей, не исключая и дѣтей, колотушку, съ одной стороны вогнутую, съ другой выпуклую. Если колотушка падала выпуклой стороной кверху, это считалось худымъ предзнаменованіемъ и наоборотъ. При этомъ шаманка тихимъ, заунывнымъ голосомъ предсказывала присутствующимъ будущее. Прорицанія эти, также, какъ и прорицанія нашихъ юродивыхъ, имѣли иносказательный смыслъ, и каждому вольно было понимать ихъ по-своему“.

„Златоглавая змѣя моя, Амарга, напѣвала Найдынъ, пьющая воду изъ вершинъ рѣкъ, шагающая по вершинамъ горъ“.

„Лѣвою рукой держусь я за радугу, правую за небо“.

„Шуба моя изъ лохмотьевъ, пища горька, какъ сосновая смола“ и т. д“.

Монголы и урянхайцы думаютъ, что во время камланья умъ шамана засыпаетъ, и въ него входятъ онгоны, т. е. духи. Бубень есть конь, на которомъ шаманъ улетаетъ въ міръ духовъ. Чѣмъ громче бубень издаетъ звуки, тѣмъ быстрѣе мчится шаманъ на этомъ конѣ.

Бубень шамана.

Частью изъ личныхъ наблюдений, частью изъ разговоровъ съ переводчиками г-жа Потанина вывела заключеніе, что урянхайцы народъ бѣдный и, что еще хуже, они бѣдны неравнобѣрно. На ряду съ немногими богачами есть такіе, которые живутъ только охотою и тѣмъ, что добудутъ въ лѣсу. Крупные звѣри имъ попадаются рѣдко. У нихъ нѣтъ для та-

кой охоты хорошаго оружія. Главнымъ образомъ они ловятъ сурковъ; мясо ѣдятъ, а шкурки продаютъ отъ 5—10 к. за штуку. Въ иномъ алянчикѣ—такъ называются берестяныя юрты урянхайцевъ—и утвари то никакой нѣтъ, кромѣ корытца изъ бересты. Многіе бѣдняки не въ состояніи даже обзавестись семьей. Зато князья урянхайскіе живутъ богато. Ихъ окружаетъ многочисленная челядь. Они страстные игроки въ шахматы; случается, что проигрываютъ цѣлыя табуны лошадей.

Нравы урянхайцевъ суровы и жестоки. Воровство считается у нихъ удалью, особенно воровство лошадей. Несмотря на жестокія наказанія, которымъ подвергаются конокрады, воровство не прекращается. Нерѣдко на видныя должности урянхайцы выбираютъ извѣстныхъ конокрадовъ. Человѣкъ, перенесшій наказаніе и не выдавшій соучастниковъ, пользуется большимъ почетомъ *).

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся заимки русскихъ купцовъ и происходитъ оживленная торговля, замѣтно значительное смягченіе нравовъ.

Русскія заимки.—Огурта Майтере.

Съ урочища Модонъ-обо открылась обширная долина Улу-хема, текущаго въ предѣлы Россіи, гдѣ онъ принимаетъ названіе Енисея. Такимъ образомъ путешественники очутились у самой колыбели великой

*) По свидѣтельству П. Е. Островскихъ, посѣтившаго Урянхайскую землю въ 1897 г., воровствомъ славятся только обитатели западныхъ хошуновъ. (Всѣхъ хошуновъ — 5). Обитатели же хошуновъ восточныхъ честны и прямодушны. Они отличаются также смѣлостью, веселостью и большимъ юморомъ.

русской рѣки. Ширина рѣки уже здѣсь достигаетъ 100 саж.; воды ея несутся быстро, а во время весенняго и осенняго половодья онѣ до того бурны, что смываютъ цѣлые острова и намыываютъ новые. По берегамъ встрѣчаются тополевыя роши съ деревьями въ нѣсколько обхватовъ; въ одномъ мѣстѣ, по срединѣ рѣки, торчитъ камень, а на немъ ель.

26-го сентября на р. Елегесѣ путешественники повстрѣчали поѣздъ урянхайской молодежи, ѣхавшей на свадьбу. Молодые люди обоого пола были нарядно одѣты. Ихъ румяныя лица и веселый смѣхъ производили пріятное впечатлѣніе. Дѣвушки справлялись со своими скакунами такъ же ловко, какъ и молодые люди. Посмѣявшись и перекинувшись шуточками съ жожаками каравана, молодежь унеслась, какъ вихрь, въ боковое ущелье.

На Елегесѣ путешественники нашли русскій домъ и русскихъ людей. Тутъ жилъ уже девять лѣтъ старикъ, приказчикъ купца Веселкина, торговавшаго солью, скотомъ и пушнымъ товаромъ. Пріятно было путникамъ вдали отъ родины встрѣтить соотечественниковъ и полакомиться русскимъ хлѣбомъ. Немало удовольствія доставила и баня.

Въ сосѣдствѣ оказался еще русскій домъ, или, по мѣстному, займка купца Сафьянова. Домъ Сафьянова, убранный по городскому, былъ устроенъ со всѣми удобствами. Остановка въ этомъ домѣ была настоящимъ отдыхомъ для путешественниковъ.

Эта мѣстность изобилуетъ крупными кедровыми орѣхами; мѣсто здѣсь очень удобно для оскѣдлости. Нѣсколько лѣтъ назадъ русскіе раскольники выстроили здѣсь деревню, но китайское начальство вытѣснило ихъ.

Дойдя до рѣки Буренъ, путешественники узнали, что въ сосѣдствѣ находится ставка начальника здѣшнихъ урянхайцевъ огурты Майтере. Тотчасъ же ему посланы были въ подарокъ: ружье, часы и разныя мелочи. Въ отвѣтъ Майтере прислалъ кругъ сгустившихся пѣнокъ, снятыхъ съ кипяченаго молока, блюдо очищенныхъ кедровыхъ орѣховъ, блюдо овечьяго сыра и по куску шелковой и бумажной ткани. На другой день явился онъ самъ. Это былъ мужчина среднихъ лѣтъ въ шапкѣ съ павлиньимъ перомъ и въ китайской курмѣ поверхъ халата. Лицо у него было строгое, но благообразное. Во время свиданія онъ ни разу не улыбнулся. Огурту угощали чаемъ и виномъ; но онъ былъ очень сдержанъ и выпилъ только стаканъ пунша. Съ огуртой прибыли его три сына, ловкіе молодцы, которые не прочь были похвастать передъ путешественниками своими рѣзвыми скакунами и умѣньемъ управлять ими.

Огурта Майтере сильно отговаривалъ путешественниковъ отъ слѣдованія по намѣченной ими дорогѣ, увѣряя, что съ верблюдами тамъ пройти невозможно. Но г. Потанинъ, которому хорошо былъ извѣстенъ обычай застращиванія китайскихъ властей, объявилъ, что пойдетъ по этой дорогѣ и просилъ Майтере дать ему двухъ провожатыхъ. На другой день въ станъ явились избранные огуртой люди: проводникъ и сказочникъ. Со словъ послѣдняго Потанинъ записалъ много урянхайскихъ сказокъ.

Предостереженія Майтере на этотъ разъ оправдались; путь былъ невообразимо труденъ. Перебравшись черезъ рѣку Буренъ и переваливъ черезъ горы Таулукъ, путешественники спустились къ берегу Хакема, бурнаго потока, который несъ свои воды, разбиваясь

о выдающіеся изъ воды камни. Долина въ этомъ мѣстѣ завалена была обломками скалъ, скатившихся съ боковыхъ горъ, и упавшими деревьями, что очень затрудняло путь каравана. Ночью выпалъ снѣжокъ, а утромъ подморозило. Рабочіе стали ловить лошадей; но одна изъ нихъ, испугавшись аркана, кинулась въ рѣку и переплыла на другой берегъ. Примѣръ ея оказался заразителенъ; за нею бросились и другія лошади. Плыть за ними по холодной какъ, ледъ, и незнакомой рѣкѣ никто не рѣшился. Казаки живо смастерили изъ валежника плотъ, и двое, вооружившись шестью, переплыли на другую сторону и вернули лошадей.

Подобныя приключенія и необходимость самимъ прокладывать путь сильно задерживали ходъ впередъ. Разстояніе въ какихъ нибудь 300—400 верстъ пройдено было только въ два мѣсяца. Отличительный характеръ этой мѣстности—горы, лѣсистыя на сѣверномъ склонѣ и безлѣсныя—на южномъ.

Подъемъ на горы Анджанъ-Хорумъ, 9-го октября, былъ чрезвычайно труденъ. Тропинка шла по крутому косоугору, заросшему густымъ лѣсомъ. Верблюды не могли проходить подъ деревьями, но не могли и обходить ихъ, т. к. на косоугорѣ земля обледенѣла и верблюды безпрестанно оступались и падали. Случалось, что упавшій верблюдъ катился внизъ по откосу, пока какое нибудь препятствіе, въ видѣ камня, или дерева не удерживало его. Тяжело было смотрѣть на маяту этихъ кроткихъ, безропотныхъ животныхъ. Приходилось останавливаться, рубить деревья, сворачивать колоды, обледенѣлыя тропинки посыпать пескомъ и золою.

Послѣ труднаго подъема на Анджанъ-Хорумъ, каравану пришлось простоять три дня, т. к. выпалъ

глубокій снѣгъ, и люди были посланы впередъ расчищать дорогу. На перевалѣ, состоящемъ изъ круглыхъ бугровъ, едва можно было выбрать мѣсто для палатки; да и то полъ въ палаткѣ былъ такъ крутъ, что дрова скатывались отъ очага къ порогу, и приходилось смотрѣть за головнями, чтобы онѣ, скатившись, не надѣлали пожара.

Окрестности были чрезвычайно унылы. Онѣ представляли глухую тайгу, засоренную валежникомъ, который частью лежалъ на землѣ, частью находился въ полустоячемъ положеніи. По счастью, члены экспедиціи были все люди интеллигентные, бывалые и опытные; имъ было что поразсказать, и въ обществѣ другъ друга они не скучали.

Передъ выступленіемъ, рѣшено было вьючить только самыхъ крѣпкихъ верблюдовъ, а остальные вьюки разложить на лошадей. Всѣ люди шли пѣшкомъ, исключая г-жи Потаниной, для которой засѣдлали лошадку. Спускъ шелъ по гребню, и у самой тропинки лежалъ откосъ, совершенно открытый, безъ деревьевъ; лишь дно ущелья было загромождено деревьями, колодами и болотами. Упасть здѣсь было опасно; однако, безъ этого не обошлось. Къ вечеру два верблюда свалились таки на дно оврага. Уставшіе люди не въ состояніи были лѣзть за ними, и оставили ихъ на произволь судьбы до утра. На слѣдующій день ихъ нашли, но для этого пришлось сдѣлать дневку.

Спустившись въ долину Джибей, караванъ пошелъ по ровному мѣсту, но здѣсь случились затрудненія иного рода. Встрѣчавшіяся рѣчки почти всѣ имѣли забереги, т. е. ледяные припаи, довольно толстые, а середина рѣки оставалась полою. Приходилось прыгать съ этихъ лѣчныхъ карнизовъ въ воду и снова

заскакивать на противоположный карнизъ. Лошади могли это дѣлать, но для вьючныхъ верблюдовъ нужно было обрубать забереги и размельчать ледъ.

На одномъ изъ этихъ переходовъ, вставъ утромъ, путешественники увидали двухъ своихъ верблюдовъ мертвыми; они, повидимому, замерзли. Гибель этихъ животныхъ наводила на мысль, что и другія могутъ подохнуть, и тогда экспедиціи пришлось бы зимовать, питаясь оставшимися лошадьми. Но и лошади сильно отошали. Одна только, избѣгавшая во всю дорогу ловли, была жирна, чѣмъ возбуждала аппетитъ монголовъ, которымъ надоѣло мясо тощихъ барановъ. Рѣшено было, что при первомъ же недостаткѣ въ продовольствіи, непокорный савраска будетъ съѣденъ. Отощавшихъ лошадей подкармливали мучной болтушкой, но муки и для людей было мало. Путешественники вмѣсто лепешекъ, уже пробавлялись „затураномъ“ — чаемъ съ мукой и масломъ, — и покупали у урянхайцевъ корешки мяхира *).

„Въ нашей юртѣ, впрочемъ“, говоритъ Александра Викторовна, „не чувствовалось особаго нетерпѣнія и скуки. Нашимъ топографамъ было тяжело. У нихъ въ Омскѣ оставались семьи. Насъ же съ мужемъ никто не ждалъ; г. Адриановъ былъ тоже челоѣкъ одинокій. Вечеромъ всѣ собирались въ нашу юрту; приходилъ молодой урянхаецъ и рассказывалъ сказки; переводчикъ-алтаецъ переводилъ, а мой мужъ записывалъ“.

„Во время нашихъ странствованій“, продолжаетъ Александра Викторовна, „мы пришли къ убѣжденію, что всѣмъ путешественникамъ слѣдовало бы носить туземное платье, приспособленное къ мѣстнымъ усло-

*) Питательный корень.

віямъ. Дѣйствительно, нѣтъ ничего лучше урянхайскихъ сапогъ, сдѣланныхъ изъ шкуры съ ногъ оленя или дикаго козла“.

„Ихъ мелкая гладкая шерсть совсѣмъ не пропускаетъ сырости. Они дѣлаются выше колѣнъ, прикрѣпляются на ремешкахъ къ поясу и подъ колѣнками затягиваются ремешкомъ съ пряжкой. Лазить по горамъ въ нихъ гораздо удобнѣе, чѣмъ въ нашихъ сапогахъ съ каблуками. Шубъ новыхъ мы, конечно, не заводили; всякій довольствовался тѣмъ, что имѣлъ. Но по волѣ судьбы наши шубы отъ лазанья по горамъ и отдыховъ у костровъ превратились въ урянхайскія, т. е. истрепались. Слѣдуетъ замѣтить, что у монголовъ всякая изодранная шуба называется „урянха-девилъ“, урянхайское платье“.

29 октября экспедиція пришла на озеро Терь-хуль*). На послѣднемъ переходѣ караванъ перебрался черезъ р. Харги уже по льду; такъ прочно скрѣпили его за это время морозы. Удаляясь отъ рѣки черезъ невысокіе перевалы, путешественники встрѣтили урянхайцевъ, которые, несмотря на позднее время года, перекочевывали съ Терь-хуля на р. Харгу. Имущество свое они везли частью во вьюкахъ, частью на телѣгахъ, запряженныхъ волами.

По словамъ урянхайцевъ, на Терь-хулѣ есть островъ, на которомъ будто-бы уцѣлѣли глиняныя стѣны дворца Ельджигенъ-хана. Этотъ ханъ, по преданію, имѣлъ длинныя уши, которыя онъ тщательно скрывалъ. Когда ему надо было брить голову, онъ призывалъ цирюльника, и тотчасъ же послѣ бритья убивалъ его. Однажды довелось брить хана мальчику,

*) Терь-хуль или Тери-хуль значитъ „небесное озеро“.

единственному сыну матери-вдовы. Мать замѣсила на собственномъ молокѣ муки съ сахаромъ и, накатавъ шариковъ, дала сыну. „Бѣшь ихъ, когда будешь брить хана“, сказала она. Мальчикъ такъ и сдѣлалъ. Когда онъ ѣлъ шарики, одинъ упалъ и покатился. Ханъ увидалъ и захотѣлъ попробовать. „Какъ вкусно, сказалъ онъ; изъ чего это сдѣлано?“ Мальчикъ рассказалъ.—Теперь я не могу тебя казнить, сказалъ ханъ, мы молочные братья. Только смотри, никому не говори, что видѣлъ“.

Мальчикъ пошелъ домой. Трава колышется отъ вѣтра, а ему кажется, что она спрашиваетъ, что онъ видѣлъ. Онъ и сказалъ травѣ: „у нашего хана ослиныя уши“! Идетъ дальше; мыши высовываются изъ норы: пи! пи! Мальчикъ и имъ сказалъ про ослиныя уши. Идетъ дальше. Деревья шелестятъ. Мальчику кажется, что они его спрашиваютъ о томъ, что онъ видѣлъ. Сообщилъ онъ и деревьямъ объ ушахъ хана. Вскорѣ послѣ того ѣдетъ ханъ. Трава шепчетъ: „вонъ ѣдетъ ханъ съ ослиными ушами“. Мыши пищатъ: „вонъ ѣдетъ ханъ съ ослиными ушами“. Деревья шелестятъ о томъ же. „Не стану больше казнить цирюльниковъ, подумалъ ханъ; все равно, о моихъ ушахъ всѣ уже знаютъ“.

Земля дархатовъ и возвращеніе на родину.

8-го ноября экспедиція достигла земли дархатовъ, племени родственнаго урянхайцамъ. Здѣсь было нѣсколько теплѣе, не такъ снѣжно, и скотъ могъ не голодать, питаясь торчавшею изъ подъ снѣга травой. Узнавъ, что по близости кочуетъ тарга одунжанъ, одинъ изъ правителей дархатовъ, экспедиція всѣмъ

караваномъ отправилась туда, чтобы договориться о проводникахъ и подводахъ. Одунжанъ вовсе не радъ былъ гостямъ; ихъ скотъ съѣдалъ траву, предназначенную для зимняго продовольствія его скота. Но ему объяснили, что экспедиція уйдетъ тотчасъ же, когда получить свѣжихъ лошадей и проводниковъ, и онъ принялся хлопотать.

Здѣсь путешественники разстались съ г. Орловымъ, который поѣхалъ въ Иркутскъ. Караванъ же г. Потанинъ расформировалъ такимъ образомъ: онъ оставилъ животныхъ подъ присмотромъ надежнаго чловека въ урочищѣ Хухумара, чтобъ дать животнымъ отдохнуть и отъѣстися; самъ же съ женою и Адриановымъ рѣшилъ ѣхать налегкѣ въ Россію и, вернувшись сюда весной, продолжать изслѣдованіе.

„Путешествіе налегкѣ“ оказалось не изъ „легкихъ“, рассказываетъ Александра Викторовна. „Палатки съ нами не было. Ночевали мы прямо на снѣгу, около большого костра, просыпались рано и сейчасъ же пускались въ путь. Проскакавши рысью часовъ до двухъ дня, мы обыкновенно сворачивали съ дороги въ лѣсокъ, и останавливались пить чай; ѣли холодное мясо, разогрѣвали заранѣе сваренный и промерзшій мякирь. У урянхайцевъ было замороженное молоко; его рубили кусками и клали въ чай. Отдохнувши часа два и подкрѣпившись пищею, мы снова ѣхали часовъ до девяти. На ночлегѣ опять пили чай и варили баранину и потомъ, закутавшись въ кошмы и мѣха, ложились у костра и засыпали крѣпкимъ сномъ. Было что то невыразимо пріятное въ этихъ ночлегахъ подъ звѣзднымъ небомъ, среди пустыни, правда, съ однимъ только условіемъ: если не было вѣтрено и не шель снѣгъ“.

Легко себѣ представить, каково было путешественникамъ въ бурныя, снѣжныя ночи. Въ одну изъ такихъ ночей табунъ разбѣжался, рабочіе ушли отыскивать лошадей, и костеръ погасъ. Одинъ изъ слугителей отморозилъ ноги, и ихъ едва оттерли; чайникъ, въ которомъ варили чай, распаялся. Оказалось, что въ него положили мало снѣга. Скоро, однако, эти невзгоды пришли къ концу. Переваливъ черезъ Олень-дабанъ въ Шишкитскую долину, путешественники попали въ заимку купца Посылина, гдѣ и отдохнули какъ слѣдуетъ.

„Посылинъ съ женой и сестрой жили въ юртѣ“, разсказываетъ Александра Викторовна, „но намъ, давно уже не имѣвшимъ надъ собою крова, эта юрта показалась дворцомъ. Дѣйствительно она была хорошо устроена: стѣны были изъ двойныхъ войлоковъ. Въ верхнее отверстіе были вставлены цвѣтныя стекла, а между ними пропущена труба отъ круглой желѣзной печи, поставленной посрединѣ. Полъ былъ настланъ досками и покрытъ войлоками; по стѣнамъ шли лавки вперемежку со столами и постелями. На лавкахъ были ковры, на столахъ салфетки“.

Пробывъ здѣсь сутки, путешественники поѣхали далѣе; черезъ два дня достигли озера Косогола, а еще черезъ два дня, именно 22-го ноября, бурятскаго селенія Менъ, откуда уже прямо поѣхали въ Иркутскъ.

Сѣверная окраина Китая.

1884 г.

Переходъ отъ высокаго Тибетскаго нагорья къ болѣе низкому и теплomu Китаю сопровождается большимъ разнообразіемъ во флорѣ и фаунѣ, что чрезвычайно привлекательно для ученаго. Съ семидесятихъ годовъ этотъ край становится цѣлью изслѣдованій многихъ путешественниковъ, въ томъ числѣ Н. М. Пржевальскаго *), изслѣдовавшаго теченіе Желтой и Голубой рѣкъ и озеро Хуху-Норъ **). Г. Н. Потанинъ пожелалъ пополнить свѣдѣнія, добытыя его предшественниками, и посѣтить пространства еще неизслѣдованныя. Рѣшено было въ первый годъ пройти отъ Пекина на югъ по одной изъ неизвѣстныхъ еще европейцамъ дорогъ; второе лѣто посвятить изслѣдованію нагорья Амдо и въ третье—черезъ Монголію вернуться въ Иркутскъ.

Въ составъ экспедиціи вошли: Г. Н. Потанинъ, его жена А. В., геодезистъ-астрономъ Скасси и натуралистъ-зоологъ Березовскій.

*) Пржевальскій, въ обработкѣ Лялиной, 4-ое изд. Девриена.

***) У Пржевальскаго Куку-Норъ.

23-го августа 1883 г. экспедиція отправилась изъ Кронштадта на военномъ фрегатѣ „Мининъ“ и, 7 мѣсяцевъ спустя прибыла въ Чи-фу и оттуда въ Тянь-цзинь. Здѣсь г. Потанинъ запасся всѣмъ нужнымъ, намѣнялъ китайскаго серебра и нанялъ служителей. Приискать такихъ китайцевъ, которые говорили бы по-русски, оказалось дѣломъ довольно труднымъ. Нашелся всего одинъ, по имени Цуйсанъ, служившій у русскаго купца и кое-какъ выучившійся говорить по-русски. Другихъ слугъ посовѣтовали Потанину нанять въ Пекинѣ, гдѣ можно найти китайцевъ католиковъ, говорившихъ по-французски.

Хлопоты по снаряженію экспедиціи задержали ее въ Тянь-цзинѣ цѣлый мѣсяць.

Изъ Тянь-цзина въ Пекинъ ѣдутъ двоякимъ образомъ: или сухимъ путемъ на телѣгахъ, или до города Тунъ-чжеу — на лодкахъ по р. Пей-хо. Послѣдній путь длиннѣе, но зато спокойнѣе и дешевле. Г. Н. выбралъ этотъ путь, и 24-го апрѣля 1884 г. экспедиція прибыла въ Пекинъ и остановилась въ русскомъ посольствѣ.

Чтобы пополнить составъ слугъ, г. Потанинъ обратился къ католическому миссіонеру Фавье, который и прислалъ ему двухъ китайцевъ Ли и Дэнъ, откровенно предупредивъ, что отъ этихъ людей особыхъ доблестей ожидать не слѣдуетъ. „Они лучше другихъ, имѣвшихся въ виду, вотъ и все“, говорилъ почтенный патеръ.

Запасшись слугами, г. Потанинъ нанялъ вьючныхъ животныхъ, заплативъ за нихъ, по неопытности, гораздо больше, чѣмъ слѣдовало. Вообще снаряженіе экспедиціи, благодаря незнанію страны, обошлось на этотъ разъ очень дорого.

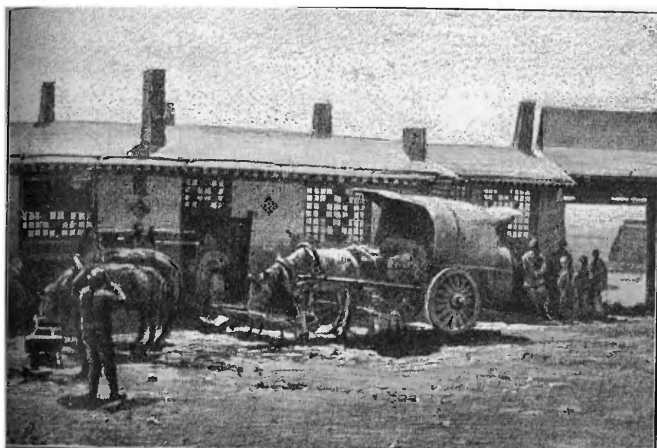
Дешевому снаряженію помѣшало еще и то обстоятельство, что путешественники жили въ посольствѣ. Всѣ живущіе въ европейскихъ посольствахъ должны платить за все втридорога, потому что торговцы выплачиваютъ большую сумму слугамъ китайцамъ за пропускъ товаровъ въ домъ посольства. Если лица, живущія въ посольствѣ, сами поѣдутъ за покупками, то и тогда они заплатятъ дороже другихъ, потому что вслѣдъ за ними явится уполномоченный отъ слугъ посольства за взяткою.

Запасшись письмами къ властямъ провинцій, черезъ которыя приходилось итти, экспедиція 25 мая въ 6 ч. вечера выступила изъ Пекина по дорогѣ въ Бао-динъ-фу, главный городъ провинціи Чжили. Тотчасъ за городскими воротами началось длинное предместье, а затѣмъ поля вперемежку съ деревенскими усадьбами. Вся дорога, вымощенная большими плитами, аршина въ полтора, сильно пострадала отъ времени. Однѣ плиты вдавились въ землю, другія покосились, а по краямъ дороги отвалились прочь. Читатель можетъ легко представить себѣ, какъ пріятенъ этотъ путь! Впослѣдствіи и въ другихъ мѣстахъ встрѣчалась такая мостовая, но то были захоlustья, тогда какъ здѣсь люди терпѣли мученія у самыхъ воротъ столицы.

Ночевали путешественники въ деревнѣ Та-дзинъ на постояломъ дворѣ. Отведенное имъ помѣщеніе китайцы называли фанзой, тогда какъ въ глазахъ европейцевъ это былъ просто сарай съ землянымъ поломъ, темный и пыльный. Вдоль поперечныхъ стѣнъ шли каны—широкія трубы вродѣ лежанокъ, нагрѣваемыя внутри. Посреди этой фанзы поставили столъ и скамьи грубой работы и за подобную роскошь взяли два

рубля. Путники думали, что неприглядность ихъ помѣщенія объясняется бѣдностью деревни, но въ слѣдствіи должны были убѣдиться, что, за малыми исключеніями, гостиницы и въ городахъ немногимъ лучше.

На другой день экспедиція перешла черезъ рѣку Хунь-хэ по замѣчательному мосту, длиною въ 50 и

Постоялый дворъ (дянь) въ деревнѣ.

шириною въ 20 саж., съ перилами, украшенными изваяніями львовъ. Воды въ рѣкѣ было мало, а лѣтомъ, вѣроятно, и совсѣмъ ея не бываетъ.

Версть за тридцать отъ Пекина мѣстность приняла волнистый характеръ. Лѣссовая почва—смѣсь глины съ известью—превратилась на дорогѣ въ мельчайшую пыль, которая поднималась тучами и немилосердно

ѣла глаза. Часто встрѣчались нищіе; они сидѣли у дороги съ чашками на колѣнахъ. Несчастныя старухи, увидавъ караванъ, выбѣгали на дорогу и, бросившись на колѣни, кланялись въ землю. На слѣдующемъ ночлегѣ путешественникамъ посчастливилось найти лучшее помѣщеніе. Имъ отвели просторную фанзу съ большими окнами, чистымъ поломъ и выбѣленными стѣнами.

Съ этого дня путешественники стали правильно распредѣлять свое время. Вставали въ 4—5 часовъ, въ дорогѣ проводили часовъ семь и на ночлегъ останавливались преимущественно въ деревняхъ, минуя неопрятные, зловонные китайскіе города. Прибывъ на ночлегъ и поужинавъ, путники принимались за работу: писали дневники, чертили карты, приводили въ порядокъ коллекціи. Слуги давно уже спали, а хозяева работали, пока усталость окончательно не одолевала ихъ.

Вся пекинская равнина густо заселена. Дорога то и дѣло проходитъ черезъ деревни; вправо и влѣво отъ дороги тоже видны деревни. По дорогѣ постоянное движеніе: идутъ караваны навьюченныхъ муловъ, тащутся колоссальныя телѣги, нагруженныя товарами. Бдутъ нарядныя женщины верхомъ на мулахъ, которыхъ ведутъ мужья. Деревни обсажены деревьями; вдоль деревни, далеко выбѣгая за околицу, идутъ тѣнистыя аллеи. За деревьями тянутся рощицы жужубниковъ—деревьевъ, дающихъ любимый китайцами плодъ цзаоръ. Каждая деревня представляетъ массу зелени, которая въ видѣ оазиса поднимается среди вспаханныхъ полей. Всѣ эти оазисы въ перспективѣ, сливаясь въ одну общую зеленую стѣну, заслоняютъ горизонтъ, и путнику кажется, что онъ ѣдетъ по лѣ-

систой странѣ. Въ дѣйствительности же этотъ лѣсъ насажденъ человѣкомъ; естественно растутъ только ивы по берегамъ рѣчекъ и арыковъ.

Промежутки между деревьями сплошь заняты пашнями; на валикахъ, ограждающихъ пашни, посѣяна клещевина; предгорія съ лёссовой почвой срѣзаны террасами, и на этихъ терассахъ разбиты пашни; даже сухія русла рѣкъ разбиваются на участки, унаваживаются и, снабженныя орошеніемъ, превращаются въ поля. Такимъ образомъ трудолюбивый китаецъ завоевываетъ подъ культуру совершенно безплодныя сухія пространства.

Въ одной деревнѣ, близъ гор. Бао-дина, въ гостиницу, гдѣ остановились путешественники, пришли пѣвицы. Сначала на дворѣ появилась дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, и когда путники ее приласкали, пришли еще двѣ, уже взрослыя „хуа-ньянь“ — барышни-цвѣты. Онѣ пѣли, аккомпанируя себѣ на гитарѣ. Китайская музыка, а тѣмъ болѣе женское пѣніе были для русскихъ новостью, и они слушали пѣвицъ съ большимъ интересомъ.

По дорогѣ въ Бао-динь во всѣхъ попутныхъ деревняхъ около дверей вывѣшены были зеленыя древесныя вѣтви. Оказалось, что въ этотъ день китайцы праздновали память избавленія своего округа отъ поголовнаго избіенія. Какой-то царь, когда-то, осадилъ городъ и, чтобы избавить отъ гибели своихъ приверженцевъ, онъ велѣлъ имъ у домовъ своихъ выставить зеленыя вѣтви. Съ тѣхъ поръ празднуется годовщина этого достопамятнаго дня.

Въ городѣ Танъ-сянѣ путешественники попали на ярмарку. Множество народа собралось изъ окрестностей смотрѣть театральныя представленія. Появле-

ніе европейцевъ было тоже своего рода представленіемъ. Городскіе жители высыпали навстрѣчу экспедиціи въ такомъ количествѣ, что путешественникамъ пришлось ѣхать между двумя шпалерами городскихъ обывателей. Въ толпѣ безпрестанно слышался смѣхъ и крики „гуй-цза“, т.-е. чортъ и „янъ-гуй-цза“ заморскій чортъ.

Въ деревнѣ Хо-чжа-тунъ путешественники заинтересовались промысломъ туземцевъ. Жители этой деревни выдѣлывали глиняную посуду различной величины. Весь скатъ горы, словно громадныя подмости на лотереяхъ, уставленъ былъ этой посудой, глазурь которой блестѣла на солнцѣ.

Недалеко отъ этой деревни дорога оставила равнину и путники вступили въ гористую страну, отдѣляющую пекинскую равнину отъ Ордоса. У селенія Лунъ-цюань-гуань они впервые увидѣли великую китайскую стѣну. Стѣна то взбѣгала на гору, то спускалась съ нея, дѣлая безпрестанные завороты и зигзаги. По мѣстамъ дорога удалялась отъ великой стѣны, и путники теряли ее изъ виду, но, проѣхавъ нѣкоторое время, снова возвращались къ ней. Наконецъ, они пересѣкли ее, пройдя черезъ полуразрушенныя ворота.

По выходѣ изъ воротъ великой стѣны, путники пошли на Утай, куда и прибыли 2-го іюня.

Именемъ Утай называется горный хребетъ, который ограничиваетъ пекинскую равнину съ запада. Въ южной части этого хребта, въ одной изъ долинъ, находится цѣлое собраніе буддійскихъ монастырей, частью соединенныхъ въ одну группу, частью разсѣянныхъ по сосѣднимъ ущельямъ. Утай пользуется большой славой у буддистовъ, китайцевъ и монголовъ; это, такъ сказать, ихъ Аѳонъ.

Еще задолго до Утая по дорогѣ стали попадаться пилигримы. Одинъ изъ нихъ передвигался страннымъ образомъ, напоминая своими движеніями извѣстную гусеницу-геометра. Этотъ чудакъ, воздѣвъ руки къ небу, становился на колѣни, потомъ, упавъ наземь и вытянувшись во всю длину, начиналъ подтягивать

Великая стѣна.

подъ себя колѣни, вставалъ снова, воздѣвалъ руки и снова продѣлывалъ тотъ-же маневръ. Невольно являлся вопросъ: сколько времени потребуется на то, чтобы при подобной гимнастикѣ достигнуть Утая. Вопросъ этотъ, конечно, остался неразрѣшеннымъ.

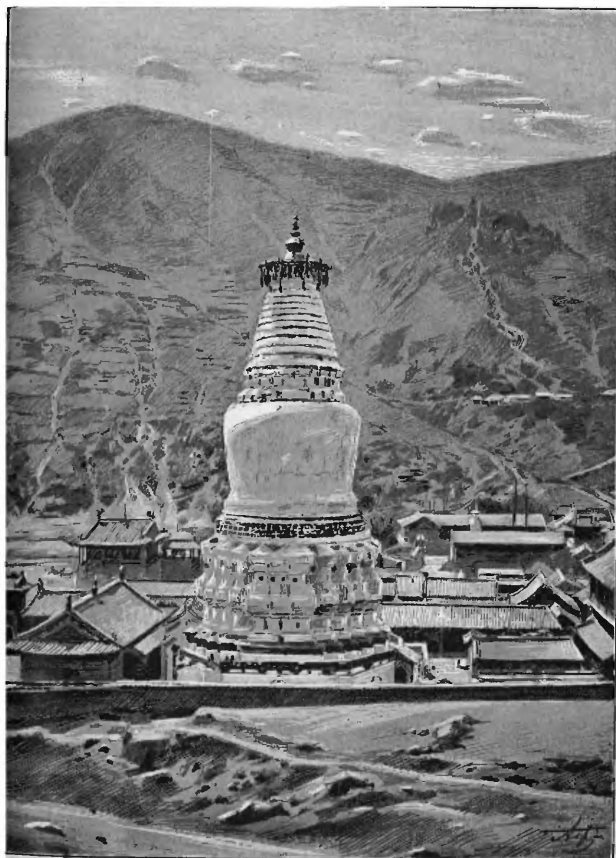
За полверсты до группы главныхъ монастырей долина суживается. Двѣ высокія горы образуютъ

узкія ворота. На вершинѣ лѣвой горы, высокой и крутой, построена кумирня, напоминающая средне-вѣковой рыцарскій замокъ. Когда обогнешь послѣдній мысъ, загораживающій входъ въ верхнюю часть долины, глазамъ представляется живописная картина. Гора отъ подошвы до вершины застроена кумирнями. Ихъ желтыя и синія черепичныя крыши красиво перемѣшиваются съ свѣтлой зеленью ивъ и темною сосенъ. Поверхъ всего этого сверкають золоченые шпильки, украшающіе коньки крышъ. Среди построекъ бросается въ глаза колоссальная бѣлая башня на подобіе ступы. Въ ней 30 сажень высоты. Верхушка башни окружена въ нѣсколько рядовъ бахромой изъ колокольчиковъ, которые при малѣйшемъ вѣтрѣ издають мелодическіе звуки.

Путешественники остановились въ деревенскомъ домѣ у подножія священной горы. Супруги Потанины, Скасси и Березовскій получили отдѣльныя помѣщенія, гдѣ и устроились весьма недурно.

На другой день г. Потанинъ отправился осматривать монастыри, которыхъ на ближайшей горѣ оказалось пять: два монгольскихъ и три китайскихъ. Каждый монастырь извѣстенъ подъ своимъ особымъ именемъ, а именемъ Утай обозначается вся группа. Утай—по китайски значитъ: „пять священныхъ горныхъ вершинъ“. У южнаго подъема на гору видны большія груды камней, оставшихся отъ бывшаго когда-то здѣсь императорскаго дворца. Прежде, говорятъ, китайскіе императоры посѣщали Утай ежегодно. Теперь прошло уже болѣе четырехсотъ лѣтъ, какъ они не бывають здѣсь.

На четвертый день Скасси отправился снимать фотографіи; А. В. поѣхала съ нимъ. Они поднялись

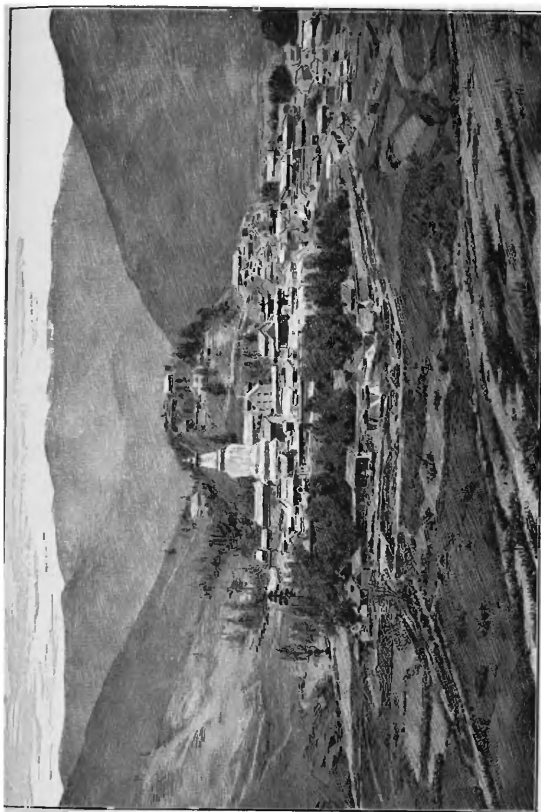
Башня Пай-тха въ Утаѣ.

на противоположный холмъ, и г. Скасси приготовился снимать бѣлую башню. Мелодическіе звуки колокольчиковъ, колеблемыхъ вѣтромъ, пріятно ласкали слухъ. Какъ только изъ монастырей замѣтили путешественниковъ, изъ всѣхъ овражковъ на гору полѣзли зрители. Сначала это были бритые мальчуганы, будущіе ламы. Имъ всѣмъ было не болѣе 4—6 лѣтъ. Нѣкоторые изъ нихъ были умыты и чистенько одѣты, другіе—отвратительно грязны; отъ всѣхъ вообще жестоко несло чеснокомъ. Вся эта ватага обступила г. Скасси и мѣшала ему работать. Чтобы отвлечь вниманіе ребятишекъ, А. В. усѣлась въ стонкѣ и начала рисовать маленькія картинки, рожицы, цвѣты. Это привлекло вниманіе мальчугановъ. Пріятно было наблюдать на дѣтскихъ лицахъ смѣну выраженій: удивленіе, ожиданіе, радость. Постепенно стали прибывать и взрослые. Этихъ, конечно, фотографическій аппаратъ интересовалъ гораздо болѣе, чѣмъ рисованье А. В. Мальчуганы же наблюдали съ большимъ интересомъ какъ она чинила карандашъ, и очень удивлялись, когда перочинный ножикъ, погрузившись въ ея шаровары, исчезалъ, а не проваливался въ отверстіе у ступни.

А. В. съ остальными спутниками посѣтила монастырскій холмъ. Здѣсь, кромѣ безчисленнаго множества кумиренъ, оказался цѣлый городокъ. Вдоль узкихъ и кривыхъ улицъ, лѣзущихъ въ гору, понадѣланы лавчонки, гдѣ торгуютъ разными вещами, пригодными для монаховъ. Купцы держали себя чинно, какъ и подобаетъ въ святомъ мѣстѣ, и спокойно смотрѣли на путешественниковъ сквозь свои большіе топазовые очки.

Перечислить всѣ кумирни нѣтъ никакой возмож-

ности. Каждая изъ нихъ посвящена какому-нибудь божеству, а божковъ у буддистовъ множество. Ку-

Обшій видъ на монастыри Утая.

мирня тысячерукой Гуань-инь только] что отдѣлы-
валась; всѣ идола были сдвинуты съ своихъ мѣстъ.
Сама богиня стояла лицомъ къ стѣнѣ, такъ что по-

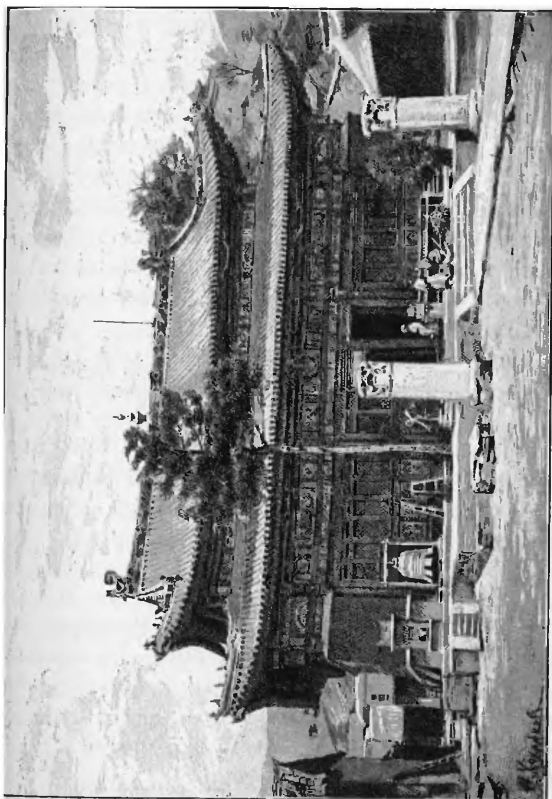
сѣтителѣмъ пришлось полюбоваться только ея спиной и многочисленными локтями. Золотыя руки и ноги боговъ, отдѣленные отъ статуй, были сложены на жертвенникѣ и представляли картину, напоминавшую анатомическій театр. Большая сосна, замѣняющая въ здѣшнихъ монастыряхъ смоковницу индійскихъ буддійскихъ монастырей, и два другихъ дерева у входа въ кумирню очень скрашивали общій видъ.

На дворѣ кумирни скульпторъ работалъ надъ новыми статуями боговъ и не боговъ, вѣроятно какихъ-нибудь буддійскихъ святыхъ. Нѣкоторыя изъ статуй были очень талантливо сдѣланы.

По недодѣланнымъ статуямъ посѣтителѣ могли составить себѣ нѣкоторое понятіе о способѣ ихъ производства. Сначала дѣлается изъ неотесанныхъ обрубковъ деревянный болванъ, члены котораго прикрѣплены проволокой, такъ что художникъ можетъ дать имъ желаемое положеніе. Затѣмъ фигура обматывается соломой для приданія ей надлежащей округлости и обмазывается глиною. Когда фигура совсѣмъ отдѣлана, ее покрываютъ золотомъ, серебромъ или красками.

Самая интересная достопримѣчательность утайскихъ монастырей это кумирня, вся сдѣланная изъ мѣди. Мѣдная кумирня построена на терасѣ, куда ведутъ двѣ лѣстницы съ каменными фигурами львовъ, обезьянъ и другихъ животныхъ. Мѣдныя плиты, изъ которыхъ сдѣланы стѣны и кровля кумирни, покрыты изнутри и снаружи рельефными рисунками буддъ, расположенныхъ рядами. По обѣ стороны мѣдной кумирни, симметрично, на той же терасѣ стоятъ два совершенно одинаковыя бѣлыя зданія; съ ихъ верхнихъ галлерей перекинута мостики къ балкону, который окружаетъ

мѣдную кровлю кумирни. Всѣ эти лѣсенки, балконы, перила, башенки представляют живописное цѣлое,

Кумирня Юнъ-чжао-сы въ Утаѣ.

которое особенно рельефно выдѣляется на фонѣ находящейся позади лѣсистой горы.

Китайскіе монахи смотрѣли очень сурово и не-сочувственно на смѣлыхъ чужестранцевъ, позволявшихъ себѣ снимать фотографіи съ ихъ святынь. Эти монахи выглядѣли аскетами, если только они не были лицемѣры.

О нѣкоторыхъ достопримѣчательностяхъ Утая путешественники узнали уже позднѣе отъ паломниковъ монголовъ. Паломники рассказывали о пещерѣ, въ которой будто бы находится нерукотворная статуя бога Арья-балло; о деревѣ су-ло-шу, вѣтви котораго такъ густо сплелись, что монета, брошенная съ верхушки дерева, не доходя до земли, застрѣваетъ въ вѣтвяхъ; и о многихъ другихъ святыняхъ буддистовъ.

Гуй-хуа-ченъ и его достопримѣчательности.

Путешественники вышли изъ Утая 13-го іюня, и, переваливъ черезъ хребетъ У-тай-шань, спустились въ долину Ху-то-хэ и въ деревнѣ Ша-хэ остановились ночевать.

Нигдѣ еще толпа не надоѣдала имъ такъ, какъ въ этой деревнѣ. Она заняла весь дворъ, протѣснилась къ окнамъ, и, старая желаніемъ поскорѣй увидѣть европейцевъ, начала рвать бумагу въ окнахъ и наконецъ совсѣмъ выставила рамы. Путешественники должны были прибѣгнуть къ силѣ. Выгнавъ толпу, они устроили баррикады изъ бревенъ и поставили къ нимъ караульныхъ.

Два дня спустя, путешественники пришли въ городъ Дай-чжоу. Почти подъ самымъ городомъ имъ пришлось испытать жестокую пыльную бурю. Съ 11-ти часовъ задулъ сильный западный вѣтеръ, и

горизонтъ потемнѣлъ отъ пыли. Появились вихри, но не въ видѣ тонкихъ и высокихъ колоннъ, какъ на монгольскихъ солончакахъ, а въ видѣ толстыхъ приземистыхъ столбовъ, которыхъ одновременно крутилось два или три. Одинъ пропадалъ, другой начинался. Вѣтеръ былъ горячій и дулъ съ большой силой. Онъ жегъ лицо и сушилъ губы. Мелкій песокъ хлесталъ по лицу. Положеніе было крайне непріятное. Къ пяти часамъ вѣтеръ успокоился, и караванъ вошелъ въ городъ.

20-го іюня караванъ прибылъ въ деревню Наньинъ-цза, гдѣ долженъ былъ остаться съ недѣлю, такъ какъ г. Потанинъ захворалъ, простудившись въ горахъ. Хозяинъ дома, въ которомъ остановились путешественники, былъ человекъ суевѣрный и чуть, было, не согналъ ихъ со двора. „Что-де за люди такіе“, говорилъ онъ, „смотрятъ на луну, собираютъ растенія. Какъ бы не приключилось съ моимъ домомъ несчастія отъ такихъ жильцовъ“.

Хребетъ У-тай-шань служитъ границею между пекинской и южно-монгольской флорой. Долины Хуто-хэ, хотя и орошаются водами, принадлежащими къ системѣ водъ пекинской равнины, но по характеру своему онѣ уже относятся къ сосѣднему монгольскому нагорью.

Миновавъ водораздѣлъ между рѣками, текущими на востокъ и на западъ, путешественники вступили на Куку-хотинскую равнину и 5-го іюля, уже въ сумерки, прибыли въ городъ Куку-хото, по китайски Гуй-хуа-ченъ.

Еще до прибытія въ городъ рѣшено было остановиться въ ближайшей деревнѣ и оттуда послать кого-нибудь въ бельгійскую католическую миссію за

совѣтомъ, гдѣ и какъ пріютиться экспедиціи. Но почему то этого не сдѣлали и зато жестоко поплатились. Долго путешественники цѣлымъ караваномъ бродили въ полной темнотѣ по узкимъ и грязнымъ улицамъ, не находя себѣ пристанища. Въ болѣе приличныхъ дянхъ отказывались ихъ принять, отговариваясь неимѣніемъ мѣста, а тѣ, которые открывали имъ свои двери, были одинъ другого хуже. „Не зная, на чемъ остановиться,—говоритъ г. Потанинъ,—мы выбрали тотъ, у воротъ котораго кончилось наше терпѣніе“. Дянь оказался отвратительнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ночью у путешественниковъ украли нѣсколько сѣделъ. На слѣдующій день путешественники, по приглашенію завѣдующаго миссіей г. Кейла, переѣхали въ католическое подворье. Здѣсь они получили въ свое распоряженіе цѣлый флигель въ восемь комнатъ и сверхъ того темный подвалъ для фотографическихъ работъ г. Скасси.

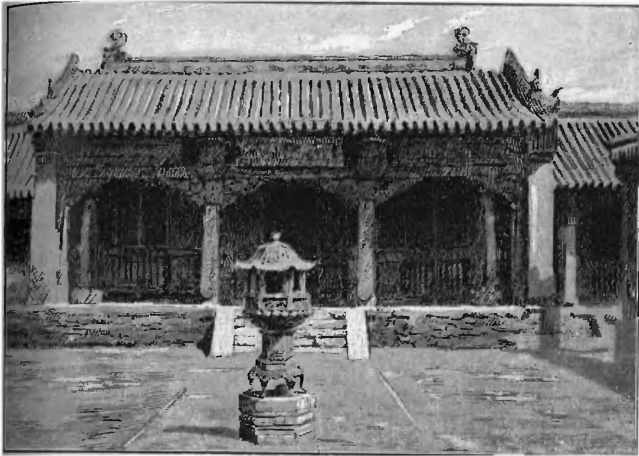
Ворота подворья были всегда на запорѣ, и путешественники были ограждены отъ натиска толпы. Послѣ грязныхъ деревенскихъ дяновъ, домъ г. Кейла показался путешественникамъ чистымъ раемъ.

Гуй-хуа-ченъ, какъ и всѣ китайскіе города, обнесень стѣною. Здѣсь города строятся обыкновенно съ расчетомъ на приростъ населенія, и потому стѣны относятся на большое пространство отъ послѣднихъ городскихъ построекъ. Города съ большимъ торговымъ значеніемъ быстро разрастаются; когда внутри стѣнъ не хватаетъ болѣе мѣста, постройки располагаются за стѣнами. Очень часто внѣшній городъ больше внутренняго; въ Гуй-хуа-ченѣ, напр., первый превышаетъ послѣдній въ семь разъ.

Въ городѣ нѣсколько рынковъ, до 200 чайныхъ

фирмъ и нѣсколько кумиренъ. Молодой китайскій купецъ Чо-чжинъ-хоу, бывавшій въ Кульджѣ и умѣвшій говорить по-русски, познакомилъ путешественниковъ съ кумирнями, объяснивъ ихъ значеніе.

Наиболѣе характерная изъ кумиренъ Люй-цу-мяо, или „ворожея“. Сюда приходятъ совѣтоваться о бо-

Кумирня Сы-танъ въ Гуй-хуа-ченѣ.

лѣзняхъ, потеряхъ, войнѣ и проч. Желаящій получить предсказаніе беретъ пластинки съ знаками, кладетъ ихъ въ урну и, потрясая, роняетъ одну изъ нихъ. Затѣмъ онъ смотритъ на знакъ на дощечкѣ и отыскиваетъ значеніе его въ книгѣ.

Кромѣ того, есть три кумирни въ честь Конфуція и кумирня Сы-танъ съ статуей Пай-цзянь-цзюня, о которомъ существуетъ слѣдующая легенда. Пай былъ

современникъ императора Канъ-си. Приѣхавъ въ Гуй-хуа-ченъ, императоръ пошелъ въ сопровожденіи Пая, по всѣмъ кумирнямъ, чтобъ поклониться богамъ. Въ одномъ мѣстѣ гэгень (настоятель монастыря) не преклонился передъ императоромъ. Пай, возмущенный такой непочтительностью, отрубилъ гэгену голову. „Зачѣмъ ты это сдѣлалъ?—спросилъ императоръ. Этотъ гэгень зналъ за 500 лѣтъ назадъ и за 500 впередъ“. — „Если-бъ онъ былъ точно гэгень, отвѣчалъ Пай императору, и зналъ за 500 л. впередъ, онъ зналъ бы, что я отрублю ему голову и велъ бы себя приличнѣе. Если же онъ этого не зналъ, то онъ не гэгень а злой духъ“. Послѣ этого началась война китайцевъ съ монголами. Канъ-си испугался и убѣжалъ переодѣтымъ, а преданный Пай, вообразивъ, что императоръ убитъ, отрубилъ себѣ голову. Тѣло его, послѣ того, какъ голова отлетѣла, осталось въ стоячемъ положеніи, и китайцы, пораженные этимъ чудомъ, причислили его къ лику святыхъ.

Посрединѣ этой кумирни, въ будкѣ, сидитъ позолоченная фигура мандарина. У задней стѣны стоятъ голубыя и зеленыя скрижали, покрытыя золотыми іероглифами. Боковыя стѣны убраны аллебардами, копьями и другимъ оружіемъ.

Кромѣ кумиренъ, въ городѣ шесть монастырей. Г. Потанинъ посѣтилъ тѣ изъ нихъ, которые отличались оригинальными сооруженіями. Вначалѣ его принимали неохотно, отговариваясь тѣмъ, что ламы всѣ въ разбродѣ, да и смотрѣтъ нечего. Но едва онъ заговорилъ по-монгольски, какъ обращеніе ламъ вдругъ перемѣнилось. Изъ ихъ среды выдѣлился юркій старикъ и, подойдя къ Потанину, спросилъ:

— Ты хочешь поклониться богамъ?—Получивъ

утвердительный отвѣтъ, старикъ повелъ посѣтителя въ храмъ, а г. Потанинъ, сложивъ руки на лбу, какъ это дѣлаютъ китайцы и монголы, окончательно очаровалъ ламъ. Ему все показывали, все рассказывали и нисколько не смущались, когда онъ, вынувъ записную книжку и карандашъ, записывалъ. Когда слуга Потанина, Цуйсанъ, положилъ на жертвенникъ связку чоховъ *), старикъ лама поставилъ за него цокцо—лмпочку съ коровьимъ масломъ,—а г. Потанину подаль зажженную куджи—благовонную свѣчу.

Увидавъ на дворѣ размалеванную постройку, Г. Н. заинтересовался ею. Простѣнки, двери, потолки, карнизы все было покрыто пейзажами и сценами изъ китайской жизни. Такъ какъ сцены на карнизахъ все были свѣтскія, то г. Потанинъ предположилъ, что это номера для почетныхъ гостей. Но оказалось, что помѣщеніе предназначается гэгену, пріѣзда котораго ожидали съ часу на часъ. Послѣдній гэгень умеръ восемь лѣтъ тому назадъ и только теперь возродился.

Въ монастырѣ У-та-сы (пять башенъ) путешественники осматривали замѣчательную пятиглавую кумирню тибетской архитектуры.

На цоколѣ изъ сѣраго камня возвышается уступами огромное зданіе, суживающееся къверху. Эти уступы, которыхъ семь, раздѣляютъ зданіе на семь этажей. Въ южной стѣнѣ находится большая арка, ведущая внутрь зданія. Наружные уступы украшены барельефными изображеніями боговъ, которыхъ въ каждомъ этажѣ по 140, а всѣхъ вмѣстѣ болѣе 1000. Вершина храма увѣнчана пятью башнями: одной большой посрединѣ и четырьмя по угламъ, поменьше. Сред-

*) Мелкія мѣдныя деньги.

няя башня въ семь этажей, угловыя—въ пять. Вся постройка чрезвычайно величественна и оригинальна.

Гуй-хуа-ченъ является для Монголіи очень важнымъ торговымъ пунктомъ. Это городъ очень древній, имѣющій свою исторію. Стоя на самой границѣ между Китайской имперіей и кочевьями монголовъ, онъ несомнѣнно былъ свидѣтелемъ большихъ историческихъ событій. Мимо него проходили арміи завоевателей, и самъ онъ нерѣдко, можетъ быть, становился резиденціей какаго-нибудь счастливца, выдвинутаго исторіей изъ скромной пастушеской среды въ роль вершителя народныхъ судебъ.

Гуй-хуа-ченъ, по словамъ одного китайца, мѣстнаго жителя, съ которымъ путешественникамъ пришлось бесѣдовать, обязанъ своимъ названіемъ огромной черепахѣ, по-китайски „гуй“. Монголы старались убить эту черепаху, но безуспѣшно. Наконецъ, они узнали, что если на этомъ мѣстѣ построить городъ, то онъ своею тяжестью задавитъ черепаху. Денегъ на постройку у нихъ не было; они и придумали подарить землю императору съ тѣмъ, чтобы онъ построилъ тутъ городъ. Императоръ принялъ подарокъ и построилъ Гуй-хуа-ченъ.

Средства не позволяли г. Потанину дѣлать дальнія экскурсіи, и онъ рѣшился ограничиться посѣщеніемъ могильнаго холма и ламайскаго монастыря у подошвы горы.

Могильный холмъ Чао-джюнь-фынь отстоитъ отъ города верстъ на двѣнадцать, но онъ такъ великъ, что его отлично видно съ городскихъ крышъ. Холмъ насыпанъ изъ мѣстной сѣровой глины; бока его такъ круты, что всходитъ на верхъ очень трудно. Наверху находится гладкая площадка безъ всякой

растительности. По монгольскому народному преданію, этотъ холмъ насыпанъ надъ могилой жены Чингизъ-хана, утопившейся въ Желтой рѣкѣ. Туземцы сосѣднихъ деревень увѣряютъ, что насыпь въ разную пору дня принимаетъ различныя очертанія: Утромъ она представляется чашей, въ полдень юртой,

Пятиглавая кумирня въ монастырѣ У-та-сы въ Гуй-хуа-ченѣ.

вечеромъ нижняя часть исчезаетъ, а верхняя какъ бы виситъ въ воздухѣ. Конечно, всѣ эти измѣненія не что иное, какъ миражъ.

Загородный монастырь Си-усту-чжао расположенъ на невысокой террасѣ надъ равниной. Въ немъ всего три храма и 20 монаховъ. Въ день, установленный для празднества въ немъ бываетъ большой съѣздъ, театр и конскій бѣгъ. Съѣзжается

множество купцовъ; телѣгъ до тысячи. Въ бѣгъ пускають лошадей, запряженныхъ въ телѣги.

Теперь экспедиціи предстояло приготовиться къ путешествію по Монголіи, гдѣ можно было встрѣтить только кочевое населеніе. Нужно было купить лошадей, нанять верблюдовъ, построить палатки и замѣнить китайскихъ слугъ монгольскими. Изъ трехъ служителей, взятыхъ изъ Пекина, оказался годнымъ одинъ Цуйсанъ, но и тотъ былъ не болѣе, какъ лакей. Для степного путешествія онъ совсѣмъ не годился. Онъ не умѣлъ даже осѣдлать лошади. Кромѣ того, монголы-рабочіе были гораздо интереснѣе для путешественниковъ, такъ какъ черезъ нихъ можно было получить различныя этнографическія свѣдѣнія о мѣстныхъ могилахъ, которыя интересовали Г. Н. болѣе, чѣмъ китайцы.

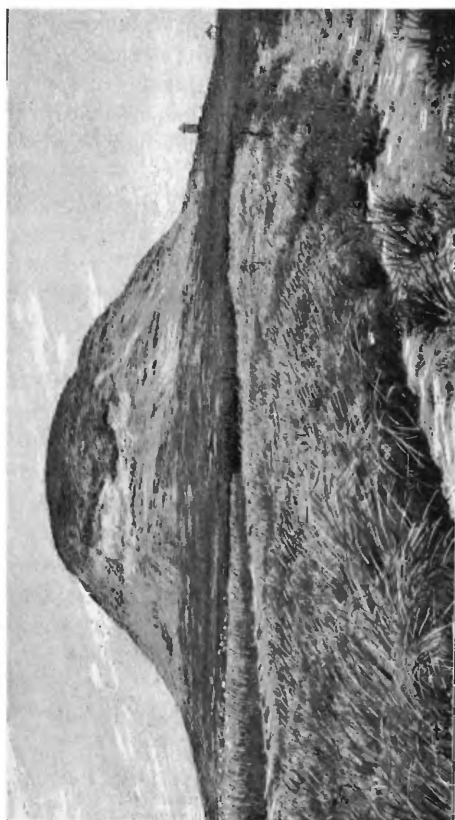
Оказалось, что верблюды, отдаваемые въ наемъ караванамъ, содержатся китайцами. Конечно, и погонщики у нихъ китайцы; пастуха наняли китайца же, такъ что экспедиціи пришлось волей-неволей окружить себя китайцами гораздо болѣе, чѣмъ было желательно.

31-го іюля, въ 11 часовъ утра, экспедиція вышла изъ Гуй-хуа-чена и направилась къ югу.

Все пространство отъ Гуй-хуа-чена до Желтой рѣки представляетъ равнину, которая, по характеру почвы и растительности, можетъ быть раздѣлена на двѣ части. Въ сѣв. части, до деревни Сарту, непрерывно тянутся пашни и сочные луга. Начиная отъ деревни Сарту, характеръ мѣстности измѣняется; почва становится песчаною, растительность начинаетъ оскудѣвать.

Населеніе въ этой равнинѣ смѣшанное; оно со-

стоитъ изъ китайцевъ и тумутовъ. Тѣ и другіе занимаются земледѣліемъ.

Могила жены Чингисъ-хана.

Первая остановка была въ деревнѣ, которую населяли монголы тумуты. Они живутъ въ китайскихъ

фанзахъ и одѣваются по-китайски. Только женщины ихъ отличаются болѣе крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, и ноги ихъ не такъ изуродованы, какъ у китайнокъ. Тумуты отнеслись къ путешественникамъ радушно и не надоѣдали имъ любопытствомъ.

Первые три дня путешественники шли населенными мѣстами и останавливались въ китайскихъ дяняхъ. Чѣмъ ближе подходили они къ Желтой рѣкѣ, тѣмъ оживленнѣе становились дороги. Доѣхали до развалинъ стариннаго города Тохто-хото. Его разрушенныя стѣны и башни стоятъ на высокомъ берегу, а внизу, между рѣкой и горой, раскинулся новый китайскій городъ. По наружному виду, въ немъ все обстояло, какъ и въ другихъ городахъ, но нравы жителей были совершенно иные. Толпа не тѣснила путешественниковъ, встрѣчные уступали дорогу, не слышно было безцеремонныхъ замѣчаній и нахальнаго хохота.

Рѣка Хуанъ-хэ (Желтая) сильно разлилась, и переправа совершилась ниже города. Люди переправились на лодкѣ, животныя и багажъ на баркѣ. Въ Китаѣ почти вездѣ устроены мосты, а потому лошади и верблюды не привыкли къ переправѣ вплавь; съ ними было не мало таки-возни. Переправившись на другой берегъ, путешественники очутились на роскошномъ лугу и тотчасъ же увлеклись собираніемъ новыхъ видовъ растеній, насѣкомыхъ и позабыли о всѣхъ своихъ невзгодахъ.

Лугъ, впрочемъ, былъ не широкъ; за нимъ тотчасъ начинались песчаные бугры. Такая смѣна луговъ песчаными холмами встрѣчается во всемъ Ордосѣ. Видъ такихъ мѣстъ очень оригиналенъ. Когда взберешься на вершину высокаго бугра, то увидишь сотни

такихъ же бугровъ, точно волны застывшаго моря. Съ перваго взгляда все кажется мертво кругомъ, но въ дѣйствительности это не такъ. Осмотрѣвшись, вы начинаете замѣчать на нѣкоторыхъ склонахъ этихъ бархановъ слабую растительность: это—или нѣжный голубоватый злакъ, изрѣдка раскинутый по песку отдѣльными травинками; или тонкій высокій тростникъ, пробирающійся узкой дорожкой въ одинъ рядъ по склону холма, при чемъ его корневище ползеть по поверхности, какъ гигантскій червякъ; или, наконецъ, цѣлыя группы бобоваго кустарника, развѣсившаго свои розовые мотыльковые цвѣты на тонкихъ, совершенно безлистныхъ вѣткахъ. Жизнь есть вездѣ. Пристально вглядываясь, вы видите узорныя дорожки, сдѣланныя лапками ящерицъ, и еще болѣе тонкіе, какъ строчка, слѣды большихъ черныхъ пѣшихъ жуковъ, снующихъ во всѣхъ направленіяхъ. Иногда встрѣчаются тропинки зайцевъ и лисицъ.

Заблудиться среди такихъ песчаныхъ холмовъ ничего нѣтъ легче. Дорожка, глубоко протоптанная въ песокъ, скоро засыпается; притомъ она сильно извиивается, огибая холмы, и изъ одной песчаной ямы вы попадаете въ другую. Къ счастью въ Ордосѣ такія барханныя пространства часто прерываются рѣчками или озерами, берега которыхъ покрыты кустарниками или луговой растительностью.

Теперь уже путешественники находились въ предѣлахъ Ордоса, о которомъ здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ. Если смотрѣть на карту Китая и слѣдить по ней за теченіемъ Желтой рѣки, то мы увидимъ, что почти въ центрѣ карты рѣка эта описываетъ букву П. Вотъ это то пространство внутри „покоя“ и носитъ названіе Ордоса. Ордосъ

въ настоящее время населенъ монголами и раздѣляется на семь хошуновъ или княжествъ. Каждое изъ княжествъ управляется наслѣдственнымъ княземъ изъ потомковъ Чингисъ-хана и старшинство надъ всѣми семью князьями принадлежитъ старшему въ родѣ. Ему даютъ титулъ „вана“, что въ старинныхъ сочиненіяхъ переводится словомъ „царь“. Теперь значеніе вановъ сильно упало, и китайцы назначаютъ ваномъ не старшаго въ родѣ, а того, который имъ больше нравится.

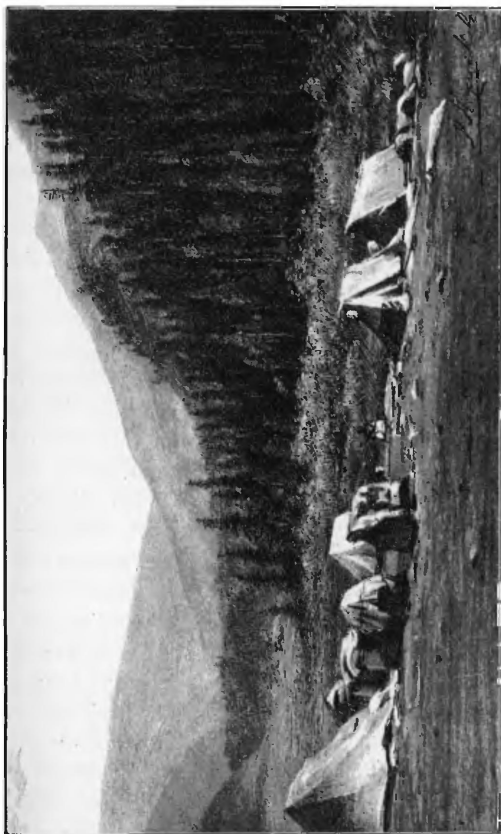
Ордоєъ.

„Съѣздите къ королю Ордоса. Онъ очень любитъ европейцевъ“, говорилъ г. Кейла, въ шутку называя ордосскаго вана королемъ. Путешественники рѣшили съѣздить, но имъ такъ нравилась привольная жизнь въ юртахъ на берегу Хуанъ-хэ, что они не торопились приводить свое рѣшеніе въ исполненіе.

Въ первое время съ постановкою юртъ было немало хлопотъ. Выходило что-то вродѣ вавилонскаго столпотворенія; господа и слуги не понимали другъ друга. Скажутъ слугѣ подать веревку, онъ подаетъ войлокъ; велятъ итти вправо, онъ идетъ влѣво, и все въ этомъ родѣ. Китайцы такъ плохо справлялись съ этимъ дѣломъ, что юрты постоянно оказывали склонность свернуться и свалиться на своихъ обитателей.

Слуги китайцы, непривыкшіе къ кочевой жизни, не были ею довольны, а когда пошли дожди, они совсѣмъ приуныли. Очень комиченъ былъ поварь,

который ни на минуту не разставался съ огромнымъ дождевымъ зонтомъ.

Лагерь на Желтой рѣкѣ.

Только 8-го августа экспедиція оставила берегъ Желтой рѣки и двинулась къ ставкѣ Джунгорскаго

князя. Послѣ двухъ небольшихъ переходовъ путешественники увидали глиняный городокъ и отдѣльно стоящія усадьбы, окруженныя деревьями. Окрестности ставки чрезвычайно унылы; растительность кругомъ бѣдная.

Путешественники разбили свои юрты въ саженяхъ отъ ставки и тотчасъ-же послали князю свои карточки. Во время постановки юртъ изъ ставки князя пришли монголы и китайцы. Монголы были пріятно удивлены, услыхавъ привѣтствіе на родномъ языкѣ.

Князь прислалъ сказать, что онъ приметъ путешественниковъ въ четыре часа вечера. Въ назначенный часъ ихъ повели не въ глиняный городокъ, а въ отдѣльно стоящую усадьбу, обнесенную каменнымъ заборомъ. Передъ воротами усадьбы стояли двѣ высокія мачты, какъ обыкновенно бываетъ у мандариновъ. Передняя часть двора обращена была въ садъ съ цвѣтниками и деревьями.

Джунгорскій князь казался гораздо старше, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности. Онъ считался человекомъ образованнымъ и выглядѣлъ умнымъ и дѣльнымъ. Въ усадьбѣ, гдѣ князь принималъ посѣтителей, онъ не живетъ. Это, собственно, пріемный домъ. Всѣ комнаты уставлены хорошей мебелью, стѣны увѣшаны картинами; дворъ и садъ содержатся въ чистотѣ. Но все это только для пріема гостей. Князь, его жены и два сына живутъ въ городкѣ.

На слѣдующій день къ вечеру въ лагерь явился самъ князь. Онъ сдѣлалъ этотъ визитъ какъ бы случайно, во время прогулки. Одѣтъ онъ былъ въ халатъ изъ чечунчи съ обыкновенной шапочкой на головѣ, а не въ манджурской съ шарикомъ, обязатель-

ной при официальныхъ приемахъ. Съ нимъ были его два сына, молодые люди лѣтъ за 20 и толпа разныхъ чиновъ и слугъ. Князь вошелъ въ юрту Потаниныхъ, а сыновья его отправились въ юрту г. Скасси. Китайскій этикетъ не позволяетъ сыну сидѣть въ присутствіи отца. Свита также осталась снаружи.

„Лицо князя было желтое, болѣзненное“, говоритъ г-жа Потанина, „и онъ былъ худъ, какъ скелетъ. Послѣ мы узнали, что онъ отчаянный курильщикъ опиума. Пріятныя манеры князя и очень умные глаза всѣмъ намъ понравились. Онъ съ интересомъ разсматривалъ инструменты, книги, географическія карты; спрашивалъ о задачахъ и цѣляхъ путешествія. Узнавъ, что съ нами есть фотографическій аппаратъ, князь попросилъ г. Скасси снять съ него и со всей его семьи портреты“.

Молодые князья нѣсколько разъ приходили въ лагерь. Ихъ простота очень нравилась русскимъ. Въ нихъ не было китайской напыщенности, не было также глупаго тупого удивленія передъ европейскими изобрѣтеніями. При вѣтѣ томъ они не лишены были сословной важности. Смѣшно было видѣть, какъ за каждымъ изъ молодыхъ людей ходило нѣсколько слугъ. Одинъ несъ собачку, другой кисеть, третій дождевой зонтъ и т. д.

Кромѣ сыновей князя, въ лагерь нѣсколько разъ приходила вторая жена князя. Это была очень хорошенькая женщина лѣтъ восемнадцати съ большими черными глазами и нѣжнымъ румянцемъ. Одѣвалась она очень просто; прическу носила дѣвичью, т.-е. распускала по спинѣ одну косу. Держала себя молодая княгиня съ большимъ тактомъ и выказывала много наблюдательности.

„Обыкновенно всѣ сношенія съ дамами въ Китаѣ“, говорить А. В., „меня страшно тяготили. Мнѣ было ясно, что, удовлетворивъ пустое любопытство, осмолрѣвъ васъ съ ногъ до головы, китайская барыня теряетъ къ вамъ всякій интересъ. Здѣсь у этой молоденькой женщины было нѣчто другое. Кромѣ любопытства, проглядывала любознательность, теплое участіе къ людямъ и ожиданіе, взаимнѣ, того же. Видно было, что общество умнаго мужа не осталось безъ вліянія на эту молодую особу. Жаль только, что эта близость принесла ей и вредъ. Она пристрастилась къ куренію опиума и, вѣроятно, кончитъ чахоткой“.

Вскорѣ путешественники были приглашены къ князю въ гости. А. В. была поражена роскошнымъ убранствомъ его комнатъ. Но болѣе всего понравился ей дѣловой характеръ княжескихъ покоевъ. Раскрытыя книги и свертки показывали, что князь не проводитъ времени въ праздности. Въ одной изъ слѣдующихъ комнатъ стоялъ слесарный станокъ, на которомъ князь любилъ работать; въ другой помѣщалась библіотека изъ китайскихъ и монгольскихъ книгъ, третья наполнена была часами. Часы — слабость князя: онъ проводитъ цѣлые дни за разборкой и сборкой ихъ механизма. Часовъ у него до двухсотъ штукъ.

Скоро А. В. пригласили въ комнату старшей княгини. Это была еще не старая женщина, одѣтая въ шелковые халаты нѣжныхъ цвѣтовъ, причесанная по манчжурской модѣ въ очень затѣйливый шиньонъ съ искусственными цвѣтами. Ноги ея были обуты въ расшитыя золотомъ туфли съ подошвой вершка въ полтора вышины. Лицо у нея было некрасиво, а главное — холодно, несимпатично, и манеры очень чопорныя. Въ комнатѣ княгини было нѣсколько дамъ:

жена второго княжескаго сына, ея мать и дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, воспитанница княгини. Дѣвочка, несмотря на манчжурскую выправку, сохранила монгольскую непринужденность и нѣсколько оживляла это чопорное общество.

Джунгорскій князь.

Разговаривать черезъ Цуйсана было не особенно удобно, и потому монгольскія дамы очень скоро перестали обращать вниманіе на гостя и предпочли бесѣдовать прямо съ Цуйсаномъ, спрашивая его о русскихъ и о ихъ образѣ жизни.

„На другой день“, говоритъ А. В. „княгиня пригласила меня обѣдать. На этотъ разъ меня принимали

въ настоящей квартирѣ княгини, въ городкѣ. Здѣсь все было старо, и домъ, и меблировка, но выглядѣло какъ-то уютнѣе и проще: старая няня домоправительница, хлопотала съ обѣдомъ; дѣвочка, воспитанница, болтала и смѣялась; на канѣ спала маленькая собачка княгини, на столикахъ лежали женскія рукодѣлья. Цуйсана мы скоро отпустили, и хотя не могли разговаривать, но чувствовали себя гораздо свободнѣе безъ этого наблюдателя, объяснялись мимикой и, не стѣсняясь, осматривали другъ друга“.

„Передъ обѣдомъ пришли князь и его сыновья. Съ ними я могла нѣсколько объясниться по-монгольски. Узнавъ, что я люблю „тарыкъ“—кислое молоко, особо приготовленное—старый князь велѣлъ его принести, и мы съ нимъ угощались этимъ національнымъ блюдомъ. Передъ обѣдомъ мужчины ушли, и мы обѣдали съ княгиней вдвоемъ“.

„Обѣдъ былъ китайскій и по-китайски сервированъ. Княгиня, замѣтивъ мое затрудненіе съ круглыми палочками, велѣла подать мнѣ четырехгранныя, которыми было нѣсколько удобнѣе ловить рисъ и прочую мелочь съ китайскихъ блюдецъ“.

Князь уже получилъ изъ Пекина предписаніе на счетъ содѣйствія экспедиціи. Онъ назначилъ для сопровожденія ея до сосѣдняго князя пять монголовъ и отдалъ приказаніе по всѣмъ хошунамъ, которые экспедиціи приходилось пересѣчь, чтобы каждый князь давалъ такой же конвой до слѣдующаго.

Черезъ шесть переходовъ, именно 25 августа, экспедиція была уже въ ставкѣ вана, другого ордосскаго князя. Самое интересное мѣсто, встрѣченное на пути, былъ Бага-едженъ-хоро—войлочные юрты, въ которыхъ, по преданію, хранятся останки жены Чингизъ

хана. Около юртъ раскидано до десяти мазанокъ, въ которыхъ живутъ монголы. Священныхъ юртъ двѣ; одна служитъ какъ бы преддверіемъ къ другой.

Не разъ на пути встрѣчались остатки древнихъ поселеній. Внутри разрушенныхъ стѣнъ теперь разработаны пашни, на которыхъ попадаетъ множество глиняныхъ черепковъ, единственныхъ остатковъ кипѣвшей здѣсь когда-то жизни.

25 августа экспедиція расположилась лагеремъ на берегу небольшого озера Чаганъ-норъ, верстахъ въ шести отъ ставки вана, которая видна была изъ лагеря.

Ванъ прислалъ привѣтствовать русскихъ своего чиновника по имени Сэрэнъ, но самъ принять ихъ отказался. Онъ-де боленъ, принимаетъ лекарство, и врачи боятся, какъ бы близость европейцевъ не оказала неблагоприятнаго вліянія на теченіе болѣзни. Это, кажется, не была отговорка, а искреннее убѣжденіе приближенныхъ вана и его самого. Самая остановка путешественниковъ у Чаганъ-нора была устроена по распоряженію вана, который, очевидно, думалъ, что на шестиверстномъ разстояніи навожденіе европейца становится безсильнымъ. Сэрэнъ всякій разъ становился на дыбы, когда кто-нибудь изъ русскихъ выказывалъ намѣреніе отправиться туда, гдѣ виднѣлась ставка вана; даже если кто-нибудь смотрѣлъ туда, то монголъ чувствовалъ себя, какъ на иголкахъ. Вѣроятно, онъ и приставленъ былъ для того, чтобы оберегать вана отъ губительнаго вліянія европейцевъ.

Этотъ монголъ имѣлъ чинъ мэрэна, т.-е. полковника. Но полковникъ онъ былъ прекуръезный: по образованію, манерамъ и костюму, онъ ничѣмъ не отличался отъ простолюдина. Впрочемъ, если чины

въ Ордосѣ раздаются за преданность князю, то полковникъ Сэрэнъ вполнѣ заслужилъ это званіе.

Верстахъ въ десяти отъ Чаганъ-нора находится святыня всего Ордоса, Ихи-едженъ-хоро, т.-е. юрта съ останками Чингизъ-хана.

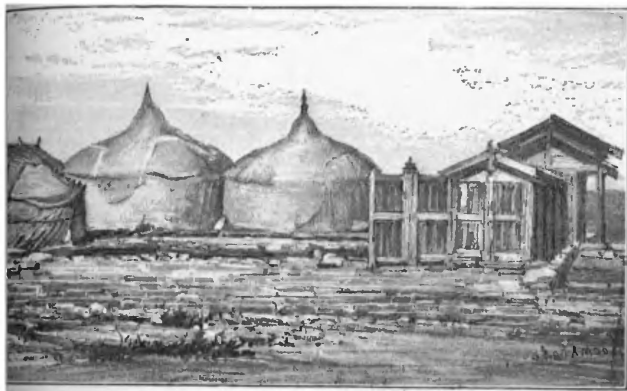

Ордосскій монголь Серенъ-мерэнъ.

Взявъ проводника-монгола, Г. Н. отправился осматривать эту святыню, далеко не увѣренный, что его туда пустять. Приемъ ему былъ оказанъ, однако, радужный, а когда онъ появился, переодѣтый въ парадное китайское платье, старшины были такъ поль-

щены этимъ, что тотчасъ-же повели его въ Едженъ-хоро.

Хоро состоитъ изъ двухъ войлочныхъ юртъ, поставленныхъ на невысокой четырехугольной насыпи, облицованной кирпичами. Юрты стоятъ плотно примыкая другъ къ другу; верхніе войлоки, покрывающіе сводъ, вырѣзаны фестонами, на вершинѣ—золотыя маковки.

Ихи-едженъ-хоро, усыпальница Чингизъ-хана.

„У дверей хоро разостланъ былъ уже войлокъ“, — рассказываетъ г. Потанинъ. — „Сопровождавшіе меня ламы встали на колѣни такъ, чтобы оставшееся между ними мѣсто могъ занять я. Послѣ того, какъ мы втроемъ совершили троекратное поклоненіе, въ отворенныя двери изъ темной юрты высунулась рука съ краснымъ деревяннымъ блюдомъ, на которомъ стояла мѣдная вазочка съ горящимъ масломъ. Мы велѣли взять блюдо и подержать его. Затѣмъ мы снова совершили три поклона“.

„Юрта, передъ которой мы стояли, была какъ-бы чехломъ надъ деревяннымъ срубомъ, внутреннее убранство котораго едва можно было различить. У задней стѣны стоялъ столъ, на немъ пять лампочекъ, а за ними жестянные щитки съ какими-то надписями. За столомъ была дверь, которая вела въ заднюю часть юрты. Что находилось тамъ, мнѣ ни увидѣть, ни услышать не удалось“.

Послѣ посѣщенія святыни, монголы пригласили Г. Н. въ приемную юрту и угощали его чаемъ. При этомъ они спрашивали его, кто онъ, си-янъ, (западный заморскій человекъ), или другой какой народъ.

„Я постарался“,—говорить г. Потанинъ,—„объяснить имъ разницу между русскими и западными европейцами, но они меня плохо поняли и, кажется, разочаровались. Ихъ занималъ вопросъ о народѣ нохой-иритъ, мужчины котораго имѣютъ видъ собакъ и только женщины походятъ на людей. Нохой-ириты, говорили они, живутъ на крайнемъ западѣ; западнѣе еще си-яновъ. Я высказалъ свое невѣдѣніе о подобныхъ чудныхъ людяхъ, и это сильно разочаровало моихъ собесѣдниковъ“.

Едженъ-хоро находится подъ присмотромъ особаго сословія, которое называется „дархатъ“. Дархатовъ считается до пятидесяти дворовъ. Это сословіе, очень уважаемое въ Ордосѣ, избавлено отъ всякихъ повинностей и налоговъ. О дархатахъ говорятъ, что они живутъ на вольной волѣ. При встрѣчѣ съ ними, имъ отдають честь, какъ дворянскому сословію, хотя у нихъ и нѣтъ шариковъ на шапкѣ; даже князья уступаютъ имъ дорогу. Дархаты смотрятъ за сохранностью едженъ-хоро и собираютъ дань на него. Съ этою цѣлію они развѣзжаютъ не только по всему Ордосу,

но и по сосѣднимъ землямъ. Въ эти поѣздки они берутъ съ собою мечъ и знамя Чингизь-хана, и, во имя этихъ святынь, не просятъ, а требуютъ приношеній. Подѣхавъ къ какому-нибудь дому, они водружаютъ знамя, втыкаютъ мечъ остриемъ внизъ, а рукояткой, обвѣшанной шелковыми платками, вверхъ, ставятъ серебряную чашу и, прочитавъ молитву, спрашиваютъ хозяина дома: „Ты что даешь Чингизу-Богдо? Корову, лошадь, или серебро. Веди корову, веди лошадь“. Вообще распоряжаются безцеремонно и властно.

Въ Ордосѣ болѣе чѣмъ гдѣ-либо сохраняется память о Чингизь-ханѣ. Въ числѣ множества легендъ, которыя рассказываются объ этомъ полководцѣ, наиболѣе интересна легенда о его будущемъ воскресеніи. Хотя монголы вполне увѣрены, что кости Чингизь-хана сохраняются въ ихъ Едженъ-хоро, но это нисколько не мѣшаетъ имъ рассказывать, что Чингизь-ханъ не умеръ, а только спитъ, хотя и считается умершимъ. Лежитъ онъ въ одной изъ кумиренъ, въ серебряномъ гробу, покрытый желтымъ покрываломъ. Каждый вечеръ ему ставятъ жаренаго барана, и къ утру онъ его съѣдаетъ. Со дня его смерти прошло 650 л., а до воскресенія осталось 300. Самъ Чингизь-ханъ опредѣлилъ время своего воскресенія. Къ этому же времени въ Китаѣ воскреснетъ богатырь, съ которымъ Чингизь-ханъ сразится, побѣдитъ и освободитъ народъ свой.

2-го сентября путешественники достигли ставки князя Ушинъ, но и здѣсь имъ не удалось видѣть владѣльца. Имъ сказали, что князь уѣхалъ; но вѣрнѣе, что онъ уклонился. По слухамъ, этотъ князь враждебнѣе всѣхъ остальныхъ относится къ европейцамъ.

Отъ ставки князя Ушинъ до Боро-балгасуна экспедиція въ теченіе одиннадцати дней шла по солонцевато-глинистой съ тощей растительностью равнинъ хошуна Ушинъ. 14-го сентября открылся видъ на протянувшуюся по стени стѣну города Боро-Болгасуна.

„Мы много ожидали отъ Боро-Болгасуна“, говоритъ г. Потанинъ. „Намъ сулили здѣсь радушный приемъ и возможность запасть всякой провизіей. Но то, что увидали мы съ сосѣднихъ бархановъ, совсѣмъ не подтверждало этихъ обѣщаній. Въ бинокль видна была крыша только одного дома; мы старались однако увѣрить себя, что за городскою стѣною ихъ скрывается множество, что ихъ не видно изъ-за высокихъ стѣнъ, кромѣ одного, самаго высокаго“. По мѣрѣ того, какъ караванъ приближался къ городу, всѣ блестящія ожиданія путешественниковъ, одно за другимъ, разлетались прахомъ. Прежде всего ихъ озадачило то, что караванъ направился не къ городскимъ воротамъ, а верблюды полѣзли прямо на городскую стѣну, какъ штурмующіе солдаты. Они сдѣлали это безъ труда, такъ какъ стѣна въ этомъ мѣстѣ осыпалась. Когда же путешественники взошли на городскую стѣну, то они поняли, что вступили въ развалины стариннаго города, внутренность котораго была пуста, за исключеніемъ двухъ или трехъ группъ глиняныхъ мазанокъ въ которыхъ живутъ монголы-христиане. Въ срединѣ между ними находится одно большое зданіе; это домъ католическаго миссіонера съ церковью. Ея-то кровлю и видѣли путешественники въ бинокль.

Къ какому вѣку относится постройка этого города; жители не знаютъ. Рассказываютъ, что здѣсь

жилъ Ельджигенъ-ханъ, ханъ съ ослиными ушами (о немъ выше, см. стран. 61). Чингизъ-ханъ убилъ его и разрушилъ городъ.

Стѣны города довольно хорошо сохранились. Указываютъ мѣсто, гдѣ построенъ былъ дворецъ, по близости котораго, говорятъ, и теперѣ еще находятъ монеты въ горшкахъ, зарытыхъ въ землю.

Окрестности Боро-Болгасуна куплены у князя хошуна Отокъ бельгійской миссіей, основавшей здѣсь миссіонерскую станцію. Миссіонеры приняли русскихъ путешественниковъ очень радушно и оказали имъ значительныя услуги.

Постоянная смѣна рабочихъ въ каждомъ попутномъ хошунѣ очень печально отразилась на имуществѣ экспедиціи. Половина сѣдельнаго прибора оказалась разворованною; сѣдла очутились безъ стремянъ и тороковъ, узды безъ удилъ и поводьевъ. Необходимо было нанять постоянныхъ монголовъ-рабочихъ, о чемъ отъ самаго Куку-хото (Гуй-хуа-ченъ) Г. Н. не переставалъ мечтать.

Начальникъ миссіи помогъ отыскать рабочихъ. Тотчасъ же были договорены три монгола: Пуринъ, Омолонъ и Очиръ. Затѣмъ удалось найти еще од-

Сантанъ-Джимба.

ного, чистое сокровище. Это былъ монголь-широнголь (или далда) Сантанъ-Джимба.

Сантанъ-Джимба родился въ мѣстности Саньчуани на Желтой рѣкѣ. Родители предназначили его въ ламы и отдали въ монастырь. Но учитель такъ билъ его, что онъ бѣжалъ, долго странствовалъ и, попавъ къ католическимъ миссіонерамъ, крестился. Монголію онъ исходилъ вдоль и поперекъ, былъ нѣсколько разъ въ Пекинѣ и Кяхтѣ, сопровождалъ европейскихъ путешественниковъ въ ихъ странствованія и съ однимъ изъ нихъ посѣтилъ Лассу *). Ему было уже 68 л. Старичку предложено было сопутствовать экспедиціи въ качествѣ караваннаго рабочаго, а для декорума и въ качествѣ совѣтника, и онъ согласился.

Съ переменною состава рабочихъ, измѣнилась къ лучшему и хозяйственная часть. Въ попутныхъ дняхъ не пришлось уже переплачивать лишнихъ денегъ, и провизія стала покупаться дешевле. Вообще монголы оказались честными людьми, и путешественники не разъ заочно благодарили начальника миссіи за его выборъ. Но при всѣхъ своихъ прекрасныхъ качествахъ, новые слуги не знали кратчайшей дороги въ Лань-чжоу, столицу провинціи Гань-су, а путешественники непременно хотѣли итти этимъ путемъ, такъ какъ иначе пришлось бы итти дорогой, уже изслѣдованной Пржевальскимъ.

Пробывъ въ Боро-Болгасунѣ пять дней, экспедиція выступила изъ него 21 сентября.

Мѣстность между Боро-Болгасуномъ и соленымъ

*) У Пржевальскаго—Хласса, столица Тибета.

озеромъ Бага-чикыръ носитъ уже новый характеръ. Дорога идетъ параллельно съ линіей возвышенностей. вмѣсто прежней ровной поверхности хошуна Ушинъ, здѣсь проходятъ увалы и болѣе или менѣе плоскіе хребты. Въ горахъ много дзереновъ (антилопъ). По словамъ монголовъ, эти животныя собираются стадами до тысячи головъ.

Растительность Ордоса подробно описана Пржевальскимъ. Онъ обогнулъ западную окраину Ордоса, г. Потанинъ восточную. Онъ нашелъ, что для кочевой жизни эта область достаточно одарена природой. Кромѣ рѣкъ, впадающихъ въ Желтую рѣку, восточная часть богата подпочвенной водою, которая питаетъ растительность. Но и сухіе участки покрыты степными травами. Въ болѣе глубокихъ и влажныхъ впадинахъ между барханами образуются густыя заросли ивы и облѣпихи. Хотя эти заросли представляютъ вооруженную колючками трущобу, въ которую трудно пробраться, но ихъ сочная зелень и разнообразная травяная растительность пріятно ласкаютъ глазъ. Самые барханы далеко не такъ безжизненны, какъ кажутся. Дождевая вода, падая на ихъ поверхность, испаряется только съ верхняго слоя; если же рукою хотъ немного раскопать барханъ, то тамъ уже обнаруживается мокрый песокъ. Поэтому вполне безжизненны только переметные бурханы, состоящіе изъ сыпучихъ песковъ.

Ордосскіе монголы.

Названіе Ордосъ монголы производятъ отъ слова „урду“ — ставка начальника, дворець. Монголистъ Ковалевскій говоритъ, что ордосское племя, какъ

важнѣйшее въ древности, было приписано ко двору Чингизъ-хана и доставляло отличнѣйшихъ воиновъ, прославившихся въ походахъ.

Дальнѣйшихъ подробностей объ этомъ предметѣ г. Потанину узнать не удалось, но есть основаніе предполагать, что ордосцы пришли съ сѣвера. Одна пѣсня начинается такъ:

„Алтай Хангай хоиръ шиле мини нотукъ холо байна“. (Моя родина, два хребта Алтай и Хангай, далеко).

Несмотря на то, что Ордосъ находился такъ близко отъ центровъ исторической жизни въ Азіи, на его степяхъ, занятыхъ кочевниками, не было, по видимому, крупныхъ осѣдлыхъ поселеній. Развалины городовъ встрѣчаются только на окраинахъ. Кэрек-суровъ, которыми изобилуетъ сѣверная Монголія, въ Ордосѣ не встрѣчается.

Ордосскіе монголы жаловались г. Потанину на своихъ князей, которые будто бы отнимаютъ у нихъ земли и отдаютъ въ аренду китайцамъ. Во многихъ мѣстахъ путешественники дѣйствительно видѣли китайскіе хутора и даже цѣлыя деревни. По всѣмъ вѣроятіямъ ордосцамъ предстоитъ окитаиться, какъ окитаились куку-хотинскіе тумуты, которые не имѣютъ даже своего князя и управляются китайскимъ чиновникомъ.

Въ восточномъ Ордосѣ войлочные юрты встрѣтились только въ одномъ мѣстѣ. Вообще же здѣшніе монголы живутъ въ мазанкахъ изъ плетня, обмазаннаго глиной. Внутренность мазанокъ на китайскій образецъ: тѣ же каны, окна, заклеенныя бумагой, жаровни. Утварь китайская. У богатыхъ монголовъ передъ домомъ вкапывается одна или двѣ

мачты съ желѣзными трезубцами на вершинѣ. На перекладинахъ ниже трезубцевъ привѣшиваются ленты или тряпки. По народному преданію, послѣдній ханъ завѣщаль монголамъ вывѣшивать у домовъ ленты пяти цвѣтовъ радуги, чтобы въ день своего пришествія, онъ могъ отличить эти дома отъ чужеземныхъ и избавить свой народъ отъ избіенія.

Въ восточной окраинѣ хошуна Ушинъ монголы живутъ въ пещерахъ, вырытыхъ въ лессѣ (смѣсь глины съ известью). Одежда ордосцевъ представляетъ смѣсь монгольскаго съ китайскимъ. Шапка лѣтомъ на головѣ ордосца большая рѣдкость. Большинство повязываетъ голову цвѣтнымъ платкомъ, или просто бѣлой тряпкой.

Женщины убираютъ волосы въ двѣ косы, опуская ихъ на грудь. Серьги носятъ въ видѣ колецъ съ очень тяжелыми подвѣсками.

Главные промыслы ордосцевъ скотоводство и земледѣліе. Сѣютъ просо, коноплю, гречиху, овесъ и сорго. Картофель стали воздѣлывать недавно. Есть предположеніе, что гречиха занесена въ Европу монголами; до ихъ нашествія, она не была намъ извѣстна.

Кромѣ культурныхъ растений, ордосцы употребляютъ въ пищу и дико-растущія. Между ними сульхиръ занимаетъ первое мѣсто. Во множествѣ произрастаетъ здѣсь лукъ, а въ видѣ лакомства туземцы ѣдятъ млечно-сочныя стручья темень-коко (верблюжьи сосцы).

Въ Ордосѣ водится прелюбопытный звѣрекъ, мышъ-экономъ, дѣлающая запасы самыхъ отборныхъ зеренъ проса и конопли. Туземцы рассказываютъ, что эти мыши цѣлой компаніей отправляются на промыслъ. Онѣ взбираются на колосья и выщипы-

вають лучшія зерна. Потомъ одна изъ нихъ ложится на спину, другія накладываютъ на нее зерна и тащатъ за хвостъ, какъ повозку. „Люди потерявшіе стыдъ, грабятъ мышей зимой“, прибавляютъ монголы.

Монголы очень чадолюбивы. Когда у монголки долго нѣтъ дѣтей, она совершаетъ моленіе двумъ богинямъ Бѣлой и Зеленой Дарихэ, которыя находятся въ Утаѣ. Она шьетъ маленькій башмачекъ и проситъ пилигрима, отправляющагося въ Утай, отнести башмачекъ богинѣ. Прибывъ въ Утай, пилигримъ долженъ положить башмачекъ къ ногамъ богини и взять взаменъ другой, положенный туда раньше. Средство считается еще болѣе дѣйствительнымъ, если монголка на поклоненіе богинѣ идетъ сама.

Если дѣти не держатся въ домѣ, умираютъ, то берутъ одну овцу изъ стада и навязываютъ на нее полоски матерій. Такую овцу нельзя ни убить, ни остричь. Шерсть ея отростаетъ и волочится по землѣ. Есть еще и другое средство: кто-нибудь изъ родственниковъ воруетъ ребенка, прячетъ въ котель и потомъ отдаетъ матери. Такого ребенка протаскиваютъ нѣсколько разъ подъ стоящей собакой и даютъ ему имя по цвѣту собаки. Духъ, похититель дѣтей, обманывается; онъ слышитъ, что ребенка зовутъ собачьимъ, а не человѣческимъ именемъ и думаетъ, что и въ самомъ дѣлѣ это щенокъ, а не дитя.

Миссіонеры замѣтили, что монгольское племя бѣдно дѣтьми, тогда какъ въ китайскихъ деревняхъ дѣтей множество. Это наблюденіе навело миссіонеровъ на мысль, что монгольское племя вымираетъ, по крайней мѣрѣ въ Ордосѣ, гдѣ оно приходитъ въ близкое прикосновеніе съ земледѣльческимъ Китаемъ.

Свадьба въ Ордосѣ обставлена большими фор-

мальностями. Когда вопросъ о калымѣ рѣшенъ, и дѣло слажено, женихъ въ сопровожденіи дружки, по-монгольски „хончжинъ“, отправляется къ невѣстѣ. Хончжину приходится много импровизировать, и потому онъ избирается изъ умныхъ и находчивыхъ людей. Когда хончжинъ съ женихомъ придутъ въ домъ невѣсты, ихъ садятъ на полу противъ кана, на которомъ сидитъ невѣста и шесть свахъ, „бергенъ“. Хончжинъ ставитъ передъ бергенъ столикъ съ бараньимъ мясомъ и начинаетъ говорить рѣчь о достоинствахъ убитаго барана. Потомъ онъ подноситъ бергенамъ водки и опять говоритъ рѣчь. Чѣмъ искуснѣе хончжинъ, тѣмъ болѣе онъ говоритъ рѣчей.

Послѣ угощенья бергенъ и множества рѣчей, хончжинъ садится на мѣсто и въ краснорѣчій начинаетъ упражняться старшая бергенъ. Она предлагаетъ хончжину самые замысловатые вопросы, и онъ отвѣчаетъ, смотря по способностямъ, импровизаціей, уснащенной разными шуточками, или просто заученными фразами.

Послѣ этой церемоніи невѣсту провожаютъ въ домъ жениха. На пути ей дѣлаютъ три встрѣчи. Сначала ее встрѣчаетъ женихъ, ближе къ дому отецъ жениха и, наконецъ, женщины. Передъ домомъ жениха раскладываютъ два костра. Женихъ ждетъ невѣсту между огней и подаетъ ей конецъ плети. Невѣста беретъ за плеть и женихъ перетягиваетъ ее къ себѣ.

Послѣ смерти значительнаго лица весь Ордосъ одевается въ трауръ по китайски: въ бѣлыя одежды и бѣлыя шапки; даже косу обертываютъ въ бѣлое; не дѣлаютъ свадебъ, не поютъ пѣсень.

Въ Ордосѣ распространенъ китайскій обычай за-

ключать союзъ побратимства (по-монгольски „анда“). Въ братствѣ принимаютъ участіе три человѣка, пять, семь, девять, но никогда четное число. Прежде чѣмъ заключить союзъ, побратимы заявляютъ о томъ старикамъ и получаютъ отъ нихъ одобреніе. Потомъ колютъ овцу, пьютъ водку, кланяются матерямъ всѣхъ побратимовъ и молятся передъ бурханами. При обрядѣ произносятся по-китайски слѣдующія слова: „Если будетъ лошадь, вмѣстѣ на ней поѣдемъ. Если будутъ деньги, поровну подѣлимъ“.

Побратимство — прекрасный обычай. Онъ смягчающимъ образомъ дѣйствуетъ на нравы. Онъ запрещаетъ сердиться на побратима, если тотъ въ чемъ-нибудь провинился. Если анда обидитъ, нужно смолчать; если онъ въ нуждѣ, нужно помочь. Анда должны вмѣстѣ дѣлить и горе, и радость; на войнѣ должны умирать другъ за друга. Обрядъ этотъ совершается и между женщинами, но никогда между женщинами и мужчинами.

Среднее положеніе Ордоса между Тибетомъ, сѣверной Монголіей и Пекинской равниной должно-бы дать ему важное значеніе въ распространеніи буддизма; между тѣмъ памятниковъ буддійскаго искусства, или явленій природы, возведенныхъ въ буддійскія святыни, здѣсь почти не встрѣчается. Зато въ приордоскихъ мѣстностяхъ ихъ множество, изъ чего можно заключить, что религіозная жизнь когда-то кипѣла въ этой странѣ и что во времена Чингизхана былъ, вѣроятно, расцвѣтъ духовной дѣятельности Приордосья.

У ордосцевъ еще сохранились остатки прежнихъ вѣрованій, напримѣръ, „таилганъ“, т.-е. кровавое жертвоприношеніе. Замѣчательно, что во всей Монголіи,

подъ мягкимъ вліяніемъ буддизма, кровавыя жертвоприношенія вывелись; сохранились они только въ Ордосѣ и у сѣверныхъ бурятъ, придерживающихся шаманства.

Ежегодно лѣтомъ устраивается празднество съ кровавымъ жертвоприношеніемъ—таилга. Чингизу-богдо приносятъ въ жертву лошадь. Лошадь не рѣжутъ, но убиваютъ, стукнувъ серебрянымъ молоткомъ по головѣ. Потомъ ея мясо варятъ и роздаютъ народу. На долю každато достается кусокъ не болѣе наперстка. Эти кусочки называются „счастье Чингизъ-хана“.

Потомъ колютъ овцу, вырываютъ еще трепещущее сердце и легкія и по нимъ гадаютъ. Это называется „смотрѣть тюльку“. Прежде, говорятъ, вмѣсто овцы рѣзали человѣка и смотрѣли его тюльку, но какой-то святой умилиствовалъ грознаго Чингиза-богдо, и онъ позволилъ замѣнить человѣка овцой.

На таилгу стекается много народа, въ томъ числѣ князья и правители Ордоса.

Юрты едженъ-хоро привозятся на бѣлыхъ верблюдахъ и ставятся на мѣстѣ, избранномъ для празднества. Поклоненіе святынямъ обставлено безконечными церемоніями, которыя рассчитаны на то, чтобы вліять на воображеніе.

Монголы глубоко чтутъ свои святыни и вѣрятъ, что у того, кто приблизится къ едженъ-хоро съ злымъ намѣреніемъ, выпадутъ глаза.

Во время мусульманскаго возстанія шайка мусульманскихъ мятежниковъ хотѣла, будто бы, разграбить едженъ-хоро, но у перваго человѣка, который прикоснулся къ священному ящику съ костями Чингизу-богдо, глаза вывалились изъ орбитъ. Остальные мятежники въ ужасѣ разбѣжались.

Ордосцы также, какъ и европейцы, чествуютъ новый годъ— „чаганъ-сара“. Въ этотъ день стрѣляютъ изъ ружей, жгутъ петарды, зажигаютъ множество плошекъ. Наканунъ новаго года, вечеромъ, бросаютъ собакамъ два хлѣба, одинъ испеченный по-монгольски, другой— по-китайски. Если собака схватитъ монгольскій хлѣбъ, въ Ордосѣ будетъ урожай; если китайскій, то наоборотъ. На дома налѣпляютъ бумажки съ надписями; на различныхъ частяхъ дома пишутъ изреченія.

Въ хошунахъ бываютъ сборища для борьбы. Сначала борются сто на сто, потомъ 50 на 50; 25 на 25, и когда останется двѣнадцать, то это называется „борцы головка“. Передъ началомъ борьбы произносится рѣчь.

Когда заболѣетъ нойонъ *) и лекарства не помогаютъ, онъ даетъ какому-нибудь человѣку много денегъ, хорошую лошадь, самое лучшее платье, отборную пищу и высылаетъ его изъ хошуна. Этотъ человѣкъ долженъ уѣхать какъ можно дальше и не возвращаться, пока нойонъ не выздоровѣетъ. Злой духъ будетъ такимъ образомъ обманутъ, принявъ уѣхавшаго за нойона. Бѣдняки дѣлаютъ куклу изъ глины, надписываютъ на ней имя больного, одѣваютъ куклу въ платье, сшитое по образцу того, въ какомъ имѣетъ обыкновеніе ходить больной, и выбрасываютъ куклу въ степь. Злой духъ вообразитъ, что больной уже умеръ и выброшенъ, и оставитъ его.

Если заболѣетъ едженъ-ханъ (китайскій императоръ) и выздоровѣетъ, то обманувшему злого духа— замѣстителю его, когда онъ вернется на родину, все дозволяется. Онъ живетъ на полной свободѣ, вѣсть

*) Сановникъ.

что хочеть, беретъ спокойно чужое, и даже за убійство съ него не взыскивается. Таково повѣрье въ Ордосѣ.

Гаданье очень распространено у ордосцевъ. Гадаютъ различными способами и, между прочимъ, на пальцахъ. Каждый суставъ имѣеть особое наимено-

Замужняя монголка изъ Ордоса.

ваніе, на примѣръ: монастырь, гора, лодка, тигръ, волкъ и т. д. Гадающій оцупью схватываетъ какой-нибудь суставъ и по названію его опредѣляетъ, что съ нимъ случится. Волкъ предсказываетъ поѣздку, гора сидѣнье на мѣстѣ и т. д. Кромѣ того, суставы соотвѣтствуютъ мѣсяцамъ, которыхъ у ордосцевъ также двѣнадцать въ году.

Съверная часть Гань-су.

Стоянка на озерѣ Бага-Чыкырѣ была послѣднею стоянкою экспедиціи въ Ордосѣ. Далѣе путь лежалъ въ провинцію Шень-си, усѣянную китайскими деревнями. Дорога отъ озера поднимается на плоскій хребетъ, отчасти засыпанный буграми подвижныхъ песковъ. За этимъ хребтомъ растительность стала замѣтно улучшаться. Немного не доходя до города Хуа-ма-чена, экспедиція прошла черезъ великую стѣну, которая была настолько разрушена, что не оказалось надобности искать воротъ, чтобы проникнуть въ застѣнный Китай. Городскія стѣны довольно хорошо сохранились, что не помѣшало мусульманамъ взять и разрушить городъ. Въ одной половинѣ его совершенно пусто и ничего нѣтъ, кромѣ развалинъ; другая начала отстраиваться, хотя въ ней пока одна улица.

Въ Хуа-ма-ченѣ уже было получено распоряженіе пекинскаго начальства о движеніи экспедиціи. Путешественникамъ дали въ провожатые солдатъ, которые тутъ-же ихъ обманули, указавъ не ту дорогу, по которой они предполагали итти.

Двинувшись къ Минъ-чжоу, экспедиція шла весь день параллельно великой стѣнѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на стѣну надуло пески, которые поднимаются до верху, т.-е. до высоты 3—4 сажень, и мѣстами даже пересыпаются черезъ стѣну. По пути встрѣчалось много раззоренныхъ деревень и кумирень. По словамъ туземцевъ, охотниковъ вновь заселить эти мѣста находится мало, потому что мѣстность бѣдна водою и неудобна для хлѣбопашества. Главное занятіе жителей разведение барановъ, стада кото-

рыхъ встрѣчаются по степи въ большомъ количествѣ. Вторая половина дороги шла вдоль долины незначительной рѣчки, спускаясь къ уровню Желтой рѣки.

2-го октября экспедиція вступила въ городъ Линь-чжоу, сѣв. границу провинціи Гань-су. Городъ открылся версты за двѣ въ очень привлекательномъ видѣ. Среди обширной степи, пожелтѣвшей отъ зноя, растянулся версты на 3—4 лѣсъ изъ фруктовыхъ деревьевъ: яблоней, жужубовъ, персиковъ и абрикосовъ, среди которыхъ, какъ-бы для разнообразія, поднимаются пирамидальные тополи. Городъ стоитъ въ центрѣ этой роскошной зелени, а въ сторонѣ отъ него возвышается высокая многоэтажная башня. На сѣв.-зап. виднѣется опять полоса лѣса, окаймляющая Хуань-хэ (желтая рѣка); на сѣверѣ — песчаные холмы, а на западѣ и югѣ — хребты Алашань и Нью-тоушань, которые издали представляются сплошною синею стѣною.

Линь-чжоу, бывшая столица Тангутскаго царства, былъ построенъ въ 527 г. по Р. Х., потомъ смытъ разливомъ Желтой рѣки; построенъ вновь, вторично смытъ и тогда уже переведенъ подальше отъ Желтой рѣки.

По китайскому преданію, прежде вся эта земля была монгольская. Китайскій императоръ Ты-чинь попросилъ у монголовъ участокъ земли протяженіемъ въ полетъ стрѣлы. Монголы согласились; фый-ху (крылатый человѣкъ) сѣлъ на стрѣлу и отнесъ ее на 400 м. Такъ и стала вся земля китайская.

Во время послѣдняго мятежа мусульмане два раза брали Линь-чжоу и разрушили его.

Въ Линь-чжоу экспедицію засталъ осенній періодъ дождей, и ей пришлось выждать пять дней. Въ пер-

вый же день къ путешественникамъ явились чиновники за паспортами и принесли узелокъ свѣжихъ цзаоровъ, за что были вознаграждены двумя стеариновыми свѣчами и шестью листами писчей бумаги. Ежедневно приходилъ полицейскій солдатъ, чтобы оберегать путешественниковъ отъ любопытства толпы. Похлопывая бичомъ въ воздухъ, эти полицейскіе усердно отгоняли толпу, но она уходила не дальше воротъ.

7-го октября экспедиція, въ сопровожденіи небольшого китайскаго конвоя, оставила Линъ-чжоу.

Окрестности Линъ-чжоу прекрасно воздѣланы. Среди полей разсѣяны многочисленныя фанзы, окруженныя фруктовыми садами. Вдоль канала растутъ жужубы, вязъ и ива. По гребнямъ каналовъ тянутся караваны на ослахъ и мулахъ. Картина оживленная и чрезвычайно пріятная для глаза.

Такъ какъ большая дорога послѣ ливней была залита водой, то караванъ былъ направленъ побочной тропой, очень извилистой, проходящей зигзагами между пашнями и фанзами.

Верстахъ въ 6—7 отъ Линъ-чжоу путешественники видѣли полуразрушенную крѣпость, въ которой возставшіе мусульмане отбивались отъ императорскихъ войскъ. Ихъ предводитель Ванъ-хунъ былъ казненъ, а мусульмане, по усмирении возстанія, выселены на правую сторону канала, а на лѣвой имъ запрещено было жить. И дѣйствительно, перешедши на другую сторону канала, путешественники стали встрѣчать чисто-тюркскія фізіономіи съ бородами а иногда съ бакенбардами.

Городокъ Цзинь цза-пу, въ которомъ экспедиція ночевала, построень, какъ говорятъ, предводителемъ

мятежныхъ мусульманъ Ма-хуа-луномъ, который былъ схваченъ и казненъ въ Пекинѣ. Рассказываютъ, будто Ма-хуа-лунъ сложилъ все свое серебро въ деревянный гробъ, зарылъ въ землю и убилъ всѣхъ семьсотъ человѣкъ, которые зарывали серебро; такъ и осталось неизвѣстнымъ, гдѣ зарытъ этотъ кладъ.

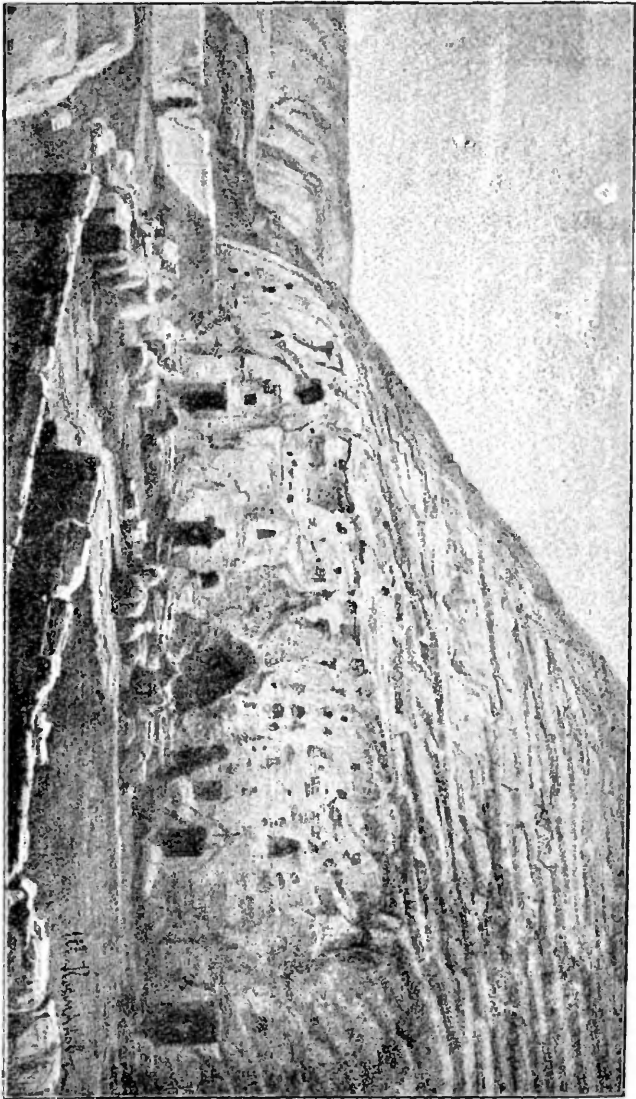
За Цзинъ-ца-пу характеръ мѣстности измѣняется. Почва постепенно поднимается и переходитъ въ плоскіе хребты. Обработанные участки болѣе и болѣе сокращаются, население рѣдѣетъ.

Теперь уже путешественники находились довольно высоко, на 500 метровъ выше Линъ-чжоу и продолжали еще подниматься. За вторымъ переваломъ они спустились въ глубокую долину, окруженную лёссовыми горами. Растительность здѣсь бѣдная; почва скудно покрыта травой, лѣса нѣтъ. Въ лёссовыхъ обрывахъ жители выкапываютъ пещеры и устраиваютъ себѣ жилища; жилища пещеры идутъ большею частью вглубь горы саженъ на 6—7, при ширинѣ въ 3—4 арш. и высотѣ отъ 3—4 саженъ.

Входомъ служитъ большое отверстіе, а надъ нимъ другое, замѣняющее окно. Стѣны пещеры затираются водою, отчего на нихъ образуется родъ глазури. Въ переднемъ концѣ пещеры устраиваются каналы, отапливаемые снаружи, а задняя часть служитъ хлѣвомъ и кладовыми. Скотъ приходится прогонять черезъ жилое помѣщеніе, но туземцы не стѣсняются этимъ. Эти пещерныя жилища очень прохладны лѣтомъ и теплы зимой. Лѣссовая почва—смѣсь глины съ известью—очень клейкая и не грозитъ обваломъ. Пржевальскій видѣлъ такое жилище съ огромнымъ камнемъ посрединѣ свода. Камень держался только въ верхней своей части, но никто

объ этомъ не беспокоился. Семья жила въ этой пе-

Пещерная гостиница.

щерь уже четырнадцать лѣтъ, и камень ни на юту не измѣнилъ положенія.

Въ такомъ-то лёссовомъ дянѣ пришлось остано-

виться путешественникамъ на ночь. Хозяинъ дяна, Ма-ченъ-линъ, красивый старикъ, тюркскаго типа, принималъ участіе въ возстаніи и былъ-бы непременно казнень, если-бы не успѣлъ убѣжать.

На пути экспедиціи встрѣчалось много разрушенныхъ городовъ; но не всѣ они были разрушены мусульманскими мятежниками; иные покончили свое существованіе такъ давно, что даже преданія о нихъ не сохранилось у современниковъ. Въ нѣкоторыхъ развалинахъ монголы еще продолжаютъ находить монеты, каменные изваянія животныхъ и т. п.

Спустившись 27 октября въ долину Желтой рѣки, путешественники опять вступили въ воздѣланную полосу, и глазъ ихъ могъ отдохнуть на зелени персиковыхъ и абрикосовыхъ деревьевъ и пирамидальныхъ тополей.

Ма-чунъ-линъ, хозяинъ дяна.

Городъ Цзинь-юань представлялъ такую картину разрушенія, какой еще не приходилось встрѣчать на пути. Большой и когда-то богатый городъ, окруженный обширными предмѣстьями, лежалъ теперь въ развалинахъ. Вся дорога отъ выхода изъ горъ на долину Желтой рѣки, вплоть до города, на протяженіи 5-ти верстъ, шла среди непрерывной кучи обломковъ и мусора.

„Все время“, говоритъ г. Потанинъ, „ѣдешь между рядами фанзъ, гдѣ еще такъ недавно кипѣла жизнь, работа, торговля; и все это теперь пусто; кровли провалились, стѣны, размытыя дождемъ, осыпались“.

По другую сторону города, на юго-западѣ, видны большія деревни, тоже разрушенныя. Высокая гора съ многочисленными кумирнями, къ которымъ вели лѣстницы, иныя ступеней въ 200, тоже покрыта развалинами. Городъ, впрочемъ, начинаетъ отстраиваться, и при извѣстномъ трудолюбіи китайцевъ, онъ, конечно, будетъ восстановленъ.

Изъ Цзинь-юаня въ Лань-чжоу дорога идетъ по лѣвому берегу Желтой рѣки. Верстахъ въ семи отъ города приходится переправляться на другую сторону. Перевозъ совершается на лодкѣ, въ которой помѣщается шесть верблюдовъ. Чтобы перевезти весь караванъ, лодка должна была сходить пять разъ туда и обратно.

Судоходства по рѣкѣ нѣтъ; только крестьяне изъ Лань-чжоу сплаваютъ иногда на плотахъ, поддерживаемыхъ бурдюками, наполненными воздухомъ.

Караванъ шелъ прибрежемъ Желтой рѣки, шириною версты въ три. У деревни Пей-пань дорога оставляетъ прибрежье, входитъ въ узкую побочную долину и начинаетъ пересѣкать гористую мѣстность, отдѣляющую Цзинь-юанскую котловину отъ Лань-чжоу. Здѣсь попадаются обнаженные красные песчаники, которые, вслѣдствіе размыванія, приняли причудливыя формы столбовъ, стѣнъ съ пилястрами, башенъ и урнъ.

Далѣе путешественники шли по долинѣ съ крутыми лёссовыми стѣнами въ 30—40 саж. вышины. Въ

иныхъ мѣстахъ эти стѣны такъ близко сходятся, что между ними можетъ пройти только одинъ верблюдъ. Въ нижней части этой долины есть деревня, жители которой живутъ въ пещерахъ, устроенныхъ одна надъ другою. Ступени, вырубленные въ скалѣ, ведутъ въ эти воздушныя жилища.

Въ полдень, 4-го ноября, путешественники снова вышли на Желтую рѣку и вскорѣ увидали городъ, живописно раскинувшійся вдоль рѣки у подножія горъ.

Когда караванъ шелъ по другой сторонѣ рѣки мимо города, раздался паровой свистокъ. Какъ приятель былъ этотъ звукъ для слуха европейца! Путешественники уже слышали, что въ Лань-чжоу французы построили суконную фабрику. „Значитъ, европейцы здѣсь не диво, и насъ не будутъ одолѣвать любопытные“, подумали россияне. Вышло, однакожъ, иначе.

Черезъ рѣку былъ переброшенъ понтонный мостъ. Верблюды заупрямились, и ихъ едва можно было заставить ступить на зыбкій помостъ. Путешественники перешли раньше и должны были ожидать, пока весь караванъ переберется на городскую сторону. Тутъ-то и доняла ихъ уличная толпа; смѣхъ и ругательства—янь-гуй-цзы,—слышались отовсюду.

Зная о существованіи въ Лань-чжоу католической миссіи, путешественники надѣялись и здѣсь встрѣтить такой-же радушный пріемъ, какъ въ Гуй-хуа-ченѣ у г. Кейля. Къ сожалѣнію, начальника миссіи, фонъ-Рета, не было дома, и путешественникамъ пришлось помѣститься въ дянѣ, гдѣ они мерзли днемъ и ночью.

„Вы себѣ представить не можете“, пишетъ Ал. Вик. своимъ друзьямъ, „какъ тяжело послѣ утомительнаго пути не найти удобнаго помѣщенія. Эта не-

возможность хоть на минуту погрѣться ужасно какъ удручаетъ и лишаетъ энергіи“.

Вскорѣ г. фонъ-Ретъ вернулся и устроилъ путешественниковъ приличнымъ образомъ.

Сезонъ путешествій оканчивался. Надо было подумать, какъ устроиться на зиму, рассчитать гуй-хуаченскихъ подводчиковъ, которыми путешественники были все время довольны, и продать лошадей, исключая трехъ, которыя были оставлены для подарка монголамъ, пришедшимъ изъ Ордоса. Сами-же монголы согласились остаться до весны, а Сантанъ-Джимба и на лѣто. Члены экспедиціи раздѣлились такимъ образомъ: г. Скасси рѣшилъ воспользоваться гостепріимствомъ фонъ-Рета и остаться зимовать въ Лань-чжоу, чтобы привести въ порядокъ свои карты. Г. Березовскій отправился на югъ, гдѣ лѣсистыя горы обѣщали ему обильную охоту; а супруги Потанины пожелали посѣтить страну саларовъ, осѣдлыхъ монголовъ, и турецкаго племени широнголовъ *), въ Санъ-чуани, на берегу Желтой рѣки, въ 200 верстахъ отъ Лань-чжоу.

Слугъ своихъ экспедиція раздѣлила такъ: Цуйсанъ остался у г. Скасси; Пуринъ и Омолонъ отправились съ Березовскимъ; Очиръ и Сантанъ-джимба — съ Потанинами. Оставивъ Лань-чжоу, Потанины, съ 15 на 16 ноября, ночевали въ деревнѣ Мань-пинъ, населенной китайцами ламаитами. Они еще впервые видѣли такихъ китайцевъ. На многихъ домахъ водружены были флаги съ написанными на нихъ молитвами. Жители объяснили, что такіе флаги водружаются надъ тѣмъ домомъ, гдѣ кто-нибудь боленъ.

Пройдя черезъ Саларскую землю и снова пере-

*) Далда у Пржевальскаго.

правившись черезъ Желтую рѣку, Потанины вступили въ мѣстность, населенную широнголами и остановились въ деревнѣ Ничжѣ.

Пребываніе въ Ничжѣ.

Подъ именемъ Сань-чуани (три долины) разумѣется расширеніе долины Желтой рѣки съ пересѣкающими ее рѣками: Сомброй, Араломъ, Ничже-голомъ и Баучжа-араломъ. Эти-то четыре рѣки и образуютъ три долины, заселенныя широнголами. Другой участокъ, занятый этимъ племенемъ, лежитъ въ горахъ, къ сѣверу отъ Сирина. Къ тому-же племени принадлежатъ и шира-егуры, обитающіе въ ущельяхъ Нань-шаня.

Широнголы говорятъ нарѣчіемъ монгольскаго языка, которое ни халха, ни ордосцы, ни буряты, сразу не понимаютъ; письменности своей не имѣютъ, монгольскаго письма не изучаютъ. Нѣкоторые учатся по-китайски; ламы изучаютъ тибетскую письменность. О своемъ происхожденіи широнголы рассказываютъ, что пришли въ Сань-чуань съ Чингизь-ханомъ въ качествѣ его войска и переженились на китайкахъ. Дѣйствительно, у нихъ много китайскихъ обычаевъ, и они всѣ говорятъ по-китайски.

Религія у нихъ буддійская, но есть между ними и мусульмане. Послѣдніе живутъ особыми деревнями и съ пренебреженіемъ относятся къ иновѣрцамъ.

По внѣшнему виду широнголы дѣлятся на два типа. Одни смуглы, съ рѣзкими чертами лица, съ черными глазами и волосами; другіе голубоглазы и бѣлокуры. Между тѣми и другими встрѣчается немало красивыхъ лицъ, особенно среди женщинъ. Почти всѣ они высоки, стройны и крѣпки. Многіе доживаютъ до глубокой старости.

Женщины, большинство которых носить китайскія имена, отличаются отъ китайянокъ и монголокъ одеждою и головнымъ уборомъ. Волосы онѣ связываютъ на маковкѣ и образуютъ пышный шиньонъ. Къ шиньону прибавляется обручикъ, а по праздникамъ бахрома изъ мелкаго жемчуга и коралловъ. Все вмѣстѣ очень напоминаетъ дѣвичьи повязки въ нашихъ среднихъ губерніяхъ. Въ иныхъ мѣстахъ носятъ высокіе кокошники изъ картона, покрытые яркой матеріей съ бахромой и блестками, и изъ такой же матеріи фату. Въ мѣстности У-янь-бу носятъ громоздкіе головные уборы, изображенные въ книгѣ Пржевальскаго у племени далда.

Встрѣчаются также низкія бархатныя шапочки, на подобіе монашескихъ камилавокъ. Вообще головной уборъ женщинъ крайне разнообразенъ и различается по мѣстностямъ.

Изъ другихъ частей костюма оригинальны юбки съ разрѣзомъ назадъ и съ передникомъ по европейскому образцу. Носятъ также халаты и кофты. Верхняя одежда кончается немного ниже колѣнъ. Изъ подъ нея видны синіе дабовые штаны.

Широнголки, подобно китайянкамъ, забинтовываютъ ноги, но каблуковъ не носятъ и потому ходятъ лучше.

Живутъ широнголы въ глиняныхъ фанзахъ, стѣны которыхъ такъ тонки, что зачастую воры, высмотрѣвъ, гдѣ стоитъ хозяйскій сундукъ, разбираютъ стѣну и воруютъ сундукъ, не входя въ домъ. Поэтому достаточные люди обносятъ свою усадьбу заборомъ и на ночь выпускаютъ злыхъ собакъ.

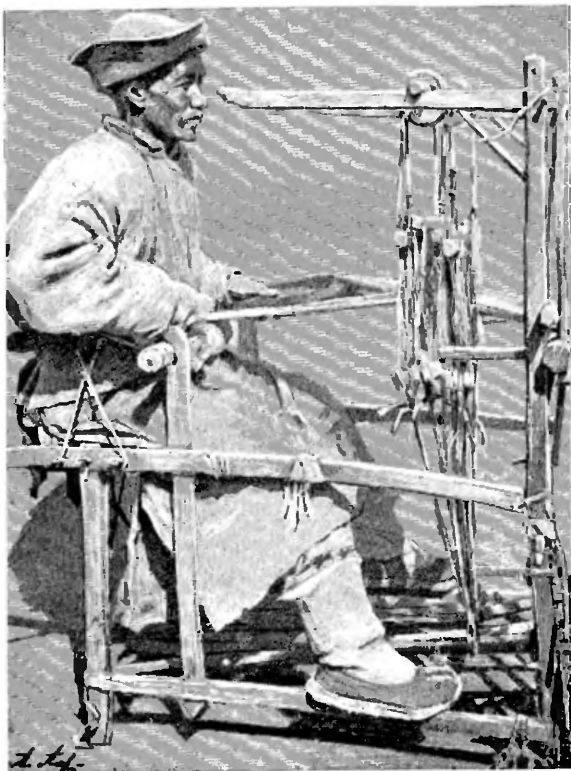
По характеру широнголы нрава веселаго и очень трудолюбивы, женщины въ особенности. Широнголка завалена работой. Она встаетъ раньше мужа, справляетъ всю домашнюю работу и идетъ въ поле помогать мужу. Она же занимается приготовленіемъ компоста и собираніемъ удобрения, гдѣ-бы оно ни встрѣтилось. Частенько можно встрѣтить широнгольскую женщину съ корзиною за спиною и лопаточкой; она собираетъ по дорогамъ удобрение и на ослѣ, а часто и на собственной спинѣ, доставляетъ его въ поле. Мужъ можетъ уйти изъ дома или уѣхать въ Гумбумъ на праздникъ съ полной увѣренностью, что жена и безъ него справитъ полевая работы. Эти работы у женщины отнимаютъ такъ много времени, что ей почти некогда заниматься, подобно кочующимъ монголамъ, изготовленіемъ тканей. Войлока валяютъ мужчины; ткачествомъ занимаются захожіе ткачи ремесленники.

Широнголь изъ Санъ-чуани.

Надзоръ за полями порученъ особымъ выборнымъ

чинамъ, „тереучи“. Весною въ опредѣленный день эти люди обходятъ деревню, стучать палками и объявляютъ, что будутъ брать штрафъ за поправу. Штрафы собираются осенью послѣ уборки хлѣба.

Широнгольскій ткачъ.

Эти же тереучи обязаны отвращать бѣдствія отъ грозы и градобитія. Какъ только начинается гроза, тереучи сбѣгаются, начинаютъ стучать палками, бить въ бубны, и все это подѣ открытымъ небомъ. Какъ-бы ни мочилъ ихъ дождь, какъ-бы ни хлесталъ градъ, они обязаны оставаться на воздухѣ. Если гроза не прекращается, то они идутъ на перекрестки, на при-

горки, и тамъ продолжаютъ то же самое. Ни одинъ тереучи, подъ страхомъ большого штрафа, не можетъ уклониться отъ этой обязанности.

Санъ-чуанъ расположена среди буддѣйскихъ святынь. Къ востоку отсюда лежитъ знаменитый Гумбумъ, родина Цзонкавы, реформатора буддизма и основателя ламаизма; Шачунъ, гдѣ Цзонкава бралъ у пустынноика первые уроки буддизма; около самой Санъ-чуани Кадигава, куда, будто-бы, нѣкогда былъ принесенъ чудотворный образъ Цзонкавы, и еще нѣсколько монастырей, освященныхъ буддѣйскими легендами.

У широнголовъ существуетъ оригинальный обычай женить мальчиковъ на взрослыхъ уже дѣвушкахъ. „У нашего сосѣда“, рассказываетъ г-жа Потанина, „былъ сынъ лѣтъ двѣнадцати. Мальчикъ часто игралъ съ дѣтьми на улицѣ, ходилъ мимо насъ въ школу и иногда приходилъ къ намъ посмотреть картинки. Сантанъ-джимба, однажды присутствуя при этомъ, сказалъ: „этотъ бѣдняга уже женатъ!“ Я, конечно, подумала, что Сантанъ-джимба шутитъ, но впоследствии оказалось, что онъ правъ. Женѣ этого школьника было 18 лѣтъ, и она нигдѣ не показывалась съ нимъ вмѣстѣ“.

„Впоследствии я встрѣчала и еще такихъ же женатыхъ мальчиковъ, и потому, посѣщая дома широнголовъ, я всегда старалась быть осторожной, не принять жену хозяина за его мать“.

Сговоры у широнголовъ совершаются рано, иногда за нѣсколько лѣтъ до свадьбы. Свадьба справляется пышно, денегъ на угощенье тратится множество. Невѣсту въ день свадьбы, рано утромъ, везутъ въ домъ жениха на мулѣ или на лошади. За нею идутъ родные и поютъ заунывные пѣсни. У

дома жениха такъ же, какъ и въ Ордосѣ, разводится костеръ. Пиръ совершается, смотря по достатку хозяина, или въ фанзѣ или на дворѣ въ палаткѣ. Въ большихъ деревняхъ есть промышленники, которые устраиваютъ большія палатки и отдаютъ ихъ на прокатъ.

„На той свадьбѣ, которую я видѣла“, рассказываетъ г-жа Потанина, „монгольскіе обычаи были, повидимому, смѣшаны съ китайскими. Когда гости всѣ собрались, среди двора поставили столикъ и на немъ деревянную табличку съ начертаніями пяти священныхъ понятій, передъ которыми долженъ благоговѣть каждый китаецъ: небо, земля, императоръ, отецъ и мать. Передъ столомъ разостлали коверъ, столъ украсили цвѣтами и передъ таблицей зажгли курительныя свѣчи. Затѣмъ изъ фанзы вывели нарядно одѣтую невѣсту. Женихъ всталъ у столика, за нимъ невѣста. Они совершили нѣсколько земныхъ поклоновъ передъ табличками, потомъ передъ отцомъ и стариками. Одинъ изъ стариковъ произнесъ благословеніе, и новобрачные ушли. Затѣмъ къ старикамъ стали подходить родные невѣсты и получать подарки, а остальные гости имъ пѣли въ это время нѣчто вродѣ величанія.

Опасеніе остаться безъ дѣтей вызвало у санчуанцевъ также, какъ и у другихъ монгольскихъ племенъ, рядъ особыхъ обычаевъ и обрядовъ. Когда родится ребенокъ, родители сами не даютъ ему имени, а отецъ украдкой беретъ дитя, выноситъ его на дорогу и перваго встрѣчнаго проситъ дать ему имя. Если-же встрѣтится собака, то отецъ суетъ ей хлѣба, ласкаетъ ее и даетъ ребенку имя „коувыръ“. Предполагается, что это имя дала собака. Ребенку надѣваютъ на шею желѣзную цѣпочку и

замыкають ее замкомъ. Это значитъ, что онъ не ребенокъ, а щенокъ. И здѣсь, какъ въ Ордосѣ, этимъ способомъ надѣются обмануть злого духа: увидитъ-де, что тутъ нѣтъ ребенка, а только щенокъ, и отойдетъ.

Послѣ рожденія ребенка, мать уходитъ съ нимъ на время къ своимъ роднымъ. Здѣсь она избавлена отъ хозяйственныхъ заботъ и скорѣе поправляется.

При похоронахъ, какъ и при свадьбѣ, широнголы стараются перещеголять другъ друга. Одинъ нѣжный сынъ, покупая при г-жѣ Потаниной шелковый халатъ для своей старой матери, въ оправданіе расточительности говорилъ: „нельзя иначе; старушка скоро умретъ, а хоронить надо въ приличномъ платьѣ“.

Покойниковъ своихъ широнголы хоронятъ, по китайскому обычаю, среди пахотныхъ полей. Надъ могилой насыпается небольшой холмъ. Такія могилы расположены среди полей группами. Богатые люди ставятъ иногда надъ могилой каменные кубики въ $\frac{1}{2}$ ф. высоты для сжиганія священной бумаги.

Бдятъ широнголы плохо, но на праздники лѣзутъ изъ кожи вонъ, чтобы настряпать побольше. Вообще, у нихъ изрядно развито хвастовство и стремленіе жить напоказъ.

Въ сравненіи съ кочевниками широнголы кажутся гораздо менѣ развитыми умственно, но зато они искусны въ мастерствахъ и не лишены изящнаго вкуса. Изъ нихъ выходятъ искусные плотники, столяры и рѣзчики. Рѣзьба здѣсь въ большемъ употребленіи. Въ монастырѣ Гумбумъ (о которомъ говорено будетъ ниже) почти всѣ изящныя работы исполняются широнголами. Они отличаются также въ религіозныхъ пляскахъ.

Женщины не менѣ искусны въ исполненіи раз-

ныхъ рукодѣлій; нѣкоторыя изъ нихъ прямо художницы. Богатство фантазіи и вкуса при составленіи узоровъ для тканья и вышиванья просто изумительны. Иная такая искусница возьметъ, напр., ножницы, и тутъ-же, разговаривая съ окружающими, вырѣзываетъ изъ бумаги гирлянду, при чемъ она все варьируетъ фигуры, какой бы длины ни была гирлянда. Этотъ бумажный узоръ накладывается на матерію и покрывается шелками; при этомъ почти всегда много вкуса въ распредѣленіи тѣней и красокъ. Такими работами занимаются преимущественно дѣвушки, которыхъ даже въ семьяхъ бѣдныхъ берегутъ и не употребляютъ на тяжелыя работы. Что же касается замужнихъ женщинъ, то онѣ, какъ уже говорено было выше, работаютъ наравнѣ съ мужчинами и даже больше ихъ.

Сантанъ-джимба, широнголь родомъ и уроженецъ Ничжи, охотно знакомилъ русскихъ путешественниковъ съ мѣстными нравами и обычаями, которые онъ находилъ, повидимому, очень утонченными.

Выборъ Ничжи для зимовки былъ сдѣланъ Потаниными главнымъ образомъ ради Сантанъ-джимбы. Все ему здѣсь было извѣстно, и онъ могъ устроить путешественниковъ наилучшимъ образомъ, что онъ и сдѣлалъ. На другой же день онъ отыскалъ имъ квартиру въ домѣ, стоявшемъ въ сторонѣ отъ деревни. Эта обособленность понравилась Потанинымъ, и они наняли помѣщеніе за плату около пяти руб. въ мѣсяць на наши деньги. Помѣщеніе состояло всего изъ одной комнаты съ землянымъ поломъ. Въ окнахъ не было ни рамъ, ни рѣшетокъ, и въ нихъ свободно влетали воробьи. Но хозяевамъ такъ хотѣлось имѣть постояльцевъ, что они обѣщали вставить рамы и сдѣлать пристройку для кухни. Тутъ же

рядомъ, въ особой фанзѣ, жили сами хозяева. Ихъ семья состояла изъ двухъ женатыхъ братьевъ и ихъ матери. У старшаго было двѣ дѣвочки, у младшаго—одна.

Живя въ домѣ безъ оконъ, путешественники безъ труда могли видѣть, что дѣлается на дворѣ. Постоянное его населеніе составляли: лошадь, безрогая корова съ теленкомъ и маленькій, съ вытертой спиной, осликъ. Всѣ эти животныя стояли вдоль лѣвой стѣны двора у яслей, сбитыхъ изъ глины. Въ углу, между фанзами, помѣщались двѣ черныя свиньи, а передъ фанзой лежала старая, рыжая собака. На верандѣ, куда выходили окна и дверь, постоянно сидѣла бабушка съ работой и играли дѣти. Иногда присаживались и матери. Не обходилось, конечно, безъ любопытныхъ, особенно въ первое время. Сантанъ-джимба взялъ въ свое вѣдѣніе хозяйство супруговъ и заботы о ихъ законномъ водвореніи въ Ничжѣ. Вскорѣ явились старшины деревни съ подносомъ, на которомъ лежали груши, грецкіе орѣхи, китайская вермишель. Они пришли поздравить пріѣзжихъ. Ихъ отдалили бумажной матеріей на курмы.

На первыхъ же дняхъ, какъ-то вечеромъ, путешественники замѣтили особое оживленіе въ деревнѣ. Хозяйки выметали соръ на улицу и сжигали его. Видно было, что это не простая чистка домовъ, а какія-то приготовления. Оказалось, что онѣ выгоняли чорта, обрядъ, который совершаютъ многіе изъ русскихъ инородцевъ. Въ то же время на всѣхъ возвышенностяхъ вспыхнули огоньки.

Поздней осенью былъ въ Ничжѣ шутовской праздникъ съ маскарадомъ. Замаскированные ходили съ цвѣтными фонарями; на платформѣ передъ кумирней разыгрывались какіе-то фарсы.

„Несмотря на незнаніе языка“, говоритъ Александра Викторовна, „несложная жизнь нашихъ хозяевъ недолго оставалась для меня тайной. Вскорѣ я разглядѣла отличительныя черты каждаго члена семьи и ихъ взаимныя отношенія. Братья имѣли лавочку на базарѣ, гдѣ торговали разными мелочами; жены ходили помогать имъ только въ базарные дни. Младшій братъ былъ юркій торговецъ. Очень часто онъ вскидывалъ на плечи сумку съ товаромъ и, постукивая въ маленькій бубень, ходилъ по деревнямъ. Бубень служить китайскимъ коробейникамъ вмѣсто выкриковъ. Заслышавши мелкую дробь бубна, всякій знаетъ, что пришелъ торговецъ съ тесемками, пуговками и т. п. Странствующій цюрюльникъ бьетъ въ мѣдный тазикъ; словомъ, каждый торговецъ и ремесленникъ заявляетъ о себѣ какимъ-нибудь условнымъ звукомъ“.

„Старшій братъ былъ увалень и лѣнтяй. Жена его, Тунджи, выглядѣла забитой и говорила шепотомъ. Скоро я узнала причину этого страннаго явленія: бѣдная Тунджи была глуха. Въ дѣтствѣ на нее напали волки, ободрали кожу съ головы и повредили слухъ“.

„Жена младшаго брата, Тушнюръ, была, напротивъ, бойкая веселая бабѣнка и искусная рукодѣльница. Чувствуя свое превосходство, она нерѣдко капризначала также, какъ и ея дочь, баловень семьи“.

„Старшая дѣвочка Тунджи, премилый ребенокъ, помогала уже матери няньчиться съ годовалой малюткой Чиджи; бабушка бинтовала ей ноги, но она сбрасывала бинты и бѣгала босикомъ“.

„Тунджи вставала до свѣта, мужъ позднѣе. Но когда вставалъ онъ и надѣвалъ шубу, которую

покрывалась вся семья, дѣти отъ холода начинали плакать. Кусочекъ хлѣба съ масломъ или медомъ всегда, впрочемъ, былъ въ состояніи ихъ утѣшить“.

„Хозяйство старшаго брата быстро шло къ упадку. Пришлось закрыть лавочку. За долги сперва увели корову съ теленкомъ и осла; потомъ пришелъ какой-то китаецъ, отобралъ свиней и снялъ съ хозяина шубу. Честный монголъ, Очиръ, возмущался поступкомъ китайца. Онъ пришелъ къ Потанинымъ и съ негодованіемъ разсказалъ, что китаецъ снимаетъ съ человѣка послѣднюю одежду. Но чужестранцы не могли помочь горю; законъ былъ на сторонѣ китайца“.

„Тунджи съ удивительной кротостью переносила несчастіе и работала вдвойнѣ. Къ предстоящей пашнѣ она подготовляла кучу компоста, которую усердно переворачивала. Порою она ходила на заработки, а мужъ сидѣлъ дома и нянчилъ ребятъ. Когда Ал. Викт. въ разговорѣ съ Сантанъ-джимбой расхваливала Тунджи, онъ самодовольно отвѣчалъ: такіе ужъ у насъ (широнголовъ) утонченные обычаи“.

Приближался праздникъ новаго года. Этотъ праздникъ у широнголовъ также, какъ и у китайцевъ, совпадаетъ съ началомъ весны и празднуется очень торжественно. Всѣ, кто можетъ, шьютъ новое платье. Тунджи нечего было шить, но зато она съ особымъ усердіемъ начала стряпать. Она какъ-будто задалась цѣлью перепечь весь запасъ муки, который оставался въ домѣ. Пшеничныхъ и гречневыхъ лепешекъ она напекла два мѣшка. Такое явленіе вскорѣ объяснилось. Обезпечивъ хлѣбомъ свою семью, Тунджи ушла къ отцу и работала у него за право взять осла и вспахать свою пашню. И дѣйствительно она вспахала ее, удобрила и засѣяла почти безъ посторонней помощи“.

Съ наступленіемъ новаго года во всѣхъ окрестныхъ монастыряхъ начались „чамы“, т.-е. религіозныя пляски и представленія. На одинъ изъ такихъ „чамовъ“ ѣздилъ Григ. Ник., на другой его жена.

„Старикъ Сантанъ-джимба“, рассказываетъ Ал. Викт., „нанялъ мнѣ и себѣ ословъ, и мы, въ обществѣ другихъ широнголовъ, нашихъ сосѣдей, отправились вверхъ по рѣчкѣ, вытекающей изъ ближайшаго ущелья. Дѣло не обошлось безъ приключеній: мой осель вздумалъ перескочить черезъ арыкъ, и я, не ожидая этого, перелетѣла черезъ его голову на землю. Осель былъ настолько благовоспитанъ, что тотчасъ же остановился и смиренно ожидалъ, пока я встану, и на него надѣнуть уздечку, которую я стащила при паденіи. Дорога шла по карнизу, часто огибая овраги, размытые дождями. Въ такихъ мѣстахъ едва оставалась тропинка такой ширины, чтобы умѣститься ослу. По правдѣ сказать, я трусила, но, видя, какъ всѣ вокругъ меня спокойно идутъ и ѣдутъ по такимъ мѣстамъ, я поневолѣ скрывала свою трусость“.

„Скоро всѣ спѣшили, и пришлось взбираться на крутизну пѣшкомъ. Взобравшись на вершину, мы увидѣли два ущелья; въ одномъ изъ нихъ раскинулась наша Ничжа. Вдали, у подножія высокой горы, находился монастырь Кадигава, куда мы и ѣхали. По пути безпрестанно встрѣчались богомольцы. Молодые люди вѣсело, съ шутками, сбѣгали съ пригорковъ за своими мулами, степенные люди ѣхали на мулахъ съ бубенчиками“.

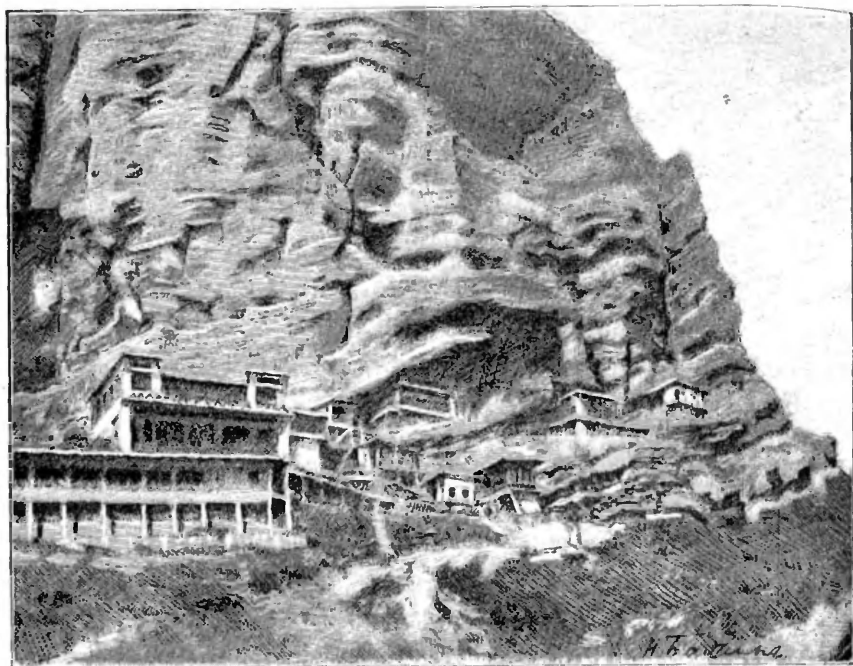
Монастырь пріютился въ старомъ разрушенномъ городѣ, у котораго довольно хорошо сохранились не только стѣны, но и башни. У воротъ и за стѣнами

толпилось множество народа; стояли мулы, ослы, лошади. Подъ деревьями расположились торговцы; на цыновкахъ лежали навалённые груды жужубовъ, финиковъ, грушъ; въ огромныхъ котлахъ варилось мясо. Здѣсь толпился разноплеменный народъ: тангуты въ нагольныхъ шубахъ и остроконечныхъ колпакахъ; за ними вереницей, часто придерживаясь одна за другую, толкались тангутки, сверкая на солнцѣ своими мѣдными украшеніями на головѣ и у пояса; встрѣчались широнголы-мусульмане, которые, гордясь своимъ правовѣріемъ, держали себя съ большимъ достоинствомъ. Женщина-иноземка тотчасъ же привлекла вниманіе толпы. Чтобы избѣжать назойливаго любопытства, Ал. Вик. отправилась съ Сантанъ-джимбой къ его племянницѣ, которая жила въ полуверстѣ отъ монастыря. Здѣсь она отдохнула, позавтракала и вернулась въ монастырь какъ разъ къ началу духовнаго представленія. Сантанъ-джимба провелъ ее на городскую стѣну, и они усѣлись какъ на скамьѣ амфитеатра.

Изъ кумирни уже выходили знаменосцы съ черными знаменами; за ними шли музыканты-ламы въ мантияхъ и шапкахъ желтаго цвѣта.

Процессія, обогнувъ нѣсколько домовъ, остановилась на приготовленной для нея аренѣ, противъ воротъ. Знаменосцы окружили столъ, на которомъ лежала мертвая голова (соръ) поверхъ пирамидально сложенныхъ палочекъ. Музыканты сѣли на землю, напротивъ „ширетуя“, настоятеля, для котораго было устроено возвышенное сидѣнье; по обѣ стороны, сообразно съ своими духовными чинами, сѣли прочіе ламы, и ряды ихъ, уже значительно перемѣшанные съ мирянами, закончили мальчишки-ламы.

Начался чамъ. Появились замаскированные: звѣриныя и птичьи головы. Тутъ были и быкъ, и барсъ, и слонъ. Одѣты были замаскированные въ разноцвѣтные халаты; цѣлый дождь лентъ спускался отъ головы до пятокъ. При звукахъ трубъ, бубновъ,

Подворье Каданъ-сюмэ.

мѣдныхъ тарелокъ, эти люди начали свою пляску. Сначала движенія были мѣрны и красивы, потомъ начались неистовые прыжки и круженье. Пришли люди въ маскаxъ съ человѣческими лицами и начали комическое представленіе; потомъ появились мальчики въ маскаxъ въ видѣ мертвыхъ головъ. Маленькіе плясуны такъ увлеклись, что руководившій ими лама положилъ передъ ширетуемъ палку, чтобы дѣти не переходили условленной грани. Въ

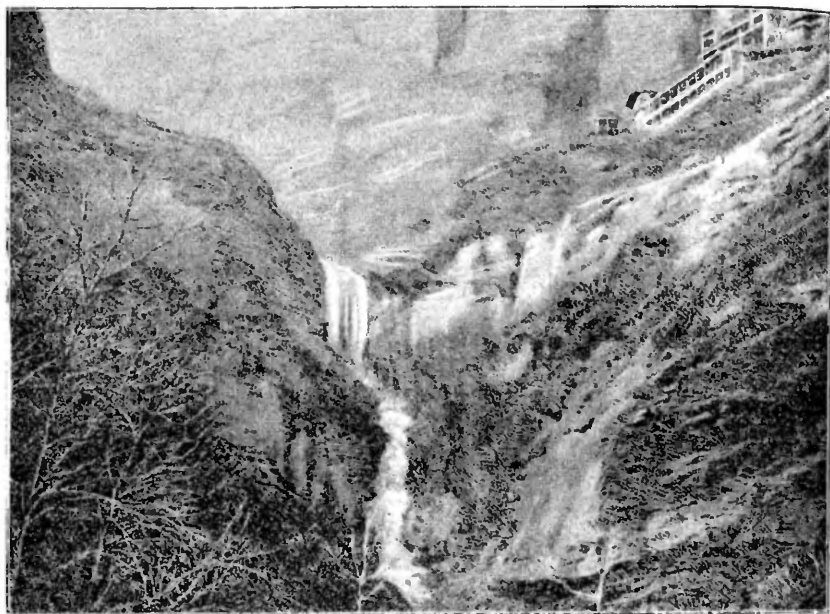
настроеніи публики незамѣтно было торжественности, которой, кажется, должно было бы сопровождаться религіозное представленіе. Захочется, напр., ламѣ понюхать табачку у знакомаго земляка—онъ безъ церемоніи перебѣгаетъ арену. Однажды у актера посыпались изъ-за пазухи лакомства, полученные отъ благодарнаго зрителя; маленькія мертвыя головки прометью бросились ихъ подбирать.

По окончаніи представленія началось поклоненіе ширетую со стороны постороннихъ. Особенно усердствовали старухи, разстилаясь передъ нимъ въ пыли, чтобъ получить возложеніе рукъ или только право приложиться къ его одеждѣ. Наконецъ, все было кончено. Музыканты встали съ своихъ мѣстъ, знамена заколыхались, „сорь“ сняли со стола и понесли за ворота, гдѣ его предали сожженію. Простой народъ, а въ особенности женщины, кидались подъ ноги ламамъ, чтобы они перешагнули черезъ нихъ. Это считается задаткомъ особаго благополучія.

Недалеко отъ Ничжи, въ долинѣ рѣки Боу-чжараль, находится храмъ, или вѣрнѣе подворье, Каданъ-сюмэ, принадлежащее монастырю Қадигава. На уступахъ горы, сбѣгающихъ въ глубокое лѣсистое ущелье, лѣплятся, какъ ласточкины гнѣзда, храмовыя постройки. У подножія главнаго храма (хураль), съ высоты десяти сажень, низвергается водопадъ. Веранда хурала виситъ надъ пропастью, и бросаемаыя съ нея косточки жужуба летятъ прямо въ водопадъ. Пониже храма, на уступѣ скалы, построено зданіе съ галлереей. Въ немъ рядъ комнатъ для гостей и кухня, гдѣ готовятъ чай для богомольцевъ. По старому обычаю, ламы угощаютъ посѣтителей, пріѣхавшихъ на чамъ, хлѣбомъ и чаемъ

на счетъ монастыря Кадигава. Хураль, стоящій на уступѣ повыше, кажется издали верхнимъ этажемъ зданія для гостей. Съ веранды отличный видъ на ущелье, на долину Бау-чжа-арала и на долину Ничжи-гола.

Внутри хураль раздѣленъ поперекъ ярко размалеванной перегородкой. Изъ отверстій въ видѣ оконъ,

Водопадъ у храма Каданъ-сюмэ.

продѣланныхъ въ перегородкѣ, видно заднее помѣщеніе, гдѣ находится самая святыня. Это высѣченное въ скалѣ подобіе челоуѣка въ лежачемъ положеніи — богъ Шанба—лончжа. Ламы увѣряютъ, что изваніе это нерукотворное: оно само собою выступило изъ скалы. Въ этой же нишѣ помѣщены фигуры другихъ боговъ различной величины.

Восточная окраина Тибета.

1885.

Тибетъ расположенъ на высокомъ плоскогорьѣ, между высочайшими горами стараго свѣта, Гималайскими съ юга и горными хребтами, отдѣляющими его на сѣверѣ отъ Туркестана и Монголіи. Съ западной стороны его также ограждаютъ горы, соединяющія эти два хребта. Такое положеніе среди высокихъ горъ сдѣлало Тибетъ мало доступнымъ для сосѣднихъ народовъ. Нѣсколько болѣе доступны его восточныя области, гдѣ страна понижается уступами и переходитъ въ китайскую низменность.

Весь Тибетъ изрѣзанъ горами съ снѣжными вершинами, откуда берутъ начало безчисленныя рѣки. Вслѣдствіе высокаго положенія Тибета, климатъ въ немъ очень суровъ, но, благодаря обильному орошенію, страна богата пастбищами. Тибетъ—это рай звѣрей *). Въ этихъ мѣстахъ, почти недоступныхъ для человѣка, водятся во множествѣ антилопы, козы, хуланы и великолѣпные яки, которыхъ люди ухитряются приручать и обращать въ домашнихъ животныхъ. Вообще страна эта имѣетъ много особенностей, весьма интересныхъ для изслѣдователя.

Тибетъ можетъ быть раздѣленъ на три, съ рѣзко опредѣленнымъ характеромъ, части: 1) южную, къ которой относятся высокія долины Инда и Брампутры, 2) сѣверную, представляющую столовидное

*) Подробности о звѣряхъ—въ путешествіи Пржевальскаго.

плато съ рядами тянущихся вдоль него хребтовъ; 3) восточную— альпійскую страну. Въ сѣверныхъ и восточныхъ горахъ Тибета получаютъ начало величайшія рѣки Китая: Желтая, Голубая и Камбоджа.

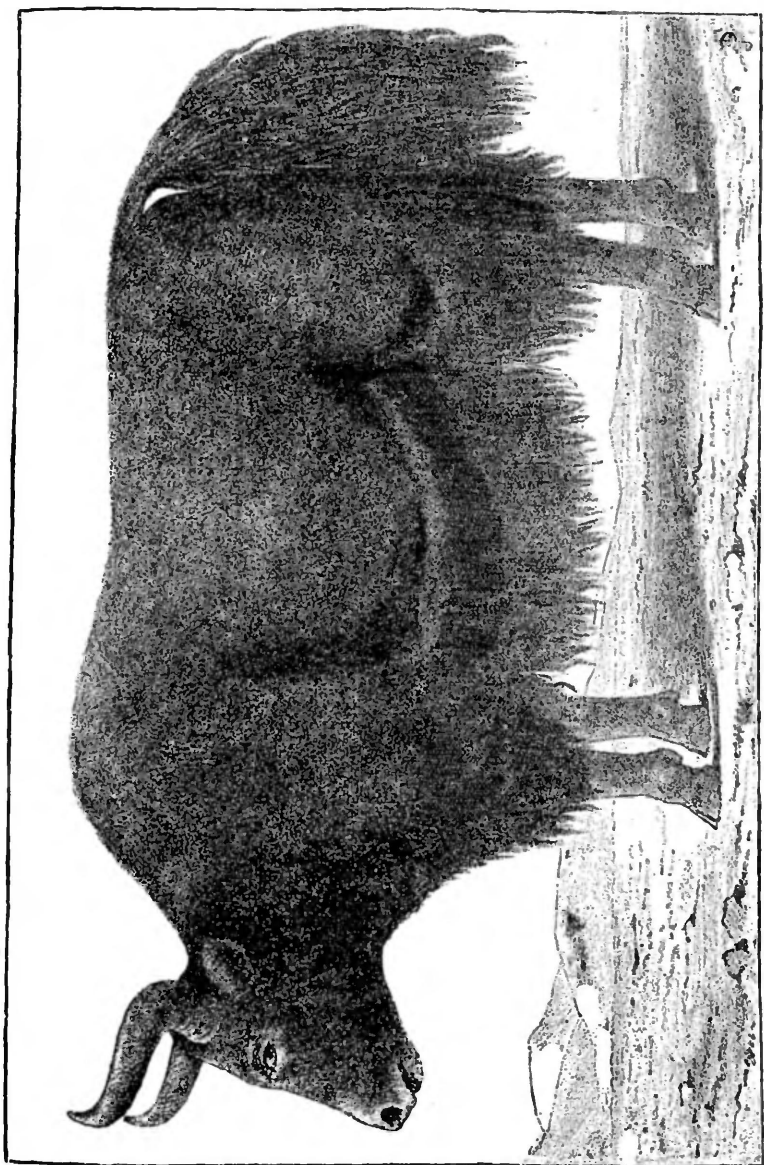
Тибетцы подчинены китайскому правительству и, кромѣ того, они признають власть духовнаго владыки, далай-ламы, который живетъ въ Лассѣ (или Хлассѣ) на горѣ Потала *). Всякій буддистъ стремится въ Лассу, какъ мусульманинъ въ Мекку. Однимъ европейцамъ не дается Ласса. Пржевальскій два раза стоялъ у предверія ея и не могъ проникнуть туда. Слишкомъ ревниво буддисты оберегаютъ свою святыню.

Постояннаго войска у тибетцевъ нѣтъ, но, въ случаѣ надобности, весь народъ несетъ военную повинность, даже женщины. На полѣ битвы за каждымъ мужчиной стоитъ жена или сестра, которая заряжаетъ ружья и держитъ ихъ наготовѣ.

Тибетское нагорье населяють одноплеменные тибетцамъ тангуты. По наружному виду тангуты рѣзко отличаются отъ китайцевъ и монголовъ. Они высоки, широкоплечи, волосы, бороды и усы черные; глаза тоже черные и не косо прорѣзанные, лица продолговатыя, смуглыя, скулы мало выдающіяся. Иные тангуты брѣютъ голову, а у иныхъ волосы до плечъ.

Одежда мужчинъ и женщинъ почти одинакова: халатъ до колѣнъ изъ синей китайской дабы, сукна или овчины; во всякое время года правый рукавъ спущенъ, такъ что рука и часть груди голая, бѣлья не полагается. Мужчины носятъ войлочную шляпу, женщины спускають на спину широкое полотенце, отдѣланное раковинами, и носятъ бусы.

*) Ла — по-тибетски гора.

Якъ.

Живутъ тангуты въ черныхъ палаткахъ, покрытыхъ чернымъ сукномъ изъ шерсти яковъ. Въ мѣстахъ, богатыхъ лѣсомъ, строятся бревенчатыя избы самаго первобытнаго устройства. Въ одномъ помещеніи съ хозяевами стоитъ обыкновенно и скоть. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ возможно хлѣбопашество, тангуты живутъ въ фанзахъ на китайскій образецъ. Въ городахъ и монастыряхъ бывають дома въ два и три этажа; кумирни еще выше. Особенность тибетской архитектуры состоитъ въ томъ, что ихъ постройка внизу шире, а верху уже. Въ обычаѣ также надстраивать башенки, балкончики и галлерей.

Тангуты очень воинственны; есть между ними племена, которыя исключительно живутъ разбоемъ.

Четыре мѣсяца, проведенные Потаниными въ Ничжѣ, оставили по себѣ очень пріятныя воспоминанія. Населеніе относилось къ нимъ дружелюбно; всякій старался угодить, чѣмъ могъ. Въ началѣ апрѣля пріѣхалъ г. Скасси, и путешественники начали дѣятельно готовиться къ походу. Пришлось проститься съ слугами изъ Ордоса; всѣ трое получили въ подарокъ по лошади. Съ одной стороны они вполне заслужили эту награду, а съ другой путешественникамъ былъ прямой расчетъ оставить по себѣ хорошее воспоминаніе, чтобы впослѣдствіи эти люди охотно нанимались и къ другимъ путешественникамъ, которымъ доведется посѣтить эти края.

Изъ прежнихъ слугъ при экспедиціи остался только Сантанъ-джимба, котораго можно было считать скорѣе товарищемъ, чѣмъ слугою. Нанято было десять служителей: восемь широнголовъ, одинъ тангутъ и одинъ китаецъ, привезенный г. Скасси изъ Лань-чжоу. Изъ числа этихъ людей особенно выда-

вались двое: лама Сэрэнъ и тангутъ Самбарча. Съ первымъ г. Потанинъ познакомился на одномъ монастырскомъ чамѣ. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, очень благовоспитанный и набожный. Въ этомъ Сэрэнѣ путешественники имѣли прекраснаго спутника и помощника; оңъ проводилъ ихъ до Кяхты.

Самбарчу г. Потанинъ нашелъ слѣдующимъ образомъ. Однажды онъ отправился съ Сантанъ-джимбой по тангутскимъ деревнямъ въ долину Ительгола, чтобы познакомиться съ бытомъ тангутовъ. Запоздавъ, путники стали искать пріюта на ночь. Тангуты съ предубѣжденіемъ относятся къ незнакомцамъ, и путникамъ пришлось бы ночевать за околицей, если-бъ не нашелся добрый человѣкъ, который пустилъ ихъ къ себѣ; это и былъ Самбарча. Но впустилъ онъ не сразу. Сначала онъ попросилъ ихъ подождать, вошелъ въ домъ одинъ и потомъ уже, вернувшись, ввелъ ихъ. Надо думать, что онъ совершалъ какіе-нибудь обряды, предохраняющіе отъ вреднаго вліянія незнакомаго гостя.

„Такимъ образомъ“, говоритъ г. Потанинъ, „я совершенно случайно наткнулся на человѣка, который оказалъ мнѣ потомъ большія услуги. Самбарча былъ большой любитель природы и этимъ напоминалъ тургеневскаго Калиныча. Ходить по горамъ и лѣсамъ было для него большимъ удовольствіемъ и когда ему объявили, что мы завтра идемъ въ лѣсъ, онъ въ ту же минуту вызвался сопутствовать намъ, хотя ему пришлось ради этого отложить какую-то нужную полевую работу. Онъ хорошо зналъ растенія своей родины и подъ полузамерзшей землей быстро находилъ корешки, словно онъ чуялъ, гдѣ они прозябали“.

При снабженіи экспедиціи вьючными животными встрѣтилось затрудненіе. Муловъ не нашлось въ Санчуани; пришлось удовольствоваться лошаками. Лошаки значительно меньше муловъ и слабѣе силами, но они отличаются такими же прекрасными качествами, какъ и мулы. Они также понятливы, также поддаются выучкѣ и также приучены къ человѣку. На стоянкахъ, когда они пасутся на подножномъ корму, нѣтъ надобности ихъ тревожить, они не отходятъ далеко. А когда нужно вьючиться, стоитъ только крикнуть, и они приходятъ. Съ этими милыми животными человѣкъ охотно дѣлится своею пищею. Сидя на лошацѣ, стоитъ только сунуть руку въ карманъ, ужъ животное поворачиваетъ голову и смотритъ, не перепадетъ-ли что-нибудь на его долю. Въ деревняхъ лошацѣ безъ церемоніи вбѣгаетъ въ комнату, чтобъ попросить хлѣба.

Выступленіе изъ Ничжи назначено было на 15-е апрѣля. Лошаки были уже навьючены, и экспедиція готова тронуться въ путь, а Самбарча не появлялся. Кругомъ стали поговаривать, что онъ совсѣмъ не придетъ, потому что тангуты не любятъ покидать своихъ домовъ. Непріятно было бы разочароваться въ человѣкѣ, которому оказывали столько довѣрія, что дали даже мула для развѣздовъ, между Ничжей и его деревней. Но въ ту минуту, когда уже рѣшено было не ждать его и двинуться въ путь, въ концѣ улицы показалась фигура на мулѣ, и это былъ Самбарча. Онъ увлекся дорогою собираніемъ растений и, дѣйствительно, привезъ ихъ цѣлую корзину.

Въ планъ экспедиціи не входило посѣщеніе Синина, но лама Сэрэнъ уговорилъ путешественни-

ковъ побывать въ этомъ городѣ и заручиться рекомендательными письмами у Сининскаго амбана (губернатора). Этотъ совѣтъ оказался весьма практичнымъ; благодаря письмамъ амбана, путешественникамъ вездѣ оказывали хорошій пріемъ.

Прибытіе янъ-гуй-цзы, заморскихъ чертей, было извѣстно въ Сининѣ заранѣе, и потому путешественниковъ съ первыхъ же шаговъ окружила толпа любопытныхъ. Ихъ помѣстили на другомъ концѣ города въ экзаменномъ домѣ. Домъ этотъ разгороженъ былъ на нѣсколько клѣтушекъ, куда запирали экзаменующихся, и, кромѣ того, въ немъ имѣлись три большія комнаты для экзаменаторовъ. Ихъ-то и предоставили путешественникамъ.

На посланная амбаню визитныя карточки онъ отвѣтилъ приглашеніемъ. По европейскимъ обычаямъ, слѣдовало бы тотчасъ же и ѣхать, но здѣсь были свои обычаи. Надо было подождать, пока соберутся чиновники. Путешественникамъ сказали, что, когда все будетъ готово, ихъ извѣстятъ.

Около полудня слышались пушечные выстрѣлы; это означало, что выѣзжали мандарины. Вскорѣ появились посланные съ извѣстіемъ, что амбанъ ожидаетъ путешественниковъ. Улица, по обыкновенію, была запружена народомъ. Пріемъ назначенъ былъ въ одной изъ кумиренъ, у воротъ которой стояли повозки и паланкины, доставившіе мандариновъ. При самомъ входѣ толпились особеннымъ образомъ одѣтые люди съ сѣкирами въ рукахъ. Это были тѣлохранители амбана.

На боковой верандѣ, вдоль стѣнъ, сидѣли мандарины. Въ центрѣ, на возвышеніи, сидѣлъ амбанъ и слѣдующій за нимъ по чину китайскій чиновникъ.

Всѣ мандарины одѣты были въ черные шелковые халаты съ ожерельями изъ крупныхъ бусъ. Занимавшій тогда постъ амбаня, генераль Линь, былъ почтенный старикъ лѣтъ семидесяти, нѣсколько сторбленный, фигурой напоминавшій стараго итальянца, какіе встрѣчаются на старинныхъ портретахъ.

Приемъ происходилъ съ обычными китайскими церемоніями. Амбань не совѣтовалъ итти на Гуй-Дуй, такъ какъ этотъ путь не безопасенъ отъ разбойниковъ; но Гр. Ник. съ твердостью заявилъ, что онъ не отступитъ отъ своего маршрута ни на шагъ; онъ не просилъ конвоя; просилъ только дать письма къ попутнымъ властямъ.

По окончаніи приема, г. Скасси попросилъ и получилъ разрѣшеніе снять съ амбаня фотографію. Во время работы назойливость толпы, несмотря на присутствіе начальника края, не знала предѣловъ. Въ то время, какъ амбань позировалъ передъ камерой, какой-нибудь китаецъ высовывался изъ толпы и заглядывалъ въ объективъ. Полицейскіе съ трудомъ удерживали толпу, хлестали ее бичемъ; начальникъ, хотя и молчалъ, но морщился.

Экспедиція пробыла въ Сининѣ дней десять; г. Скасси переснималъ всѣхъ мандариновъ и даже одну мандариншу. При замкнутой жизни китайской женщины это не такъ-то легко было сдѣлать. Но мандариншѣ очень хотѣлось имѣть свою фотографію, и, чтобъ успѣшнѣе достичь цѣли, она придумала познакомиться съ г-жей Потаниной. Сначала она прислала къ ней свою дочку, дѣвочку лѣтъ семи. Собственный экипажъ, конвой изъ полицейскихъ и очень приличная няня показывали, что дѣвочка принадлежала къ высшему классу общества. Дѣвочка,

несмотря на свои годы, держалась очень сдержанно и не выказывала любопытства. Чистенькая, нарядная, съ подрѣзанной челкой на лбу, она очень напоминала европейскихъ дѣвочекъ. Няня передала

Сининскій амбанъ Линъ.

г-жѣ Потаниной приглашеніе отъ ея барыни, и на слѣдующій день А. В. въ посланномъ за нею экипажѣ поѣхала въ ямынь.

Передъ главнымъ домомъ, въ которомъ жилъ генералъ съ семействомъ, была обычная веранда, откуда дверь вела въ пріемную. Пріемная въ бога-

тыхъ китайскихъ домахъ устраивается почти вездѣ одинаково. У стѣны противъ двери стоятъ обыкновенно статуи боговъ или виситъ картина, изображающая семейную группу: старца-дѣда, его сына, цвѣтущаго мужчину, и двоихъ дѣтей. Это не портреты, а просто символическое изображеніе долголѣтія, или чего-то въ этомъ родѣ. Изъ передней, по обѣ стороны, вели двери во внутренніе покои.

„Въ дверяхъ пріемной“, говоритъ Ал. Викт., „меня встрѣтила „тай-тай“, титулъ равносильный французскому „madame“. Это была женщина лѣтъ тридцати, не красавица, но пріятной наружности. Къ сожалѣнію, она была такъ намазана, что походила скорѣй на маску, чѣмъ на живое лицо. Подали чай, печенья и фрукты. Фрукты были очищены и нарѣзаны ломтиками. Хозяйка брала лакомства палочками и накладывала на мое блюдо. Разговоръ черезъ переводчика шелъ вяло“.

„Дѣвочка сидѣла въ той же комнатѣ у окна и вышивала башмаки своей куклѣ. Куклы у нея оказались болѣе, чѣмъ незатѣйливыя. Онѣ были сшиты изъ тряпокъ. По моей просьбѣ, дѣвочка показала мнѣ и другія игрушки, которыхъ было очень немного, и всѣ онѣ были такія, которыми можно было играть сидя: у бѣдняжки ноги были уже зашнурованы“.

Посѣтивъ еще одну даму изъ живущихъ въ ямынѣ, Ал. Викт. поразилась работою ея дочери. Эта дѣвушка вышивала бѣлымъ шелкомъ по пунцовому ситцу, точь-въ-точь, какъ мы вышиваемъ наши полотенца. И узоръ былъ похожъ; такіе же фантастическіе звѣри и птицы. „Сначала я думала что манера шитья пришла сюда отъ русскихъ изъ Илійскаго края“, говоритъ Ал. Викт., „но оказалось,

что я ошиблась. Впоследствии я убѣдилась, что этотъ, якобы русскій, шовъ очень распространенъ среди населенія самыхъ глухихъ городовъ и деревень Сычуани“.

„Обѣдъ былъ сервированъ по-китайски: въ маленькихъ чашечкахъ и въ большихъ, на подобіе нашихъ полоскательныхъ чашекъ. Кушанья мнѣ нравились, но, когда послѣ обѣда мнѣ предложили выпить просяного навара безъ соли, я не возрадовалась. Я предпочла бы десертъ и фрукты“.

„Послѣ обѣда явилась прислуга, грязная, оборванная, усѣвшись на мѣста, только что оставленныя нами, принялась доканчивать хозяйскій обѣдъ, громко между собою разговаривая“.

На слѣдующій день Ал. Викт. явилась въ ямынь съ фотографическимъ аппаратомъ. Тай-тай надѣла парадный туалетъ: кофту изъ чернаго атласа съ вышитымъ на груди дракономъ. Драконъ и бусы на шеѣ свидѣтельствовали о высокомъ рангѣ ея мужа. Хотѣли снять и дѣвочку, но этого не удалось сдѣлать: дѣвочка заупрямилась.

Во все время пребыванія экспедиціи въ Сининѣ амбань былъ очень любезенъ. Онъ, дѣйствительно написалъ письма въ Гуй-Дуи и монастырь Лабранъ такого содержанія, что экспедиціи былъ оказанъ самый лучшій приемъ.

Амдоеское нагорье. Монастырь Лабранъ.

Долины Желтой рѣки и Сининъ-гола между городами Сининомъ и Гуй-дуюемъ раздѣлены высокимъ хребтомъ, который доходитъ до береговъ Хуху-нора. Дорога въ Гуй-дуй идетъ по долинѣ,

нижняя половина которой сплошь воздѣлана, верхняя же скалиста и необитаема.

Гуй-дуй славится своимъ теплымъ климатомъ; и дѣйствительно, за исключеніемъ грецкаго орѣха, въ здѣшнихъ садахъ встрѣчаются абрикосы, персики, груши, цзаоръ и множество разныхъ цвѣтовъ.

Благодаря письмамъ амбана, Гуй-дуйскій мандаринъ старался всячески угодить путешественникамъ. Для услугъ онъ прислалъ своихъ „я-и“, т. е. полицейскихъ чиновниковъ, которые быстро исполняли всѣ порученія, и все, что путешественники просили добыть, было доставляемо по первому слову. Убѣдившись, что экспедиція не измѣнитъ своего маршрута, мандаринъ далъ конвой изъ двадцати тангутовъ и такого же числа китайскихъ солдатъ. Но солдаты бросились на колѣни и стали умолять, чтобъ не вели ихъ на вѣрную смерть. Такіе трусы были, конечно, бесполезны, и г. Потанинъ отпустилъ ихъ. Зато тангуты оказались хорошими охранителями. Сильно вооруженные, они ѣхали подъ предводительствомъ старшаго, соблюдая полнѣйшую дисциплину. Подъ такою охраною путешественники могли спать совершенно спокойно.

8-го мая экспедиція вышла изъ Гуй-дуя и безъ особыхъ приключеній добралась 11-го числа до р. Нурынъ-джимба. Тутъ экспедиція вступила въ мѣстность, которую проводники тангуты считали опасною. Гуйдуйскіе тангуты недавно поймали вора изъ этой мѣстности и убили его. Легко могло стать, что родственники убитаго, узнавъ объ ихъ прибытіи, задумаютъ отмстить за убитаго. Ночной карауль былъ усиленъ; предводитель конвоя не спалъ всю ночь, а караульные, ходившіе вразсыпную, оглашали воздухъ

какими-то особыми гортанными криками, которыхъ воспроизвести нѣтъ возможности. Эти крики играютъ въ жизни тангутовъ большую роль; не то они означаютъ угрозу, не то привѣтствіе. Если тангутъ, ѣдущій по долинь, увидитъ на горѣ тангута, или тангутку, онъ непременно крикнетъ такимъ образомъ, и съ горъ тотчасъ же послѣдуетъ отвѣтъ. Иногда двѣ компаніи перекликаются безостановочно, пока не потеряютъ другъ друга изъ вида.

Вечеромъ путешественники были испуганы гуломъ, похожимъ на пушечный выстрѣлъ. Оказалось, что саженьяхъ въ ста отъ стоянки обрушилась скала и осыпаніе ея продолжалось всю ночь и даже на другое утро. Оно происходило съ перерывами, и когда отколовшаяся часть падала, къ небу взлеталъ столбъ пыли сажень въ 20 вышины; камни перелетали черезъ рѣку и ложились на другомъ боку долины.

Далѣе дорога пошла по дну долины между отвѣсными стѣнами. По мѣстамъ, сильно размытыя отложенія песчанника и лёсса образовали причудливыя фигуры башенъ, зубчатыхъ стѣнъ, столбовъ и шпигель. Нѣкоторыя фигуры достигали десяти-саженной высоты. Дорога то и дѣло переходила съ одного берега рѣки на другой. Окаймляющія ее известковыя скалы, наконецъ, до такой степени сжали ее, что пришлось развьючить животныхъ и выюки перенести на рукахъ.

12-го мая экспедиція пришла въ городъ Боу-нань, гдѣ приготовлялась ей торжественная встрѣча. Но, по обычной медлительности китайцевъ, мандарины запоздали, и вся помпа досталась на долю г. Скасси, нѣскольکو отставшаго отъ каравана.

Дальнѣйшій путь шелъ по долинѣ рѣки Лончжалунва, населенной тангутами. Тангуты слывутъ народомъ угрюмымъ и негостепріимнымъ, но это мнѣніе совершенно ошибочно. Они только недовѣрчивы къ незнакомцамъ. Киргизъ и монголь примутъ путника въ свое жилище и раздѣлятъ съ нимъ трапезу, хотя бы это былъ у нихъ послѣдній кусокъ. Тангуты же живутъ замкнуто; злые псы оберегаютъ входъ въ ихъ жилища. Даже односельчанинъ едва достучится и доберется до хозяевъ. Но въ отсутствіи гостепріимства ихъ упрекать было бы грѣшно.

Они угощаютъ путниковъ охотно и обильно, только не у себя дома, а выставляютъ угощеніе на дорогѣ. Такого угощенія удостоились и наши путешественники въ попутной деревнѣ Ирашима. Одинъ богатый тангутъ выставилъ у дороги столъ, постлалъ кошмы и попросилъ чужеземцевъ напиться чаю.

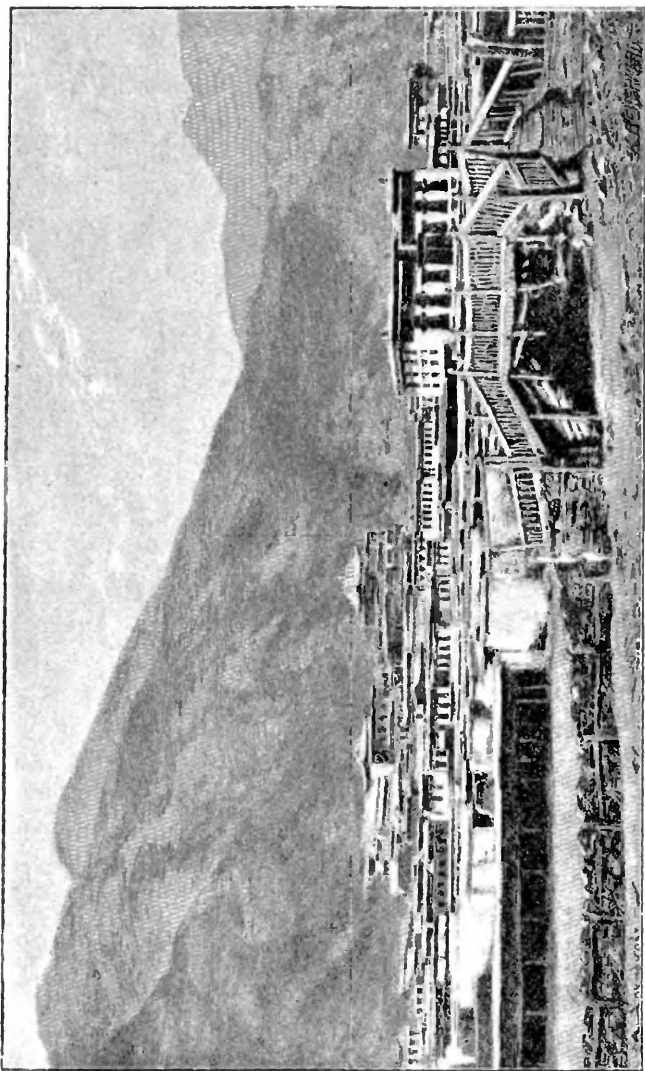
18 Мая экспедиція прибыла въ одинъ изъ знаменитѣйшихъ буддійскихъ монастырей Лабранъ, расположенный на берегу рѣки у подошвы очень высокой горы.

„Когда, поднимаясь по долинѣ“, говоритъ г. Потанинъ, „оставишь позади себя крестьянскія селенія и увидишь среди дикой невоздѣланной природы буддійскую обитель, душа проникается какимъ-то особымъ торжественнымъ чувствомъ, и невольно вспоминаются стихи нашихъ каликъ переходящихъ:

„Любимая моя мати, прекрасная пустыня! Ты приими меня, пустыня, яко мати свое чадо, научи меня, пустыня, волю Божію творити; приведи меня, пустыня, въ небесное царство“.

Лабранъ лежитъ такъ высоко надъ уровнемъ

моря, что земледѣліе въ немъ невозможно. Ни одинъ хлѣбъ не въ состояніи вырѣть. Но окрестности

Монастырь Лабранъ.

его не совсѣмъ бесплодны; скаты горъ покрыты караганой, а верхи хвойнымъ лѣсомъ.

„Видъ Лабрана“, рассказываетъ г. Потанинъ, „не

напомнилъ намъ ни одного изъ прежде видѣнныхъ буддійскихъ монастырей. Издали въ немъ не было ничего азіатскаго; скорѣе онъ походилъ на небольшой южно-европейскій городокъ. Надъ крышами одноэтажныхъ келій, выкрашенныхъ въ бѣлую краску, поднимаются многоэтажныя кумирни. Особенную красоту монастырю придаютъ золотыя маковки его храмовъ, горящія на солнцѣ, золоченыя вазы для приѣма молитвъ и лани съ колесомъ на фронтонѣ. Надъ всѣмъ этимъ господствуетъ золотая крыша дворца гэгена, построеннаго у самой горы на приподнятой площадкѣ. Пріятное впечатлѣніе отъ наружнаго вида монастыря не исчезаетъ и при вѣздѣ въ него. Монастырь и внутри содержится опрятно“.

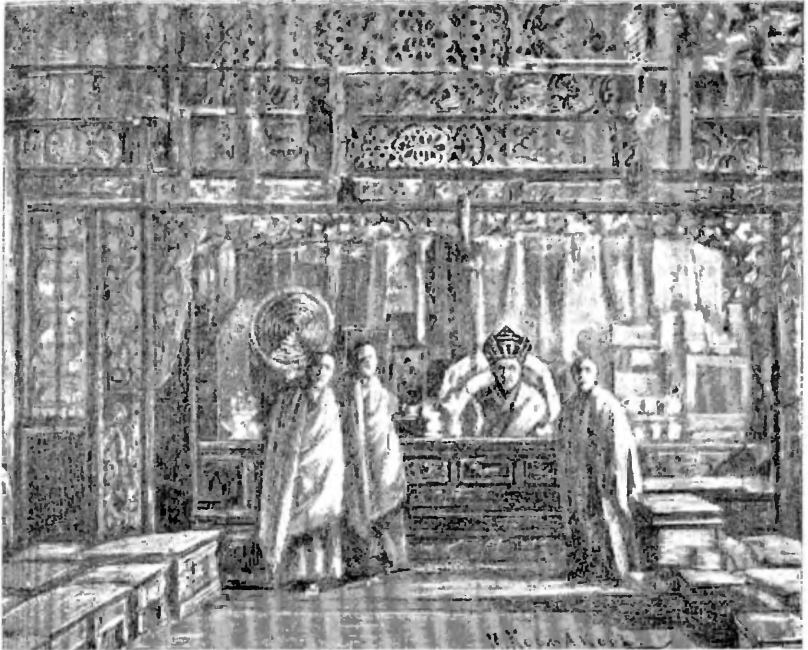
Экспедиціи было отведено помѣщеніе въ заднемъ концѣ монастыря, за оградой. Едва успѣли путешественники войти въ комнату, какъ за ними внесли два ведра съ кислымъ молокомъ. „Это дары природы Лабрана“, пояснили монахи.

Письмо сининскаго амбана и здѣсь возымѣло свое дѣйствіе. Гэгень принялъ путешественниковъ по-царски. Онъ не только назначилъ имъ аудіенцію, но объявилъ, что во все время пребыванія экспедиціи въ монастырѣ онъ принимаетъ содержаніе ея на свой счетъ.

На слѣдующій день Потанинъ и Скасси отправились къ гэгену. Съ ними пошли ихъ слуги, горѣвшіе желаніемъ поклониться святынямъ и получить благословеніе отъ святителя.

Пройдя нѣсколько дворовъ, путешественники увидѣли передъ собою обширный флигель, весь занятый приемною залою. Во всю длину флигеля шли широкія ступени. Длинная передняя стѣна вся за-

нята дверями и окнами. Двери украшены изящною рѣзбою, въ окнахъ натянутъ крепь съ вышитыми цвѣтами и птицами. Противоположная стѣна глухая, съ нишами, въ которыхъ поставлены идолы. Съ потолка висятъ ряды самыхъ разнообразныхъ китайскихъ фонарей.

Тронная зала гэгена.

Гэгень уже ожидалъ путешественниковъ. Въ желтой мантии и съ діадемой на головѣ онъ сидѣлъ въ одномъ концѣ залы на возвышеніи изъ груды желтыхъ атласныхъ подушекъ. Позади подушекъ поставлена была спинка съ вышитыми шелкомъ фигурами. Стѣна за гэгеномъ была убрана хоругвями, колесами вѣры и разной утварью церковной и не

церковной. Въ числѣ послѣдней красовался русскій фаянсовый молочникъ.

„Всѣ мы“, рассказываетъ г. Потанинъ, „т.-е. я, А. И. Скасси, лама Сэрень, Сантанъ-джимба и остальные слуги запаслись хадаками, т.-е. лоскутками шелковой матеріи разнаго достоинства, сообразно съ положеніемъ каждаго. Поочередно, одинъ за другимъ, мы подходили къ гэгену и подносили ему хадаки, накинутые на кисти рукъ. Стоявшіе тутъ же монахи принимали эти дары. Наши слуги, буддисты, дѣлали земные поклоны и получали благословеніе отъ гэгена“.

„Когда церемонія поклоненія окончилась, намъ положили вдоль стѣны подушки и поставили столики на коротенькихъ ножкахъ. Насъ усадили за эти столики, подали чай и разныя сласти. Когда мы откланялись и ушли домой, эти сласти были отнесены на нашу квартиру.“

„Мое желаніе осмотрѣть храмы не встрѣтило со стороны ламъ никакого сопротивленія. Намъ дали проводника, и мы осмотрѣли восемнадцать храмовъ. Насъ не пустили только въ тотъ храмъ, гдѣ совершаетъ богослуженіе самъ гэгень.“

„Всѣ храмы богато отдѣланы. Серебро и золото, потраченное на украшеніе этихъ безчисленныхъ кумиренъ, могло бы составить огромное состояніе. Нѣкоторыя статуи отлиты изъ чистаго металла“.

Послѣ перваго свиданія г. Потанинъ былъ у гэгена еще разъ; г. Скасси былъ нѣсколько разъ и снималъ фотографіи. Ламы были уже знакомы съ этимъ искусствомъ и не дивились. Гэгень, у себя дома, держался совсѣмъ просто и одѣвался, какъ другіе ламы.

Скасси удалось видѣть кладовую гэгена, наполненную разными европейскими диковинками, привезенными изъ Пекина и съ сибирской границы. Тутъ были самовары, шарманки, и множество часовъ. Г. Скасси былъ свидѣтелемъ, какъ гэгень, не переставая, переводилъ часы и увелъ ихъ на полтора

Гэгень Лабрана.

часа впередъ, чтобы только заставить куковать кукушку.

Гэгень Лабрана, самый знаменитый гэгень во всемъ Амдо. Никакой другой тангутскій гэгень не пользуется такой извѣстностью. Въ Санчуани путешественниковъ увѣряли, что увидѣть гэгена очень трудно: что на это требуется много денегъ. Нѣкоторыя тангутскія племена признають надъ собою власть гэгена не только духовную, но и свѣтскую,

считая его какъ-бы своимъ княземъ. Въ настоящее время Лабранъ, по влиянію своему на сѣверный Тибетъ и Монголію, не уступаетъ знаменитому Гумбуму. Старый нашъ служитель, тангутъ Ами-Салунъ, съ благоговѣйнымъ паѳосомъ говорилъ о трудолюбіи лабранскихъ ламъ. „Въ длинныя темныя ночи сидятъ ламы при свѣтѣ лампъ и все пишутъ и пишутъ! Изъ отдаленныхъ угловъ не только Амдо, но даже и Монголіи, стекаются сюда молодые монахи учиться и утверждаться въ вѣрѣ“.

Въ монастырѣ путешественники пробыли два дня. На прощанье гэгень совѣтовалъ имъ побывать въ кочевьѣ олѣтовъ, управляемыхъ вдовою вана, покровительницею монастыря Лабрана *). Этотъ небольшой отдѣлъ Хуху-норскихъ олѣтовъ, заброшенный далеко на востокъ и окруженный со всѣхъ сторонъ тангутами, былъ бы очень интересенъ для изученія; но члены экспедиціи, къ сожалѣнію, связаны были необходимостью итти въ Минъ-чжоу, гдѣ долженъ былъ присоединиться къ экспедиціи Березовскій.

Дорога отъ Лабрана до Кадигера не лишена живописныхъ картинъ. Горы мѣстами покрыты хвойнымъ лѣсомъ, перемежаннымъ съ лиственнымъ. У подошвы горъ зеленѣютъ поля, и между ними картинно разбросаны тангутскія деревеньки и отдѣльно стоящія усадьбы.

Въ долинѣ Анкура путешественники ночевали въ тангутской деревнѣ, въ домѣ родственника одного изъ рабочихъ. Этотъ родственникъ былъ чело-

*) Объ управленіи ваншъ интересныя подробности у Пржевальскаго.

вѣкъ зажиточный. Онъ жилъ въ большомъ домѣ и имѣлъ 30 яковъ.

Супруговъ Потаниныхъ помѣстили въ передней части усадьбы, а г. Скасси отвели верхнюю галерею въ задней постройкѣ, такъ что, посѣщая его, приходилось влѣзть по подставленному бревну съ зарубками, что было не совсѣмъ удобно. Зато г. Скасси былъ совершенно застрахованъ отъ любопытныхъ. Супруги Потанины не были такъ счастливы. Въ особенности много набиралось къ нимъ женщинъ, желавшихъ посмотрѣть на чужеземку. Почти всѣ эти женщины держали въ рукахъ молитвенныя мельницы на стержнѣ и постоянно ихъ вертѣли. Такимъ образомъ время не было потеряно: и любопытство, и благочестіе были одновременно удовлетворены. Жена и сестра хозяина, женщины очень набожныя, во все время не раскрывали рта. Странное явленіе это объяснилось тѣмъ, что эти женщины, какъ разъ передъ прибытіемъ экспедиціи, наложили на себя, въ угоду богамъ, обѣтъ молчанія на нѣсколько дней.

29-го Мая экспедиція пришла въ маленькій городокъ Джони, резиденцію тангутскаго князя Яна, по-китайски Янь-ту-сы. Старый тангутъ, Ами-Салунъ, рассказывалъ много интереснаго о Джони. Онъ говорилъ, что въ былое время Джони было центромъ царства Амдо, которое простиралось на сѣверъ до Утая, т.-е. охватывало Ордосъ и Алашань. Въ народѣ сохранилось много преданій о тѣхъ отдаленныхъ временахъ, когда Джони имѣло важное политическое значеніе.

При вѣздѣ въ городъ путешественники были поражены весьма неприятнымъ зрѣлищемъ. У са-

мыхъ воротъ, по обѣимъ сторонамъ, висѣли клѣтки съ отрубленными головами. Это были головы двухъ тангутовъ племени Тебу, казненныхъ за разбой. Это разбойничье племя держитъ въ страхѣ все населеніе, и, когда какой-нибудь изъ его подвиговъ доходитъ до высшей власти, Яна-ту-сы получаетъ выговоръ. Поневолѣ онъ долженъ быть осмотрителенъ. Незадолго до прибытія экспедиціи, Тебу ограбили какого-то гэгена, и первые попавшіеся разбойники заплатились жизнью, хотя въ данномъ случаѣ, можетъ быть, вовсе не они были виноваты.

Путешественники сдѣлали визитъ князю и были приняты очень любезно. Князь оказался молодымъ человѣкомъ лѣтъ 30—35, пріятной наружности; отецъ его былъ еще живъ, но по старости отказался отъ управленія. Путешественниковъ принимали оба князя вмѣстѣ. Г. Скасси снялъ фотографіи съ обоихъ князей и съ дочерей старшаго князя. Старикъ очень любилъ своихъ дѣвочекъ и пожелалъ сняться съ ними вмѣстѣ.

Изъ Джони путешественники послали гонца въ Минъ-чжоу къ Березовскому, который не замедлилъ присоединиться къ экспедиціи. Здѣсь же Потанину пришлось съ большимъ сожалѣніемъ разстаться съ Самбарчей; старикъ заскучалъ по семьѣ и пожелалъ вернуться домой.

Восточный склонъ Тибета.—Долина Ксернцо.

Оставивъ въ Минъ-чжоу свои коллекціи на храненіе, экспедиція направилась къ восточному склону Тибета, черезъ хребетъ Я-ли-сань, служащій водораздѣломъ между бассейнами Голубой и Желтой

рѣкъ. На третій день по выходѣ изъ Минь-чжоу путешественники вступили въ очаровательную страну, для описанія которой, по словамъ г. Потанина, нѣтъ достаточно выражений. Чрезвычайное разнообразіе въ строеніи долинъ придаетъ особый характеръ этой мѣстности. Есть долины широкія, покры-

Тангутскій князь Янь-ту-сы.

тыя полями и нивами, а есть до того узкія, что крестьянскія усадьбы не помѣщаются въ нихъ, а ютятся по косогору, который представляетъ собою сплошной фруктовый садъ. Иныя долины такъ сжаты горами, что онѣ находятся словно въ тискахъ. Въ такой именно долинѣ лежитъ деревня Ли-чжапу, гдѣ путешественники ночевали на 20-е іюня.

За недостаткомъ мѣста, здѣсь не только дома, но и дворы строятся въ два этажа. Въ нижнемъ дворѣ стоитъ скотъ, въ верхнемъ лежитъ хлѣбъ и другіе продукты. Странное впечатлѣніе производятъ эти постройки.

Отъ перевала Я-ли-сань идетъ непрерывный и значительный спускъ. Климатъ съ каждымъ шагомъ становится теплѣе. Появляется южная флора: персиковыя, абрикосовыя, гранатовыя и, наконецъ, фиговые деревья.

Разнообразіе флоры вызвало большую потребность въ прокладочной бумагѣ. Ради этого путешественникамъ пришлось съ недѣлю пробыть въ маленькомъ городкѣ Си-гу, расположенномъ на днѣ долины, обставленной высокими, остроконечными, точно сахарныя головы, вершинами. Между этими вершинами едва виденъ небольшой клочекъ неба.

Дома въ городкѣ ветхіе, только тѣмъ, кажется, и держатся, что подпираютъ другъ друга. На плоскихъ крышахъ домовъ жители проводятъ почти всю свою жизнь. Тутъ они занимаются хозяйственными работами, тутъ же отдыхаютъ и пьютъ чай.

Одинъ мулъ экспедиціи отчего-то подохъ. Хотя агонія его происходила всенародно на улицѣ, но это не помѣшало мѣстному торговцу выпросить мясо и продавать его въ своей лавкѣ. Это не удивило путешественниковъ, такъ какъ не разъ, въ продолженіи пути, они видѣли, какъ туземцы ѣли палыхъ животныхъ. У монголовъ считается даже грѣхомъ убивать для ѣды такихъ крупныхъ животныхъ, какъ, напр., верблюды. Да оно и понятно: въ странѣ, гдѣ нѣтъ дорогъ, безъ этого животнаго трудно было-бы обойтись.

Мандаринъ въ Си-гу сильно отговаривалъ путешественниковъ отъ поѣздки по избранной ими дорогѣ, увѣряя, что они встрѣтятъ непреодолимыя трудности. Такое усиленное желаніе мѣстныхъ властей отклонить путешественниковъ отъ мало проѣзжихъ дорогъ объясняется обыкновенно ихъ чрезвычайной подозрительностью и недовѣріемъ; но г. Потанинъ думаетъ, что это не такъ. Власти боятся, чтобы въ случаѣ несчастія съ путешественниками, имъ не получить выговора. Подозрительности уже потому нѣтъ мѣста, что въ пекинскомъ паспортѣ прямо говорится, что путешественникамъ разрѣшается производить съемки, составлять коллекціи и описывать страну.

Чтобъ успокоить мандарина, г.г. Потанинъ и Скасси поѣхали осмотрѣть намѣченную дорогу и нашли ее совершенно удовлетворительною. Вернувшись, они объявили что пойдутъ по этой дорогѣ, но въ случаѣ несчастія обѣщали никому не жаловаться.

Собирая свѣдѣнія о Си-гу, г. Потанинъ узналъ, что этотъ округъ періодически подвергается землетрясеніямъ. Самое сильное изъ нихъ было въ 1879 г.

Первый ударъ случился въ концѣ дня. Онъ былъ сильнѣе грома небеснаго, рассказывали туземцы. Вслѣдъ затѣмъ былъ второй, самый страшный ударъ, и началось землетрясеніе. Нѣсколько деревень были разрушены до основанія; много людей и животныхъ погибло.

Это землетрясеніе вызвало въ мѣстномъ населеніи странную нервную болѣзнь: заразительная пляска охватила жителей и быстро распространилась по деревнямъ. Вскорѣ заплясала вся долина. Плясали юноши и дѣвушки, мужчины и женщины; не

плясали только старики. Стоило заплясать одному, тотчас же начинали плясать и остальные. Одинъ изъ пострадавшихъ рассказывалъ, что передъ припадкомъ у человѣка пропадалъ аппетитъ и начиналось сердцебіеніе. Но лишь только онъ отплясался, аппетитъ возвращался, и человѣкъ чувствовалъ себя совсѣмъ здоровымъ. Одержимый пляской получалъ необыкновенную силу. Были субъекты, которые плясали съ мельничнымъ жерновомъ, или, схвативъ какое-нибудь желѣзное орудіе, ломали его, какъ щепку. Пляшущіе обладали ясновидѣніемъ; придетъ, напр., человѣкъ верстъ за сто, одержимый расскажетъ ему всю подноготную, и все оказывалось вѣрно. По окончаніи припадка, больной не помнилъ, что съ нимъ было.

Простившись съ Березовскимъ, который остался въ Си-гу, экспедиція 2-го іюля тронулась въ путь, и переваливъ черезъ горы, спустилась въ долину рѣки Джорни.

Немного не доходя до китайской деревни Мөрпинъ, долина перегораживается уступомъ, съ котораго рѣка сливается каскадами. Нижняя часть водопада состоитъ изъ отвѣсной струи въ сажень вышины, падающей между двумя отвѣсными скалами. Затѣмъ рѣка быстро скользитъ по узкому ложу, выдолбленному у подножія правой скалы. Такъ какъ естественный путь прегражденъ въ этомъ мѣстѣ, къ правой отвѣсной скалѣ подвѣшенъ деревянный балкончикъ, который начинаясь на днѣ долины, постепенно поднимается на высоту до двухъ сажень и выходитъ на дорогу въ самомъ началѣ водопада.

Обиліе воды и зелени создаетъ изъ этой мѣст-

ности необыкновенно красивую картину. Ни одной пяди скалы не остается бесплодною. Даже совсѣмъ отвѣсныя скалы покрыты изумруднымъ мхомъ, по которому ползуть изящныя орхидеи.

Дорога съ каждымъ шагомъ становилась интереснѣе, растительность богаче. 10-го іюля путешественники очутились въ настоящемъ лѣсу съ тѣнистыми липами, дубами и кленами въ перемежку съ мѣстными породами.

Это подобіе сѣвернаго лѣса произвело чрезвычайно пріятное впечатлѣніе на путешественниковъ.

Увлеченный ботанизованіемъ, Григ. Ник., вмѣстѣ съ Ами-Салуномъ, отклонился въ сторону и заблудился. Вдобавокъ ихъ застала гроза, и они насквозь промокли. Напавъ на ручей, они рѣшили держаться его и стали по немъ подниматься. Вскорѣ ручей превратился въ рядъ каскадовъ; но привычные мулы ступали по уступамъ какъ по ступенькамъ и, наконецъ, путники, усталые и промокшіе, добрались до каравана, который, по распоряженію Скасси, остановился на ночевку ранѣе обыкновеннаго. Лагерь разбили въ рододендроновомъ лѣсу, который былъ такъ густъ, что пришлось вырубать мѣсто для палатки. Этотъ переходъ, по словамъ г. Потанина, далъ не только обильный матеріалъ для коллекцій и для этнографическихъ наблюдений, но и массу эстетическихъ наслаждений.

Въ деревнѣ Раза, въ долинѣ По-и-хо, случилось съ путешественниками забавное приключеніе. Внѣшность г. Скасси произвела на туземцевъ такое внушительное впечатлѣніе, что они толпами выбѣжали ему навстрѣчу и пали передъ нимъ ницъ.

Теперь уже путешественники находились въ по-

ясъ, болѣе теплою, и невольно вздыхали объ оставленныхъ позади горахъ съ остановками въ палаткахъ среди благоухающей растительности.

И дѣйствительно, переходы по глубокимъ жаркимъ долинамъ и остановки въ душныхъ китайскихъ деревняхъ представляли мало привлекательнаго.

Спускъ въ долину Нань-пинъ оказался самымъ тяжелымъ по сравненію со всѣми остальными. Онъ былъ крутъ, каменистъ и не приспособленъ для вьючныхъ животныхъ. Бѣдные мулы шибко маялись. По инымъ мѣстамъ имъ приходилось скользить, или, присѣвъ на заднія ноги, сползать съ голой поверхности скалы. Въ это время вьюкъ тянулъ внизъ и спины бѣдныхъ животныхъ сильно страдали.

27-го Іюля экспедиція прибыла въ городъ Сунъ-панъ, расположенный между плоскими и голыми возвышенностями.

„Вѣздъ въ Сунъ-панъ, неожиданно для насъ“, рассказываетъ г. Потанинъ, „вышелъ чрезвычайно торжественнымъ. Китайскій конвой, сопровождавшій караванъ, ушелъ впередъ и предупредилъ жителей о прибытіи европейцевъ. Поэтому, при вѣздѣ нашемъ въ городъ, все праздное населеніе высыпало на улицу; ворота, заборы, крыши домовъ—все было унижено зрителями. Въ боковыхъ переулкахъ, изъ за головъ, виднѣлись повозки съ китайскими барынями въ яркихъ шелковыхъ костюмахъ и съ вѣрами въ рукахъ. Домъ въ предмѣстьѣ, въ которомъ мы помѣстились, былъ мѣстной постройки съ двухскатной крышей. Деревни съ такими домами стали попадаться только въ послѣднее время; онѣ очень напоминаютъ русскія деревни“.

Въ распоряженіе супруговъ Потаниныхъ отданъ

былъ чердакъ съ двумя отверстіями вмѣсто оконъ. Влѣзть къ нимъ надо было по подставной лѣстницѣ, какъ у фонарщиковъ. Но они не жаловались, такъ какъ въ этомъ воздушномъ жилищѣ они были почти избавлены отъ любопытныхъ. Находились, впрочемъ, нахалы, которые пытались, было, лѣзть по лѣстницѣ; но тогда стоило только кому-нибудь сверху потрясти лѣстницу, и нахалы исчезли.

Сунь-пань для южнаго Амдо играетъ такую же роль, какъ Донкыръ для сѣвернаго. Караванное движеніе здѣсь довольно живо. У подошвы горы постоянно виднѣются разбитыя палатки и группы вьючныхъ яковъ.

Тангутъ изъ окрестностей монастыря Лабрана.

Не всѣ палатки, впрочемъ, принадлежать караванамъ. Сунь-панскіе жители имѣютъ обыкновеніе выѣзжать изъ города съ семействами въ окрестныя поля и жить тамъ въ палаткахъ по недѣлѣ и болѣе.

Такъ какъ кругомъ Сунь-пана много тангутскихъ деревень, то въ городъ постоянно приходятъ тангуты и тангутки съ разными деревенскими продуктами. Нерѣдко, даже и лѣтомъ, можно встрѣтить

тангутовъ въ овечьихъ халатахъ. Богатые тангуты покрываютъ халаты цвѣтною матеріею и опушаютъ пестрымъ мѣхомъ, что очень красиво. Волосы убираютъ тангуты различнымъ образомъ; есть племена, которыя распускаютъ ихъ по плечамъ, какъ наши священники. Прическа женщинъ изобилуетъ бляхами и другими металлическими украшеніями. Въ праздникъ богатая тангутка носятъ шапочки, вышитыя кораллами. Вообще, это народъ интересный и не лишенный изящнаго вкуса.

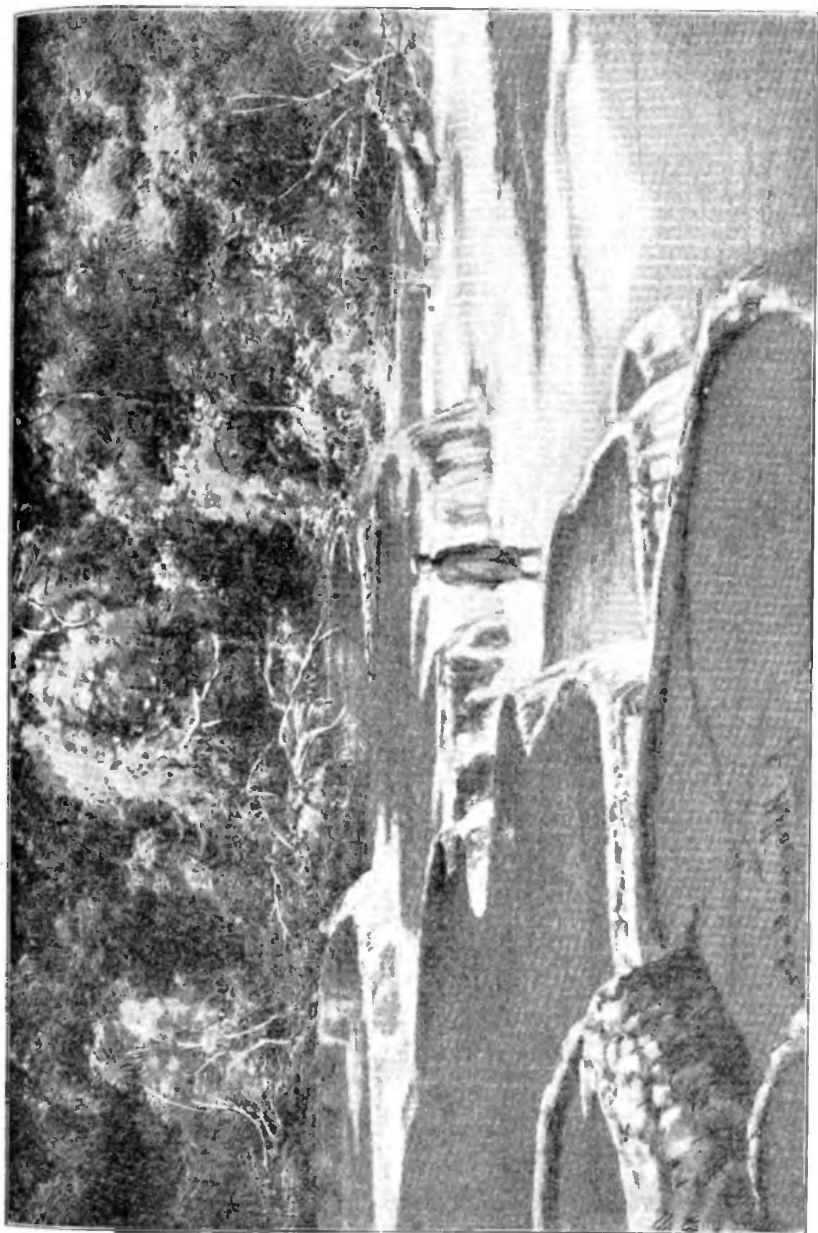
И здѣсь тангуты, приближаясь къ городу, даютъ знать о себѣ особыми гортанными звуками, которые путешественникамъ не разъ довелось слышать на пути.

Изъ Сунъ-пана сдѣлано было нѣсколько экскурсій, изъ которыхъ самая интересная была въ долину р. Ксернцо *), у подошвы снѣжной горы Сюѣ-шань **). Эта странная рѣка образуетъ отложенія въ родѣ естественныхъ плотинъ самыхъ разнообразныхъ очертаній.

Долина Ксернцо состоитъ изъ двухъ частей, которыя раздѣлены уступомъ футовъ въ 70 высоты. Рѣка, дойдя по верхней долиніѣ до уступа, скатывается съ нея бурными каскадами и съ большимъ шумомъ. Скатившись, рѣка встрѣчаетъ горизонтальное дно долины, сразу успокаивается и разливается мелкимъ озеромъ или вѣрнѣе лужей съ вершокъ глубиной, съ бѣловато-желтымъ дномъ изъ туфа. Въ эту лужу, во всѣхъ направленіяхъ, въ видѣ сѣтки идутъ невысокія стѣнки изъ туфа, которыя дѣлятъ озеро на множество неправильной формы бассейновъ. Нѣсколько ниже, гдѣ дно долины становится сильно покатымъ, картина туфовыхъ построений совер-

*) „Ксеръ“ по-тибетски „золото“, нцо „озеро“.

**) „Сюѣ“ по-китайски „снѣгъ“, шань „гора“.

Бассейны р. Ксернцо.

шенно измѣняется. Тутъ ряды бассейновъ слѣдуютъ одинъ за другимъ, одинъ рядъ ниже другого. У этихъ бассейновъ дно имѣетъ видъ котла. Величина и глубина бассейновъ различна; самый большой не превышаетъ пяти сажень въ ширину; иные не больше ванны, только бы человѣку лечь и протянуть ноги. Глубина бассейновъ не велика; въ самомъ глубокомъ воды не болѣе двухъ аршинъ.

Вода бассейновъ переливается изъ верхняго бассейна въ нижній и т. д. Бассейны у лѣваго края уходятъ подъ хвойные лѣса, зелень которыхъ отражается въ нихъ. Когда смотришь на эти бассейны сверху, видишь рядъ зеленыхъ зеркалъ; одно зеленое стекло ниже другого. Кое-гдѣ на стѣнкахъ выросли ивы. Если же смотрѣть снизу вверхъ, картина совершенно мѣняется. Зеленыхъ зеркалъ уже не видно. Передъ вами вздымается грандіозная лѣстница въ 15—20 ступеней, сажень 10 ширины, и по этой лѣстницѣ, съ одной ступени на другую, льется вода. Картина волшебная, проникающая все существо человѣка нѣмымъ восторгомъ!

Далѣе рѣка, собравшись въ одно русло, течетъ по правому боку долины. Но и тутъ она сохраняетъ свой особенный характеръ. Въ противоположность другимъ рѣкамъ, вырывающимъ себѣ русло въ почвѣ, эта рѣчка отлагаетъ настилку на свое русло, образуя въ то же время сбоку стѣнки изъ туфа. Дорога идетъ иногда вдоль рѣки, но гораздо ниже, такъ что волнующаяся поверхность рѣки приходится въ уровень съ глазомъ проходящаго по дорогѣ путника.

Чудесныя сооруженія рѣки и близость снѣжной горы дѣлаютъ эту мѣстность священной для благочестивыхъ буддистовъ, преклоняющихся передъ

чудесами природы. Кроме того, вѣрующихъ привлекаютъ бурханы, находящіеся въ пещерѣ, образовавшейся въ туфѣ. Бурханы считаются нерукотворными. Они сами, будто-бы, явились тутъ невѣдомо какъ. Входъ въ пещеру довольно затруднителенъ; это просто колодезь сажени въ двѣ, въ который богомольцы спускаются по бревну съ зарубками. Дно пещеры крайне неровно; оно то понижается, то повышается, образуя бугры и впадины; мѣстами журчитъ вода и дѣлаетъ полъ скользкимъ. На одномъ изъ бугровъ стоятъ три бурхана спиною къ выходу, лицами вовнутрь. Они всѣ заплыли известью. Богомолцы прижимаются къ нимъ лбомъ и отламываютъ кусочки известковой накипи на память. Отламываютъ они также отъ стѣны кусочки туфа, на которыхъ отлично отпечатались древесные листья.

„Если мы“, говоритъ Гр. Ник., „испытывали высокое наслажденіе отъ красотъ долины Ксернцо, то наши слуги были, кажется, болѣе всего въ восхищеніи отъ того, что сподобились потереться лбомъ о своихъ бурхановъ. Но не однѣ святыни приводили ихъ въ возбужденное состояніе; имъ также не чуждо было восхищеніе природой. Живые характеромъ тангуты выразили свое настроеніе даже дѣйствіемъ. Они наломали зеленыхъ вѣтвей можжевельника, сложили ихъ на берегу рѣки и зажгли. Это былъ „рсанъ“, т.-е. ѳиміамъ въ честь Ксернцо. Когда изъ зеленой кучи сталъ подниматься бѣлый дымокъ, тангуты стали бѣгать вокругъ него вприпрыжку, напѣвая молитвы.

„Этому ѳиміаму простодушныхъ почитателей великаго въ природѣ соотвѣтствовало и наше настроеніе“, говоритъ г. Потанинъ. „Мы тоже были взвол-

нованы. Тутъ такъ много эффектовъ, что они дѣйствуютъ чуть ли не на всѣ пять чувствъ человѣка. Каждая отдѣльная картина не только прелестна сама по себѣ, но и въ чудныя рамы вставлена! Справа и слѣва она обрамлена горными профилями, покрытыми густымъ лѣсомъ, а на заднемъ планѣ—

Долина р. Ксернцо.

двурогая снѣжная вершина, которая блеститъ на солнцѣ. Вся долина оживлена шумомъ воды; тутъ журчитъ рѣка, тамъ изъ-за лѣса слышенъ глухой ревъ водопада; еще далѣе—плещетъ вода, переливаясь изъ одного бассейна въ другой; и при всемъ этомъ чудный горный воздухъ, бодрящимъ образомъ дѣйствующій на организмъ.

Сы-чуань и южная Гань-су.

Долина рѣки Хонтана, въ которую впадаетъ Ксернцо, также очень живописна. Здѣсь есть тоже нѣсколько замѣчательныхъ водопадовъ. Одинъ изъ нихъ напоминаетъ Штаубахъ*). Вода льется съ отвѣсной скалы въ 50 саж. высоты и, ударившись о выступъ, разсыпается въ сѣрое облачко, которое, при легкомъ порывѣ вѣтра, отдѣляется отъ скалы и улетаетъ. Скала голая, но вѣнецъ ея покрытъ лѣсомъ. Другой водопадъ, по строенію своему, очень оригиналенъ. Вода его, срываясь съ утеса, проходитъ черезъ узкую амбразуру сжатой струей и у подошвы сильно расширяется, образуя какъ-бы вуаль невѣсты, падающей съ головы до пола.

„На всемъ этомъ пути“, говоритъ г. Потанинъ, „природа, словно нарочно, задалась цѣлью создать разнообразіе видовъ, которые проходятъ передъ путешественникомъ подобно движущейся панорамѣ“.

Къ сожалѣнію, чарующее впечатлѣніе природы сильно отравляется трудностью перехода по этому пути. Товары здѣсь переносятся носильщиками, и потому выючная дорога содержится небрежно: въ одномъ мѣстѣ мулъ свалился съ карниза въ рѣку, въ другомъ сорвался съ висячаго моста. Эти мосты, поистинѣ что-то невообразимое. Они никогда не чинятся, потому что носильщики, люди привычные, проходятъ по нимъ безъ всякихъ приключеній. А когда мостъ совсѣмъ сгніетъ и свалится, черезъ рѣку протягивается канатъ, и носильщики переправляются по канату въ подвѣшенной корзинѣ, а простой людъ еще проще: какъ пауки, подвѣсившись

*) Въ Швейцаріи.

къ канату снизу и цѣпляясь за нее руками и ногами.

Отъ Ксернцо до г. Лунъ-ань-фу считается полтора верста, но, вслѣдствіе плохихъ дорогъ, караванъ совершилъ этотъ путь медленно, дѣлая не болѣе 14 вер. въ день. Прилегающая къ Лунъ-ань-фу долина Пу-цзяна узка и сильно сдавлена горами. Расположеніе деревень очень оригинально: фанзы построены въ одинъ рядъ, задомъ къ рѣкѣ, фасадомъ къ дорогѣ. За дорогою поле маиса. Маисъ въ ростъ человѣка выглядить, какъ лѣсъ.

Такое расположеніе домовъ задомъ къ рѣкѣ, фасадомъ къ горѣ, можетъ быть объяснено желаніемъ имѣть передъ глазами маисовыя поля, которыя нерѣдко опустошаются обезьянами. Здѣсь водятся двѣ породы: одна, подъ названіемъ „золотая“, съ капюшономъ изъ золотисто-желтыхъ длинныхъ волосъ на плечахъ. Эта держится болѣе въ хвойныхъ лѣсахъ. Другая, небольшого роста, живетъ въ теплыхъ долинахъ; она-то и грабитъ маисовыя поля, и, главное, грабитъ большею частью безъ всякой для себя пользы: сорветъ початокъ и сунетъ его подъ мышку; сорветъ другой и опять сунетъ подъ мышку, а прежній упадетъ на землю и т. д.

Лунъ-ань-фу былъ самый крайній южный пунктъ, до котораго дошла экспедиція. Здѣсь въ садахъ встрѣчаются уже бананы, попадаютъ туйи, толщиной въ три обхвата. Много лаковыхъ деревьевъ, которыя образуютъ рощи по околицамъ деревень. Лаковое дерево не выше двухъ сажень. Листья его сердцевидные, крупные, толщиной въ ладонь. Плодъ имѣетъ грушевидную форму, обтянутъ зеленою кожицею. Когда плодъ разрѣзанъ, изъ сосудовъ, распо-

доженныхъ въ стѣнкахъ выступаетъ смола. Это и есть тотъ лакъ, которымъ славится Японія.

Человѣку, привыкшему къ сѣверной природѣ, кажется необычайнымъ участіе въ ландшафтѣ вьющихся растений. Они окутываютъ кустарники до такой степени, что самага куста почти не видно. Даже большія деревья стоятъ подчасъ словно покрыты сѣткою съ бахромою.

Городокъ Лунь-ань-фу небольшой, но чистенькій, какъ почти всѣ города Сы-чуани. Здѣсь находится католическая миссія крещенныхъ китайцевъ.

Отъ Лунь-ань-фу экспедиція снова повернула на сѣверъ и пошла параллельно прежде пройденному пути въ Лань-чжоу, куда и прибыла благополучно 20-го октября. Здѣсь ожидалъ товарищей Березовскій и транспортъ серебра, прибывшій изъ Пекина. Послѣднее было весьма кстати, такъ какъ казна путешественниковъ сильно поистощилась, а между тѣмъ надо было подготовиться къ зимовкѣ. Березовскій, получивъ свою долю серебра, вернулся въ Си-гу, а гг. Потанины и Скасси пошли въ Гумбумъ. Спустя мѣсяць, они уже были на территоріи Сань-чуанскихъ широнголовъ, въ деревнѣ Патула, гдѣ ихъ встрѣтили, какъ старыхъ знакомыхъ, съ большою радостью.

Деревня Патула считается высшей точкой къ сѣверу отъ Сань-чуани. Спускъ съ этой горы приводитъ въ долину рѣки Сомбры.

Въ тѣснинѣ Желтой рѣки, ниже Сомбры, есть развалины монастыря Пи-линъ-сы съ колоссальными фигурами боговъ, изваянными въ скалѣ. Одна такая фигура въ 13 ар. длины изображаетъ лежащаго Будду. Такія статуи Будды въ лежачемъ положеніи

называются: „Будда въ нирванѣ“, т. е. Будда въ успеніи. Другая—сидячая фигура Шянбы или Майдари въ нишѣ, вышиною въ 10 саж. На уровнѣ головы статуи были прежде кумирни; висячій балконъ обѣгалъ нишу надъ головой бога, а витыя лѣстницы вели въ кумирни. Теперь все это разру-

Богъ Шянба.

шено мусульманами; уцѣлѣлъ только кусочекъ балкона надъ лѣвымъ ухомъ бога.

При самомъ выходѣ изъ ущелья къ берегу Желтой рѣки стоятъ двѣ отторженныя скалы, точно два обелиска.

Именемъ Пи-линъ-сы собственно называется небольшая кумирня, устроенная въ скалѣ выше оврага со статуей Майдари. Для помѣщенія кумирни монахи воспользовались пещерой, или вѣрнѣе, нишей,

которую природа сама устроила изъ задней стѣны ниши сочится холодная ключевая вода, которая стекаетъ въ бассейнъ. На той, смоченной водою, стѣнкѣ есть выступъ съ углубленіемъ вродѣ стакана, которое постоянно наполнено водой. Стѣны и потолокъ пещеры росписаны фресками, а передъ бассейномъ стоитъ статуя богини Гуань-инь-пусы. Эта богиня нѣкогда укротила свирѣпаго бога, Лунъ-вана, властителя небесной влаги. Когда этотъ богъ заупрямится и запретъ небо, санчуанцы цѣлой процесіей несутъ его статую въ пещеру и оставляютъ до другого дня возлѣ Гуань-инь-пусы, чтобы она снова вразумила его. При этомъ берутъ бутылку и шелковый шнурокъ. Одинъ конецъ шнурка пускаютъ въ стаканообразное углубленіе, другой въ бутылку и набѣжавшую по шнурку воду уносятъ домой и вѣрятъ, что проученный за ночь богъ даруетъ дождь.

Центральная Монголія.

Гумбумъ (1886 г.).

Монастырь Гумбумъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ буддійскихъ монастырей въ Амдо, находится въ 25 верстахъ отъ Синина. Онъ лежитъ въ холмистой котловинѣ, окруженной горами. По виду онъ совсѣмъ не похожъ на наши монастыри, обнесенные стѣнами съ башнями и святыми воротами. Онъ скорѣе напоминаетъ русскій уѣздный городъ. По холмамъ въ беспорядкѣ разбросаны монастырскія зданія изъ необожженнаго кирпича, выбѣленнаго известью. Тамъ и сямъ возвышаются храмы, яркая окраска которыхъ сразу бросается въ глаза. Пестрота этой окраски необычайная: одинъ этажъ красный, другой — черный, крыша — желтая. И на всемъ этомъ еще пестрыя арабески.

Спустившись съ холма и миновавъ мостъ, путешественники въѣхали въ монастырскую улицу, а по ней выѣхали на площадь къ главному храму. Здѣсь передъ ними открылся цѣлый рядъ „субургановъ“, т.-е. бѣлыхъ памятниковъ особой буддійской формы. Всѣ они были на одинъ ладъ: четырехгранное подножіе, средняя часть грушевидной формы и на ней колонна. Памятники въ прежнее время ставились надъ какими-нибудь реликвіями, какъ объ этомъ рассказываютъ преданія, но теперь они строятся, повидимому, съ другой цѣлью: они охраняютъ монастырь отъ злыхъ духовъ.

Экспедиціи отвели заброшенный дворъ съ полуразвалившеюся фанзою, но энергичный отпоръ Скасси, а главное—извѣстіе о благорасположеніи сининскаго амбана измѣнило взгляды монастырскаго начальства, и для путешественниковъ очищенъ былъ одинъ изъ жилыхъ дворовъ, окруженный со всѣхъ сторонъ флигелями. Въ этомъ помѣщеніи экспедиція размѣстилась удобно. Потанинымъ достался отдѣльный флигель, раздѣленный на три части. Гостиная отдѣлялась полупрозрачною рѣшеткой, а спальня глухой перегородкой ввидѣ ширмъ. Стѣны были обшиты досками, разрисованными въ китайскомъ вкусѣ. Двѣ балки, поддерживавшія потолокъ, фантазія художника превратила въ огромные свитки дорогихъ матерій, затканыхъ цвѣтами. Надъ верхнею частью ширмъ изображено было нѣчто въ родѣ драпировки. Двери и ставни также обильно покрыты были рисунками, а потолокъ былъ украшенъ арматурой изъ трехъ предметовъ: мѣдный тазъ, рогъ изобилія и колотушка, — иллюстрація къ народной сказкѣ „Три подарка морского царя“, которая извѣстна на всемъ пространствѣ отъ Европы до Тибета, а, судя по живописи кельи гумбумскаго монаха, извѣстно и китайцамъ. Г. Скасси занялъ флигель въ три комнаты; между нимъ и Потаниными находилась кухня и помѣщеніе для прислуги. На воротахъ, снаружи, приклеена была надпись на тибетскомъ языкѣ, запрещающая постороннимъ входъ въ помѣщеніе чужестранцевъ.

Пришли ламы поздравить путешественниковъ съ пріѣздомъ и принесли ведро рисовой каши съ изюмомъ, заявивъ, что монастырь подноситъ пріѣзжимъ дары мѣстной природы. Для сношенія съ монастыремъ

скимъ начальствомъ къ путешественникамъ при- ставленъ былъ лама Машень и послушникъ—водо- ность. Машень бывалъ въ Забайкальѣ, хвалилъ рус- скіе порядки, но изъ русскаго языка зналъ только слово „матушка“.

Въ день прибытія экспедиціи въ монастырѣ справлялся какой-то праздникъ, и монахи зажгли иллюминацію. Владѣлецъ каждой кельи выставилъ у себя на крышѣ рядъ лампочекъ. Количество ихъ зависѣло отъ состоянія монаха. Общій видъ былъ очень красивъ. На темномъ фонѣ холмовъ выриси- вывались огненные черточки, позади которыхъ отъ времени до времени появлялась фигура монаха въ красномъ плащѣ. Монахи поправляли лампочки и творили земные поклоны въ сторону храма.

На одномъ дворѣ съ экспедиціею жило нѣсколько ламъ, жизнь которыхъ интересно было наблюдать. Самый старшій изъ нихъ, съ лицомъ желтымъ, какъ дубленая кожа, по цѣлымъ часамъ читалъ нараспѣвъ молитвы и наводилъ-таки порядочную тоску. Осталь- ное время онъ занимался перепискою священныхъ тибетскихъ книгъ. Другой жилецъ былъ художникъ. Его почти не было видно. Съ разсвѣтомъ онъ ухо- дилъ въ монастырь и только вечеромъ возвращался. Третій былъ хромоногій портной. Этого легко было наблюдать, такъ какъ онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ на галлерей за работой.

„Иногда мнѣ случалось видѣть такую сцену“, рассказываетъ г-жа Потанина, „едва успѣетъ хромо- ногій портной приковылять на галерею и сѣсть за работу, какъ на дворѣ появляется нищій и, заты- нувъ свою заунывную пѣсню, протягиваетъ чашку. Лама встаетъ, беретъ чашку и, сходявъ въ свою

келью, возвращается съ чашкой полной дзамбы *). Случалось, что вслѣдъ за первымъ нищимъ появлялся второй, третій, а иногда и нѣсколько нищихъ; хромой лама безъ малѣйшаго признака неудовольствія вставалъ и удовлетворялъ ихъ всѣхъ. Мнѣ бывало просто досадно за ламу, котораго эти „батырчи“ (нищіе) безпрестанно отрывали отъ работы; но потомъ я узнала причину этого явленія. Батырчи—нищіе, совсѣмъ особенные, часто только временные. Это тѣ же ламы, которые предпринимаютъ паломничество, отыскивая „гдѣ лучше“. Многіе ламы, жившіе на нашемъ дворѣ, бывали въ этомъ положеніи, чѣмъ и объясняется ихъ терпимость и снисхожденіе.

„Паломничество, знакомя ламъ съ разными странами, обычаями разныхъ народовъ, расширяетъ ихъ кругозоръ. Возвратившись, они дѣлятся своими наблюдениями съ согражданами и содѣйствуютъ ихъ развитію. Богатые монголы приглашаютъ ламъ въ качествѣ воспитателей къ своимъ сыновьямъ, или отдаютъ мальчиковъ въ монастыри. Въ Гумбумѣ было также много дѣтей. Они частенько сидѣли на крышахъ и нараспѣвъ читали молитвы“.

Въ Гумбумѣ ламъ насчитывается до четырехъ тысячъ. Какъ и въ другихъ монастыряхъ, они также дѣлятся на четыре разряда. Одни занимаются церковными службами, гадаютъ для мірянъ; изъ нихъ же набираются монастырскіе работники. Другой разрядъ составляютъ ламы, изучающіе священное писаніе. Третій разрядъ — врачи. Ламы четвертаго, высшаго разряда изучаютъ особья, недоступныя для другихъ, книги, соблюдаютъ строгіе обѣты,

*) Дзамба — корешки растенія „гусиная лапка“, которое въ большемъ употребленіи въ Тибетѣ, какъ пищевой продуктъ.

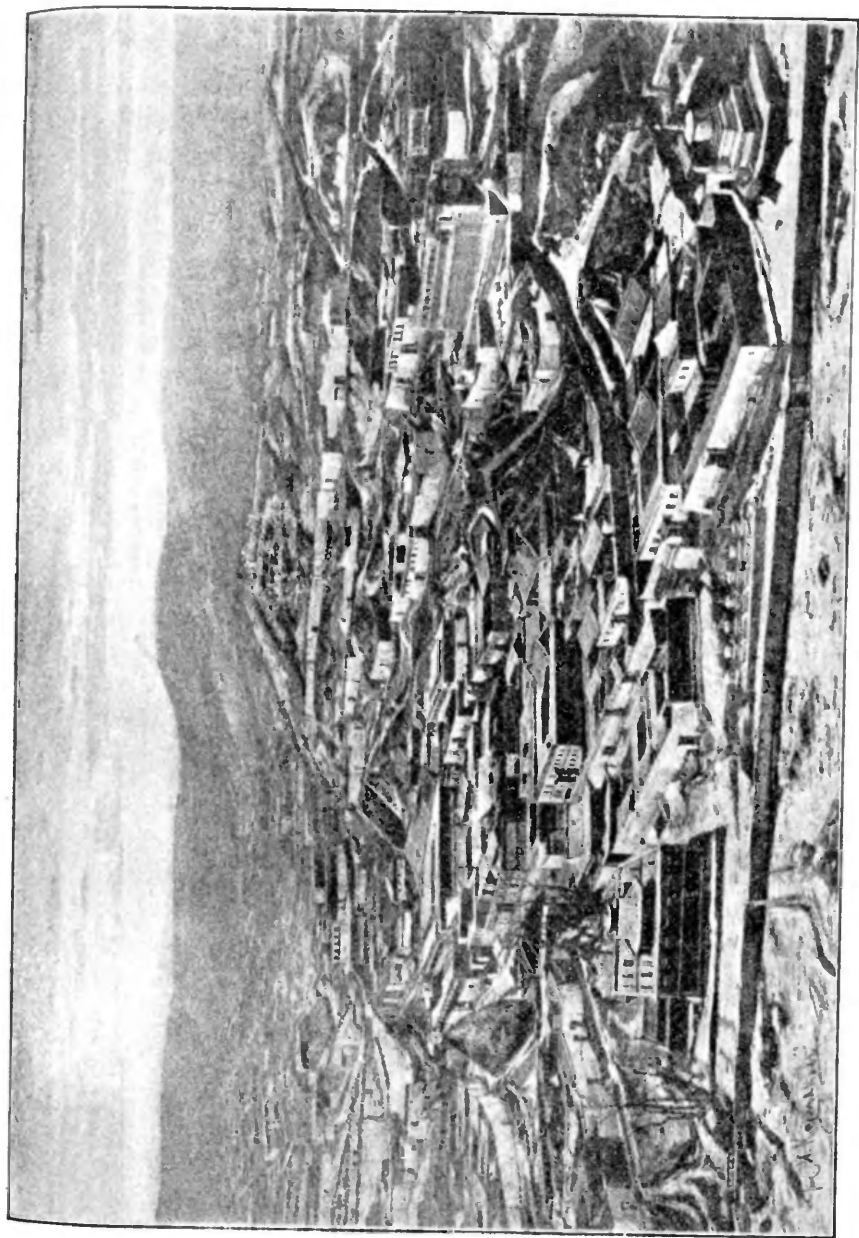
молятся много днемъ и встають на молитву ночью; ѣдятъ разъ въ день. Это нѣчто вродѣ нашихъ схимниковъ.

Одежда монаховъ состоитъ изъ длинной бѣлой юбки, второй юбки пунцовой, наполовину короче, безрукаваго камзоля и куска красной матеріи, которою драпируется верхняя часть тѣла. Руки и шея голы, голова не покрыта, исключая извѣстныхъ процессій, когда надѣваются шапочки особаго фасона, похожія на фригійскія. Костюмъ, какъ видитъ читатель, довольно живописенъ, въ особенности когда онъ чистъ. Шубъ ламы не носятъ. Отправляясь въ хураль на богослуженіе, они надѣвають желтыя мантии.

Оспаривая мнѣніе нѣкоторыхъ путешественниковъ, упрекающихъ ламъ въ лѣности и привычкѣ къ праздности и дармоѣдству, Ал. Викт. говоритъ, между прочимъ:

„Сколько я ни видѣла ламъ, все это народъ работающій и ремесленный. Въ монастыряхъ, кромѣ художниковъ, часто весьма искусныхъ, есть всякаго рода ремесленники. Помимо обязательныхъ монастырскихъ работъ, они зарабатываютъ собственное свое пропитаніе, такъ какъ отъ монастыря имъ дается только ничтожное количество ячменя и ничего больше“.

Въ половинѣ февраля новаго стilia въ Гумбумѣ праздновался новый годъ. Къ 13-му числу (т.-е. 1-е число 1-ой луны) Гумбумъ наполнился богомольцами. Въ этотъ день былъ большой чамъ внутри двора самага большаго храма. Зрители сидѣли на лѣстницахъ зданій, окружающихъ дворъ со всѣхъ сторонъ, а также на кровляхъ. Настоятель Гумбума, гэгень, сидѣлъ на галлерей, на высокому креслѣ, въ

Гумбуль.

парчевомъ облаченіи. Все время онъ былъ неподвиженъ, какъ статуя. Ламы въ маскахъ, выходя парами изъ храма, медленно съ пляской подвигались къ нему и кланялись. Затѣмъ двигались дальше, описывая кругъ. Всѣ пляшущіе ламы были въ уродливыхъ маскахъ: двое были съ бычачьими головами, двое съ оленьими; четверо мальчиковъ тоже съ оленьими и четверо съ мертвыми головами. Пальцы у мертвыхъ головъ были удлинены, а на груди разрисованы ребра. Были двѣ человѣческія маски съ карикатурными лицами. Эти двѣ маски вывели подъ руки еще маску, изображавшую лысаго старика съ огромной головой. За полы его халата держались четверо маленькихъ дѣтей съ пучками волосъ на бритой головѣ, какъ обыкновенно изображаютъ дѣтей на китайскихъ рисункахъ. Старика усадили на кресло; кругомъ разсѣлись дѣти. Эта комическая семья сильно разсмѣшила публику.

Замаскированные ламы были одѣты богато; плясали медленно, но стройно. Маленькія оленьи головы встали на колѣни передъ гэгеномъ и по крайней мѣрѣ съ полчаса мотали и крутили своими вѣтвистыми головами.

15-го числа въ Гумбумѣ былъ большой съѣздъ по случаю художественно-религіозной выставки.

Для устройства этой оригинальной выставки монахи дѣлають складчину, покупають козье масло, красятъ его въ разные цвѣта и вылѣпливають изъ него, подъ надзоромъ опытнаго художника, сложные барельефы. Эти барельефы называются „чоба“.

Когда совсѣмъ стемнѣло, къ путешественникамъ пришли ламы съ фонарями и повели смотрѣть „чоба“. Около главнаго храма стояла толпа и любовалась

на ярко освѣщенные щиты съ барельефами. Первый щитъ представлялъ треугольникъ сажени въ четыре вышины. На черной доскѣ была вытѣплена изъ масла огромная фигура далай-ламы. Въ рукѣ онъ держалъ цвѣтокъ и благодушно улыбался. Кругомъ треугольника шли медальоны съ фигурами разныхъ божествъ. Отъ главнаго щита шель цѣлый рядъ щитовъ поменьше съ изображеніемъ разныхъ бытовыхъ сценъ. Тутъ были цѣлыя флотиліи лодокъ, въ которыхъ сидѣли мандарины и ихъ дамы, были нагруженные слоны и верблюды, прудъ съ водяными птицами и т. д. На одномъ или двухъ щитахъ фигуры двигались съ помощью нехитраго механизма, и это доставляло большое удовольствіе невзыскательной публикѣ.

Зрителей съѣхалось множество. Они ходили, любовались и жертвовали въ пользу художниковъ деньги, кто сколько могъ. Въ одной палаткѣ играла музыка; въ другой ламы угощали чаемъ почетныхъ гостей.

Празднество продолжалось до полуночи. Затѣмъ, огни погасили, щиты сняли, масло соскоблили и, такимъ образомъ, въ короткое время уничтожили работу нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Вѣрующіе буддисты покупаютъ это масло, считая его цѣлебнымъ.

Славою своею Гумбумъ обязанъ историческимъ воспоминаніямъ, связаннымъ съ мѣстностью, въ которой онъ расположенъ. По преданію, здѣсь родился Цзонкава, знаменитый реформаторъ сѣвернаго буддизма, положившій начало ламаизму, или такъ-называемой „желтой вѣрѣ“. По книжному преданію, родители Цзонкавы жили постоянно гдѣ-то около Гумбума въ долинѣ рѣки Цзонка и пасли тамъ своихъ козъ.

У тибетцевъ, какъ и у монголовъ, есть много хубилгановъ, которые называются также хутухтами и гэгенами. Всѣ эти хубилганы живутъ въ монастыряхъ и чествуются какъ святые. О двухъ хубилганахъ-женщинахъ, Бѣлой и Зеленой Дарихэ, было уже говорено выше.

Самый главный хубилганъ есть далай-лама, земной правитель Тибета и духовный владыка всѣхъ буддистовъ. „Далай“ въ переводѣ значитъ: море, океанъ. Далай-лама считается воплощеніемъ бога Арья-бало, или Авало китешвары; это послѣ Будды самый популярный богъ у ламаитовъ. Чтобы познакомить читателя съ тѣмъ, какъ отыскиваются хубилганы, мы расскажемъ, какъ это дѣлается относительно Далай-ламы. Со всѣми остальными хубилганами поступаютъ точно такъ же, съ тою лишь разницею, что обстановка бываетъ иная; одни воспитываются въ роскоши, другіе проще.

Какъ только умретъ далай-лама, высшее духовенство удаляется въ одинъ изъ храмовъ и послѣ многихъ молитвъ, поста и чтенія священныхъ книгъ получаетъ откровеніе, что духъ божества долженъ возродиться въ младенцѣ съ такими-то и такими-то примѣтами. Принеся благодарственныя молитвы, ламы расходятся и оповѣщаютъ весь буддійскій міръ о примѣтахъ будущаго далай-ламы. Когда въ народѣ разойдется вѣсть объ этомъ, многіе родители, имѣющіе подходящихъ дѣтей, извѣщаютъ ламъ, и ламы осматриваютъ ихъ. Наконецъ, въ одномъ мальчикѣ всѣ примѣты найдены, и его съ матерью берутъ во дворецъ.

Первый далай-лама родился въ царскомъ семействѣ, и первое время всѣ его преемники рождались

въ той-же семьѣ. Но теперь очень часто божественный ребенокъ является у незнатныхъ и бѣдныхъ родителей.

Признаннаго далай-ламу тщательно воспитываютъ, слѣдятъ за каждымъ его шагомъ. Ламы съ жадностью всматриваются, не проявляется-ли въ ребенкѣ духъ его предшественника. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, ребенку показываютъ вещи умершаго; и если онъ къ нимъ тянется, то значитъ онъ признаетъ ихъ своими, и ламы торжествуютъ.

Когда ребенокъ начинаетъ понимать и говорить, его учатъ молитвамъ, и избранные ламы знакомятъ божественнаго младенца съ тѣмъ славнымъ прошлымъ, въ которомъ душа его принимала участіе въ своихъ прежнихъ воплощеніяхъ.

Лѣтъ пяти ребенка берутъ отъ матери и начинаютъ серьезно учить. Мать удаляютъ изъ дворца, дарятъ ей домъ, и она продолжаетъ вести прежній образъ жизни. Изрѣдка матери позволяютъ посѣщать ребенка, но это уже не ея сынъ, а святой, уже съ семилѣтняго возраста постриженный въ монахи, въ самый высокій разрядъ. Въ то же время онъ дѣлается настоятелемъ главнаго монастыря въ Тибетѣ. Онъ ведетъ суровый образъ жизни, участвуетъ въ богослуженіи, принимаетъ поклонниковъ и даетъ имъ благословеніе. Во время пріемовъ и богослуженія, этого 7-лѣтняго святого въ богатыхъ желтыхъ ризахъ съ огромною, украшенной драгоценностями діадемой на головѣ, сажаютъ на престолъ, поддерживаемомъ золотыми львами. Сидитъ онъ, обращенный лицомъ къ народу, и ему кадятъ золотыми кадильницами. Длинный рядъ его служителей, важныхъ ламъ, становится по сторонамъ его

престола. Послѣ богослуженія далай-ламѣ подають чай, наливая его изъ золотого чайника и на блюдѣ, рису. Далай-лама беретъ щепотку рису, а остальное раздается вѣрующимъ. Остатокъ чая выпивается тутъ-же, а рисъ многіе богомольцы завязываютъ въ платокъ и уносятъ домой. Затѣмъ богомольцы, одинъ за другимъ, подходятъ къ престолу и далай-лама, притрогиваясь палочкой до ихъ головы, благословляетъ ихъ.

Дворецъ далай-ламы стоитъ на холмѣ. Поднимаются туда по дорогѣ, обсаженной деревьями. Въ первомъ этажѣ большая зала, въ которой ничего нѣтъ, кромѣ молитвенныхъ мельницъ. За нею дверь, откуда ведетъ лѣстница во второй этажъ. Здѣсь стоитъ статуя бѣлаго слона, вышиною во всѣ три этажа зданія. Вокругъ слона идетъ галерея спиралью до самаго верха. По ней и поднимаются вѣрующіе. Уже по выходѣ отсюда богомольцы попадаютъ въ помѣщеніе самого далай-ламы, гдѣ онъ тоже принимаетъ поклонниковъ. На дворѣ, на могилахъ прежнихъ далай-ламъ, стоятъ пять субургановъ, богато украшенныхъ золотомъ.

Всѣ эти зданія, извѣстныя подъ именемъ „Краснаго дворца“, построены по уступамъ холма Поталы. Они связаны между собой общими кровлями, лѣстницами, галереями и если смотрѣть на нихъ снизу, то они представляются какъ-бы однимъ зданіемъ. Отсюда открывается великолѣпный видъ на окрестности и городъ Лассу, лежащій у подножія холма.

Въ Лассѣ больше храмовъ и монастырей, чѣмъ частныхъ домовъ; послѣдніе принадлежатъ знатнымъ лицамъ. Особенный характеръ городу прида-

еть разношерстная толпа, приходящая сюда для поклоненія. Тутъ можно встрѣтить и китайца, и русскаго бурята, и живописнаго жителя жаркой Индіи. Вся эта толпа въ своихъ національныхъ костюмахъ оживляетъ улицы и придаетъ имъ своеобразный видъ.

Въ каждомъ почти монастырѣ есть свой гэгень или хубилганъ, т.-е. воплощеніе какого-нибудь святого. Иногда ихъ бываетъ два, какъ, напр., въ Гумбумѣ. Одинъ изъ нихъ считается воплощеніемъ матери Цзонкавы, которая почему-то предпочитаетъ рождаться въ мужскомъ образѣ.

На дворѣ одного изъ гумбумскихъ храмовъ показываютъ дерево, выросшее на мѣстѣ рожденія Цзонкавы. На корѣ его замѣтны какія-то черточки, которыя, по мнѣнію ламъ, походятъ на тибетскія буквы, образующія какое-то изреченіе. Въ другомъ храмѣ показываютъ черепъ матери Цзонкавы, отдѣланный въ видѣ чаши. Буддисты, какъ извѣстно, сожигаютъ своихъ покойниковъ, но часто сохраняютъ черепъ и, обдѣлавъ его въ видѣ чаши, употребляютъ для питья.

За благочиніемъ въ монастырѣ наблюдаетъ „гецкуй“, или полицмейстеръ. Ламы его очень боятся, и лишь только завидятъ, тотчасъ прекращаютъ разговоры и берутся за книги. Впрочемъ, молодымъ монахамъ въ праздники дозволяются игры. Монахи собираются на площади и увлекаются оригинальной забавой: навязавъ на лобъ ременный обручикъ съ гнѣздомъ для шарика, они ловятъ лбомъ бросаемый шарикъ.

За постой въ монастырѣ съ русскихъ путешественниковъ не брали опредѣленной платы; тѣмъ

не менѣе этотъ постой имъ очень дорого обошелся. Безпрестанно приходили депутаціи отъ разныхъ общинъ и храмовъ, и всѣмъ нужно было давать деньги. Передъ праздникомъ барельефовъ путешественникамъ предложили принять участіе въ складчинѣ; тоже нельзя было отказаться.

Гумбумъ былъ выбранъ для зимовки не только ради этнографическаго интереса. Г. Потанинъ рассчитывалъ встрѣтить здѣсь монголовъ, пришедшихъ изъ-за Гоби и разузнать у нихъ о дорогѣ. Затѣмъ онъ надѣялся дешево купить верблюдовъ, но послѣдній расчетъ не оправдался. Верблюды, дѣйствительно были не дороги, но, къ несчастію, чрезвычайно плохи. Богомольцы пріѣзжаютъ въ Гумбумъ на верблюдахъ съ тѣмъ, чтобы тутъ продать ихъ; понятно, что они выбираютъ изъ стада самыхъ плохихъ, дорогой не берегутъ ихъ. Словомъ; купленные верблюды были истощены до такой степени, что ни одинъ изъ нихъ не дошелъ до Кяхты.

Караванъ былъ составленъ изъ прежнихъ служителей санчуанцевъ. Узнавъ, что Сантанъ-джимба провожаетъ экспедицію до Кяхты, они объявили, что съ нимъ пойдутъ куда угодно, хоть на край свѣта. На зиму эти санчуанцы отпущены были по домамъ, но къ веснѣ всѣ явились, въ томъ числѣ и Самбарча. Послѣдній привелъ еще двухъ тангутовъ. Все это были опытные люди и хорошіе работники, но, къ сожалѣнію, они не умѣли управлять верблюдами. Для такого дѣла нужны были монголы, уроженцы монгольской плоскости, но таковыхъ въ Гумбумѣ не оказалось. Пришлось набирать вожakovъ изъ ламъ, которые оказались потомъ никуда негодными.

Передъ отъѣздомъ, члены экспедиціи съѣздили въ Сининъ, чтобъ поблагодарить амбаня за покровительство, оказанное экспедиціи. Амбань прикомандировалъ къ экспедиціи двухъ чиновниковъ, поручивъ имъ проводить караванъ черезъ Амдосское нагорье до самаго выхода на Монгольскую плоскость.

Нань-шань.

10-го апрѣля экспедиція оставила Гумбумъ и направилась прямо къ озеру Хуху-норъ. Не доходя Донкыра, кончается лѣсистая область Тибета. Городъ Донкыръ лежитъ уже въ безлѣсной долинѣ, окруженной горами съ легкими очертаніями. 12-го путешественники прибыли въ городъ Донкыръ и остановились у богатаго тангута, служившаго проводникомъ Пржевальскому. Такъ какъ Донкыръ былъ послѣдній китайскій городъ, то рѣшено было пробыть здѣсь нѣсколько дней.

Въ Донкырѣ путешественники познакомились съ двумя видными китайскими генералами одинъ носить имя Хай-та-жень; другой былъ Сянъ-шень, мѣстный ученый. Хай-тажень былъ масульманинъ и въ шестидесятихъ годахъ принималъ участіе въ возстаніи мусульманъ, но при поворотѣ счастья на сторону китайцевъ, счелъ за лучшее передаться послѣднимъ, за что и получилъ шарикъ на шапку. Сянъ-шень былъ мандаринъ съ краснымъ шарикомъ. Знакомство съ этими двумя лицами было очень полезно путешественникамъ. Они приобрѣли множество свѣдѣній относительно тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя имъ предстояло пройти. Сянъ-шень принесъ цѣлую книгу съ описаніемъ Сининскаго округа при картѣ. Многія изъ

этихъ свѣдѣній оказались потомъ неточными; особенно плоха была карта, но все-таки она сослужила службу, какъ руководная нить для дальнѣйшихъ изысканій.

Въ Донкырѣ прибыло серебро, посланное однимъ любителемъ естествознанія Березовскому, чтобы дать ему возможность пробыть еще годъ въ Гань-су для изученія мѣстной фауны. Съ грустью разстался товарищи съ Березовскимъ, и Березовскій невольно позавидовалъ тѣмъ, кто возвращался на родину.

18-го апрѣля экспедиція вышла изъ Донкыра и направилась черезъ Уланъ-усу на Хуху-норъ. Переходъ былъ томительно скученъ. Растительность еще не пробуждалась къ жизни; первые цвѣты появились только за Нань-шанемъ, передъ выходомъ на монгольскую плоскость.

Деревня Баянъ была послѣднимъ осѣдлымъ пунктомъ, черезъ который проходила экспедиція. Далѣе начинались земли кочевниковъ.

На всемъ пространствѣ отъ Гумбума до Баяна видны были влѣво отъ дороги высокія вершины хребта, по мѣстамъ покрытыя снѣгомъ.

На озеро Хуху-норъ экспедиція пришла 22-го апрѣля. Не доходя семи верстъ до озера, она достигла высшей точки перевала, поднимавшагося надъ Донкыромъ на 620 метровъ.

Съ перевала открылся видъ на озеро. Оно было покрыто льдомъ; горы на южномъ берегу были задернуты лёссовою мглою. Вся картина, вообще, не произвела на путешественниковъ особаго впечатлѣнія.

Небольшой перешеекъ отдѣляетъ озеро Хуху-норъ отъ маленькаго озера Дереноръ, которое, надо думать, составляло прежде часть Хуху-нора.

Окружность озера равняется 300—350 верстамъ. Туземцы говорятъ, что нужно двѣ недѣли для обхода его пѣшкомъ, и 7—8 дней для объѣзда на лошади. Въ западной части озера, верстахъ въ 20 отъ берега, лежитъ скалистый островъ, на которомъ построена кумирня.

Преданіе гласитъ, что это озеро находилось прежде на томъ мѣстѣ, гдѣ теперъ Ласса. Разгнѣванный Будда перенесъ его сюда, чтобъ затопить окрестность. Много погибло людей и скота. Наконецъ, Будда сжалился, повелѣлъ огромной птицѣ принести утесъ и заткнуть имъ дыру, изъ которой вода лилась неудержимо.

Втеченіе нѣсколькихъ дней путешественники объѣзжали берега Хуху-нора и описывали ихъ. На степи паслись огромныя стада антилопъ и хулановъ *). Травка уже пробивалась. Въ долинѣ Датунъ-гола ***) виднѣлись черныя палатки хара-тангутовъ, и ходилъ домашній скотъ. Дно долины представляло кочковатую поверхность, а между кочками образовался налетъ вродѣ войлока отъ особаго рода мха, который сбивается такъ плотно, что заросль его бываетъ похожа на туго набитую подушку.

Оживленія природы въ долинѣ еще мало было замѣтно. Встрѣчались ангирь, гуси и ястреба. Былъ слышенъ крикъ красноносыхъ галокъ и свистъ пищухъ. Сухіе горные скаты и дно долины были до того изрыты ихъ норами, что мулы безпрестанно проваливались и спотыкались. У иныхъ норокъ сидѣли эти забавныя звѣрки, съ любопытствомъ поглядывая на проѣзжающихъ.

5-го мая на ночлегѣ близъ горъ Рдонсугъ съ

*) Фауна Хуху-нора, см. Пржевальскій, изд. Девриена.

**) У Пржевальскаго Тэтунгъ-голь.

экспедиціей случилось неприятое приключеніе. Пока люди ставили палатки, стадо барановъ убѣжало въ горы. Посланные за ними пятеро людей пришли ни съ чѣмъ, такъ какъ начался снѣжный буранъ и кругомъ ничего не стало видно. Буранъ продолжался всю ночь. Утромъ Самбарча нашелъ барановъ въ какой-то котловинѣ.

Горная система, отдѣляющая Амдосское нагорье отъ Монгольской плоскости, состоитъ изъ трехъ параллельныхъ горныхъ цѣпей, протянувшихся съ запада на востокъ. Между этими цѣпями лежатъ двѣ параллельныя долины, по которымъ протекаютъ Датунъ-голь и Едзинъ-голь. Переваливъ черезъ одну цѣпь и пересѣкши долину Датунъ-гола, караванъ сталъ подниматься на вторую цѣпь. На сѣверной сторонѣ перевала было такъ много снѣга, что верблюдовъ спускали по одиночкѣ, поддерживая веревками. Внизу, снѣгу совсѣмъ не было; дно долины было болотисто, и это еще болѣе затрудняло верблюдовъ.

Съ ночлега у рѣки большой Рдонсугъ открылся видъ на Нань-шань, за которымъ уже начинается Монгольская плоскость.

8-го мая караванъ остановился на ночлегъ въ живописной долинѣ Бага-Рдонсугъ, у подошвы горы, покрытой еловымъ лѣсомъ. Отсюда онъ направился въ монастырь Па-баоръ-сы, стоящій на слияніи рѣкъ Едзина и Бардуна. Это слияніе противъ самаго монастыря образуетъ озеро, версты въ двѣ ширины, и видъ на монастырь, у подножія лѣсистой горы очень живописенъ. Самъ-же монастырь очень бѣденъ, въ немъ всего нѣсколько келій и 30 монаховъ. За монастыремъ каравану пришлось переходить вбродъ

Едзинъ и Бардунъ, рѣки довольно широкія, при порядочной глубинѣ. Дно, заваленное камнями, сильно затрудняло проходъ. Опять была маята съ верблюдами. Каждого верблюда одинъ человекъ велъ подъ уздцы, а два конные, или пѣшіе, сопровождали по бокамъ, поддерживая выюки. Послѣ такой переправы, и люди и животныя нуждались въ продолжительномъ отдыхѣ; въ особенности люди, которые къ тому же еще до костей промокли.

Стоянка 12-го мая въ урочищѣ Уланъ-булыкъ осталась памятною по нападенію волка на стадо барановъ. Ночью, путешественники были разбужены тревогой; стадо барановъ шарахнулось и побѣжало въ горы. Работники пустились за стадомъ, но въ ночной темнотѣ не могли разыскать его; пришлось подождать утра. Утромъ оказалось, что бараны разбѣжались по разнымъ горамъ; восемь было зарѣзано волкомъ, изъ нихъ шесть тушъ уцѣлѣли; двѣ же остальные были изорваны въ клочки.

Бараны до того перетрусились, что убѣгали отъ людей и взбирались на неприступныя скалы, откуда ихъ нельзя было достать. Два совсѣмъ пропали. Одинъ изъ тангутовъ выслѣдилъ волка и убилъ его. Волкъ оказался такимъ тощимъ, что не стоило снимать шкуры.

Тибетскіе бараны, вообще, доставляли экспедиціи гораздо больше хлопотъ, чѣмъ бараны монгольскіе; потому-ли, что были глупѣе, или потому, что они привыкли къ охранѣ злющихъ тибетскихъ собакъ, которыхъ при экспедиціи не было. Загонъ на ночевку въ лагерь этихъ животныхъ всегда стоилъ рабочимъ большого труда. Лагерь располагался всегда такимъ образомъ: палатки, выюки, верблюды, поло-

женные на ночь, образовывали непрерывное кольцо съ однимъ только промежуткомъ для входа. Въ этотъ то промежутокъ и загонялись съ большимъ трудомъ бараны. Ринувшись сломя голову въ лагерь, стадо обыкновенно останавливалось, но если, храни Богъ, гдѣ нибудь, по недосмотру, оказывался между выюками промежутокъ, тогда кончено. Стадо бросалось туда, словно ртуть выливалось въ отверстіе; и бѣжало стремглавъ въ горы. Тогда скучную процедуру загона приходилось начинать сначала, а если наступала темнота, то и совсѣмъ отъ нея отказаться.

На переходѣ съ Уланъ-булыка на Нагачирь, при переправѣ черезъ холодныя рѣки, верблюды вдругъ обезсилѣли. Съ ними дѣлалось что-то совсѣмъ особенное. Животное начинало дрожать, у него внезапно подкашивались ноги, оно падало, и его ужъ никакими силами нельзя было поднять съ мѣста. Монголы увѣряли, что высокіе гольцы видомъ своимъ пугаютъ животныхъ. Провѣрить это замѣчаніе было трудно, но если даже люди, при видѣ этихъ гольцевъ, испытываютъ безотчетный страхъ, называемый горнымъ испугомъ, то почему же не допустить этого же для животныхъ. Но и самый страхъ не дѣйствовалъ бы, можетъ быть, такимъ роковымъ образомъ на животныхъ, еслибъ они не были уже ранѣе истощены.

Г. Скасси встрѣчалъ подобное явленіе во время своего путешествія по Туркестану. Онъ былъ свидѣтелемъ, какъ во время похода на высокіхъ горахъ около половины верблюдовъ сразу лишились силъ^{*)}).

Приходилось подумать о томъ, какъ бы совершенно

*) То же приблизительно описываетъ Дарвинъ въ своемъ путешествіи по Кордильерамъ.

не остаться безъ животныхъ. По просьбѣ г. Потанина, одинъ изъ китайскихъ чиновниковъ поѣхалъ къ живущему по близости племени шира-егуровъ, чтобъ нанять у нихъ яковъ.

Втеченіе двухъ дней караванъ пересѣкъ три поперечныхъ долины и вышелъ на рѣчку, впадающую въ Бардунъ.

Побочныя рѣчки, текущія съ юга, замѣчательны тѣмъ, что ежедневно, въ опредѣленный часъ, онѣ мѣняютъ цвѣтъ воды. Ночью и раннимъ утромъ вода въ нихъ прозрачна; въ 10 ч. утра она мутнѣетъ и принимаетъ ярко-красный цвѣтъ. Влившись въ Бардунъ, рѣчка не сразу окрашиваетъ его; красная полоса идетъ сначала вдоль берега и только въ два часа пополудни рѣка окрашивается вся. Это окрашиваніе происходитъ отъ размыванія глинистыхъ отложений въ верхнихъ частяхъ рѣки *). Окрашиваніе происходитъ такъ равномерно, что можетъ замѣнить часы.

Вечеромъ 17-го мая прибылъ шира-егурскій старшина и привелъ шестнадцать яковъ. Караванъ могъ теперь двинуться въ путь, но его задержалъ снѣгъ выпавшій за ночь. Снѣгъ этотъ скоро растаялъ, или вѣрнѣе, испарился. Платокъ, брошенный на снѣгъ, и закиданный имъ, оказался совершенно сухимъ.

На послѣдней стоянкѣ найдено было много окаменѣлостей. Самбарча, отправившійся на охоту з насѣкомыми, случайно попалъ на камень, состоявшій изъ трубочекъ коралла. Онъ тотчасъ же прибѣжалъ въ лагерь сообщить о своей находкѣ, и Григ. Ник. пошелъ съ нимъ вмѣстѣ. Когда камень распался подъ ударомъ геологическаго молотка, изъ него высвобо-

*) Оедченко наблюдалъ такое же явленіе на туркестанскихъ рѣкахъ.

дились открывшіяся въ немъ раковины. Надо было видѣть удивленіе Самбарчи при такомъ открытіи. Возвращаясь въ лагерь, г. Потанинъ разсказалъ Самбарчѣ, какимъ образомъ раковины попали въ камень. Черезъ часъ въ палаткѣ рабочихъ громко раздавался голосъ Самбарчи; онъ читалъ своимъ товарищамъ геологическую лекцію.

Удрученное состояніе верблюдовъ принудило путешественниковъ отказаться отъ первоначальнаго плана итти по Бардуну до его верховьевъ. Пришлось бросить продольную долину, по которой караванъ шелъ отъ перевала Рдонсугъ четырнадцать дней и какъ можно скорѣе спуститься на плоскость, чтобы въ горячемъ климатѣ дать животнымъ поправиться и укрѣпиться для перехода черезъ центральную Монголію.

Караванъ оставилъ большую дорогу и повернулъ къ подошвѣ горы Гольцзинъ-дабанъ. Три верблюда, шедшіе безъ вьюковъ, не дошли до ночлега и легли. Ночью сдѣлался сильный буранъ. Началось градомъ, который потомъ смѣнился снѣгомъ. Утромъ на скалахъ кричали уллары. Воинственные шира-егуры полѣзли за ними и убили двухъ птицъ для коллекціи.

Утромъ всѣ вьюки были сняты съ верблюдовъ и положены на яковъ, и караванъ сталъ подниматься на переваль.

Теперь путешественники находились на сѣверной сторонѣ Нань-шаня, но отсюда было еще далеко до монгольской плоскости. Спускъ въ восточной части Нань-шаня, гдѣ пересѣкалъ его Пржевальскій, значительно короче. Въ западномъ же Нань-шанѣ дорога не сразу спускается на плоскость. Въ меридіанѣ города Гао-тай, гдѣ находились путешественники, встрѣ-

чается цѣлый лабиринтъ предгорій, горныхъ проходовъ, сложной системы рѣчекъ, обходныхъ тропинокъ и всякихъ другихъ препятствій. Неудивительно, что на этотъ переходъ понадобилось много времени.

27-го мая караванъ дневалъ на р. Хсанѣ, на высотѣ 3400 фут., вблизи стойбища шира-егуровъ.

Изъ стойбища въ станъ пріѣхали гости и привезли въ подарокъ молока и масла, а на продажу муки и соли. Последнее было пріятнѣе перваго, такъ какъ мука подходила къ концу, а соль уже вышла, и цѣлыя сутки путешественники сидѣли безъ соли.

Со стоянки на Хсанѣ экспедиція пошла по горамъ, окаймлявшимъ долину. Дорога была чрезвычайно тяжела и мѣстами непроходима. Люди посылались впередъ съ мотыками и кирками расчищать дорогу. Въ одномъ мѣстѣ они крошили скалу, въ другомъ насыпали со стороны обрыва валикъ; промоины заваливали камнями. Пока при экспедиціи были яки, верблюды могли итти безъ вьюковъ; но съ урочища Укиръ-када сопровождавшіе экспедицію егуры замѣнены были другимъ егурскимъ племенемъ, и число яковъ убавилось. Часть багажа пришлось навьючить на верблюдовъ. Хотя верблюды и отдохнули, но не настолько, однакожъ, чтобы съ легкостью одолѣвать трудный путь. Особенно тяжело было итти по лѣсистымъ ущельямъ, заваленнымъ корягами и камнями. Приходилось разгружать верблюдовъ и багажъ переносить на рукахъ.

На Хараръ-голѣ 30-го мая экспедицію ожидала большая компанія шира-егуровъ, выѣхавшихъ ее встрѣтить.

„Насъ встрѣтили ламы изъ ближайшаго монастыря, рассказываетъ г. Потанинъ и съ ними та-туму,

самый старшій изъ старѣйшинъ шира-егурскаго народа. Та-туму, старикъ 68 лѣтъ, хотя по годамъ и былъ моложе Сантанъ-джимбы, но казался на десять лѣтъ его старше и дряхлѣе. При немъ была большая свита. Ламы привезли муки, рису, пряженаго на маслѣ хлѣба; Та-туму поднесъ изюму, сахару, прѣснаго и кислаго молока. Большая синяя палатка была уже поставлена. Насъ пригласили въ палатку вмѣстѣ со всѣми нашими слугами, посадили рядами и угостили чаемъ. Палатка была такъ велика, что свободно вмѣщала 50 человѣкъ“.

Шира-егурская интеллигенція старалась выразить путешественникамъ свое сочувствіе. Только и рѣчей было о томъ, какъ они много натерпѣлись, какъ долго плелись по высокимъ горамъ и т. д. Узнавъ о недостаткѣ у экспедиціи провизіи, егурское начальство распорядилось привезти что нужно, чтобы караванъ безъ нужды могъ дойти до ближайшаго китайскаго города.

Здѣсь, наконецъ, кончились злключенія экспедиціи. Она находилась теперь на сѣверномъ склонѣ хребта, откуда шель уже непрерывный спускъ вплоть до монгольской плоскости.

Проходя по грядѣ между долинами Ргамъ-гола и Иргыла, путешественники видѣли черныя палатки шира-егуровъ. Изъ одной такой палатки старикъ шира-егуръ, вмѣстѣ съ своей женой, вынесъ на дорогу ведро квашенаго молока и очень радушно угостилъ людей каравана. Обычай выносить путникамъ освѣжающій напитокъ существуетъ въ Амдо почти повсемѣстно.

2-го іюня экспедиція прибыла въ Ли-юань-инь, ничтожный китайскій городишко съ населеніемъ всего въ тысячу душъ.

Добродушный Ли-юань-иньскій мандаринъ былъ очень доволенъ прибытіемъ европейцевъ, которые хотя временно могли разогнать скуку, на которую онъ обреченъ, живя въ бѣдномъ городкѣ, затерявшемся въ бесплодныхъ горахъ Нань-шаня. Онъ давно уже зналъ, что они идутъ въ Ли-юань-инь, безпокоился о нихъ и три раза выѣзжалъ къ нимъ навстрѣчу. Ему-то путешественники и были обязаны встрѣчей, которую имъ устроили шира-егуры. Гг. Потанинъ и Скасси сдѣлали визитъ мандарину, чтобы лично поблагодарить его за вниманіе. На другой день мандаринъ пріѣхалъ верхомъ къ стану, разбитому за городомъ. Впереди его несли зонть, поднесенный ему мѣстнымъ населеніемъ въ знакъ благодарности за мудрое и справедливое управленіе. Такіе зонты замѣняютъ въ Китаѣ наши европейскіе адреса.

Затѣмъ произошелъ обычный обмѣнъ подарковъ. Мандаринша прислала овощей, за что была отдарена кораллами. На прощанье мандаринша прислала спросить, нѣтъ-ли у путешественниковъ европейскаго мыла.

Выѣздъ экспедиціи изъ города сопровождался такими же церемоніями, какъ и раньше въ Боу-нанѣ. Такъ какъ палатки стояли за городомъ, то каравану пришлось итти черезъ весь городъ. Мандаринъ верхомъ встрѣтилъ экспедицію за городскими воротами. У воротъ былъ выстроенъ отрядъ городской милиціи, т.-е. человекъ пятнадцать китайцевъ. Едва путешественники поровнялись съ ними, раздались выстрѣлы, и солдаты, вставъ на колѣни, поклонились до земли.

Въ Ли-юань-инѣ путешественники должны были разстаться съ шира-егурами, которые на своихъ якахъ перевезли весь багажъ экспедиціи черезъ Нань-шань. Гр. Ник. очень жалѣлъ, что ему не удалось съѣз-

дить въ стойбища этого интереснаго племени и поближе съ нимъ познакомиться. Ему удалось узнать только, что племя это кочуетъ въ сѣверныхъ долинахъ Нань-шаня, между меридіанами Гань-чжоу и Су-чжоу. До мусульманскаго возстанія, егуры были

многочисленнѣе; во время же возстанія сильно пострадали. Теперь ихъ насчитывается до 800 семей, раздѣленныхъ на семь „отоковъ“, изъ которыхъ пять восточныхъ говорятъ монгольскимъ языкомъ и называются шира-егурами; два западныхъ говорятъ тюркскимъ языкомъ и называются хара-егурамъ.

Всѣ егуры, какъ монгольскихъ, такъ и тюркскихъ отоковъ ламаиты. Это почти

единственные тюрки, за исключеніемъ маленькаго племени сойотовъ на озерѣ Қосоголѣ, которые исповѣдуютъ буддѣйскую вѣру.

Долина нижняго Едзина.

Изъ Линь-юаня Монгольской плоскости не видно. Она загорожена горами. Вскорѣ по выходѣ изъ города, караванъ перевалилъ черезъ невысокую сѣдловину и началъ спускаться на плоскость. Здѣсь горы

Лабсань, хара-егуръ.

круто обрываются, и пространство между хребтомъ и деревней Ша-хэ представляетъ пустыню, только на сѣверѣ оживленную жилищами и садами, расположенными вдоль арыковъ.

Для большинства рабочихъ каравана видъ безграничной равнины былъ никогда невиданной картиной. Особенно удивлялся наблюдательный Самбарча. Но на эту картину не долго пришлось любоваться. Подулъ западный вѣтеръ и наполнилъ воздухъ такою пылью, что весь пейзажъ и даже оставшіяся позади горы скрылись за нею. Но вотъ пыль стала рѣдѣть, и сквозь нея начали понемногу просвѣчивать растущія вдоль арыковъ деревья, крестьянскія фанзы, обсаженные высокоствольными ивами и фруктовыми деревьями.

У деревни Ша-хэ караванъ вышелъ на большую дорогу, съ сильно населенными окрестностями. Въ иныхъ мѣстахъ оросительныя каналы тянулись въ три ряда. Попадались лѣсныя насажденія. Часть этой дороги, между городами Гань-чжоу и Гао-тай, орошается рѣкою Едзиномъ и его притоками, питающими арыки. Добравшись до плоскости, путешественники рѣшили дать продолжительный отдыхъ верблюдамъ. По справкамъ, оказалось, что удобныя для такой стоянки мѣста нужно было искать по близости Гао-тая. Туда и направились путешественники.

6-го іюня, облюбовавъ подходящее мѣстечко около деревни Ши-у-ли-пу, путешественники расположились бивуакомъ, рассчитывая пробыть здѣсь довольно долго. На этой стоянкѣ совсѣмъ неожиданно образовалось европейское общество. Нѣкто Сплингартъ, когда-то занимавшійся скупкою шерсти въ Гуй-хуа-ченѣ, а потомъ поступившій на китайскую службу и полу-

чившій мѣсто томоженнаго чиновника въ городѣ Су-чжоу, выѣхалъ изъ Су-чжоу въ Гань-чжоу, чтобы повидаться съ епископомъ Гаммеромъ. Сплингартъ ѣхалъ верхомъ, а въ большой китайской телегѣ съ навѣсомъ изъ циновокъ, ѣхали его жена, дочери, маленькій сынъ и нѣсколько слугъ. Такъ какъ лагерь экспедиціи находился недалеко отъ дороги, Сплингарта увидали и попросили остановиться. Сплингартъ самъ былъ радъ встрѣчѣ съ европейцами. Онъ разбилъ свою палатку и пробылъ въ русскомъ лагерѣ болѣе сутокъ; въ то же время изъ Гань-чжоу пріѣхалъ англичанинъ Паркеръ и русскій купецъ Ерзовскій, и общество очень пріятно провело время.

Около трехъ недѣль экспедиція простояла на одномъ мѣстѣ, чтобы дать возможность верблюдамъ окрѣпнуть. Но верблюды не поправлялись. Обмѣнять ихъ тоже не удалось. Пришлось нанять подъ багажъ телѣги, въ которыхъ китайскіе крестьяне договорились доставить багажъ до ставки торгоутскаго князя (бэйли) въ низовьяхъ Едзина. Путешественники намѣрены были спуститься по Едзину до озера, въ которое онъ впадаетъ, пересѣчь Гоби и хребты, составляющіе продолженіе монгольскаго Алтая, и выйти на озеро Орокъ-норъ, лежащее при южной подошвѣ Хангая.

25-го іюня экспедиція двинулась въ путь и пошла по солончаковой равнинѣ, которая тянется на многіе десятки верстъ. По дорогѣ солончакъ утрамбованъ, но чуть ступить въ сторону, солончакъ становится рыхлымъ, и нога вязнетъ.

Въ деревняхъ этой обиженной природою мѣстности крестьяне-китайцы живутъ очень бѣдно. Хлѣбопашествомъ они не занимаются; изъ скота держатъ только коровъ. Эти бѣдняки только тѣмъ и суще-

ствують, что получаютъ отъ проѣзжающихъ, перепродавая имъ припасы, которые сами покупаютъ въ другихъ мѣстахъ.

Чтобъ попасть въ Чжинъ-та-сы, куда лежалъ путь экспедиціи, нужно было пересѣчь солончакъ, ширина котораго доходитъ въ этихъ мѣстахъ до 4—5 верстъ.

На послѣдней стоянкѣ путешественники узнали, что середина солончака топкая. Цѣлый караванъ въ двадцать китайскихъ телѣгъ завязъ въ этой трясинѣ, и жители сосѣдней деревни заняты были вытаскиваніемъ этихъ несчастныхъ. Женщины и дѣти на заднихъ телѣгахъ ночевали въ трясинѣ уже двое сутокъ и изъ деревни имъ возили хлѣбъ и другую провизію.

„Вамъ ни за что не попасть на ту сторону, пока не освободится дорога отъ завязшихъ телѣгъ“, говорили путешественникамъ туземцы.

Утромъ рано караванъ со стоянки двинулся въ путь. Впереди поѣхалъ экипажъ Сплингарта, за нимъ потянулись повозки экспедиціи и верблюды. Достигнувъ окраины террасы, съ которой открывается видъ на солончакъ, путешественники дѣйствительно увидели увязнувшія телѣги. Отъ ближайшей телѣги, застрявшей саженьхъ въ сорока, тянулась черная полоса размятой грязи. На всемъ солончакѣ копошились люди, разгружавшіе телѣги. Многіе находились въ грязи чуть не по поясъ. Разгрузивъ телѣгу, въ нее впрягали до десятка лошадей и съ помощью такого же, если не большаго, количества людей, выводили на берегъ. Можно себѣ представить, сколько на это требовалось времени. Экспедиціи не оставалось ничего болѣе, какъ расположиться лагеремъ на окраинѣ и выжидать, пока не освободится послѣдняя телѣга. У Сплингарта не хватило терпѣнія, и онъ отправился

другой, обходной дорогой. Г. Скасси попытался пересѣчь солончакъ въ другомъ мѣстѣ, но безуспѣшно. На глазахъ путешественниковъ выѣхалъ на солончакъ крестьянинъ съ двумя телѣгами, нагруженными жердями. Вдругъ онъ сталъ быстро выбрасывать жерди, стараясь, очевидно, облегчить телѣги.

Самбарча оказался счастливецъ. Послѣ двухчасовыхъ поисковъ, онъ вернулся и сообщилъ, что нашелъ безопасный путь. Дѣло въ томъ, что еще наканунѣ крестьянинъ сосѣдней деревни сообщилъ по секрету Сантанъ-джимбѣ, что черезъ солончакъ есть хорошая дорога, но дать указанія не согласился. Очевидно, что окрестное населеніе нарочно замалчивало хорошую дорогу, чтобъ поживиться на счетъ путешественниковъ, которые попадутся въ бѣду. Засѣвшій въ грязи китайскій караванъ обезпечилъ, вѣроятно, зимнее продовольствіе окрестному населенію.

По указанію Самбарчи, переправлены были сперва верблюды, а вслѣдъ за ними перебрались телѣги и люди вполнѣ благополучно.

Города Чжинъ-та-сы и Му-минъ, лежавшіе на пути экспедиціи, такъ ничтожны, что о нихъ сказать рѣшительно нечего. За Му-миномъ вскорѣ кончается мѣстность, населенная осѣдлыми жителями. Убыль растительности становится болѣе и болѣе замѣтною. Когда отъ рѣки идешь прочь, сперва кончается лѣсъ, встрѣчающійся потомъ изрѣдка, въ видѣ небольшихъ рощицъ, потомъ появляется кустарникъ, который въ свою очередь смѣняется уже совсѣмъ бесплодной мѣстностью. Здѣсь нѣтъ даже той шаршавой растительности, которой отличаются ордосскіе чайдамы; песокъ и кое-гдѣ кустики осоки—вотъ и все. Замѣтно надвигается пустыня.

Отъ Му-мина до ставки торгоутскаго бэйли экспедиція шла вдоль Едзина на нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки. Между урочищами Нарымъ и Цаганъ-бурюкъ появились жилища торгоутовъ.

Урочище Цаганъ-бурюкъ состоитъ изъ песчаныхъ бугровъ, поросшихъ тамарискомъ и хармыкомъ. Кусты тамариска цвѣли, а хармыки, достигавшіе роста человѣка, были густо увѣшаны спѣлыми ягодами. Это очень красило бѣдное урочище. Характеръ пустыни здѣсь уже началъ сказываться въ полузасохшихъ кустарникахъ и искалѣченныхъ деревьяхъ. Только розовыя вѣтви тамариска, свободно раскинувшіеся вверхъ, и согнувшіеся подъ грузомъ рубиновыхъ ягодъ вѣтки хармыка придавали жизненность пейзажу. Тутъ же встрѣчался кустарникъ „*Nitraria sphaerorhyza*“, открытый Пржевальскимъ. Это растеніе замѣчательно тѣмъ, что оно всасываетъ мякоть своихъ ягодъ, такъ что въ спѣломъ состояніи ягоды превращаются въ пузыри, наполненные воздухомъ.

На степи поднимается скалистая гора Дзерчжи-ванчикъ. Торгоуты считаютъ ее священной и говорятъ, что она пришла сюда изъ Цзамбулена.

Отъ Цаганъ-бурюка караванъ опять пошелъ по Едзину и 20-го іюля расположился лагеремъ въ пяти верстахъ отъ ставки торгоутскаго бэйли, на лѣвомъ берегу Едзина.

Здѣсь все было иначе, чѣмъ въ ставкѣ Джунгорскаго князя. Бэйли жилъ такъ же, какъ и всѣ его подданные, чисто пастушескою жизнью, перекочевывая съ мѣста на мѣсто.

Здѣсь путешественники должны были отпустить китайскихъ возчиковъ съ телѣгами изъ Гао-тая и нанять верблюдовъ для перехода черезъ Гоби; безъ

помощи бэйли нельзя было обойтись. Поэтому между лагеремъ экспедиціи и ставкой бэйли завязались частыя сношенія. Путешественники сдѣлали визитъ бэйли, послѣ чего онъ былъ нѣсколько разъ въ лагерѣ; наконецъ, и г-жа Потанина получила приглашеніе посѣтить жену бэйли.

„Зная, что меня уже ждетъ знакомая монгольская обстановка“, рассказываетъ Алек. Викт., „я гораздо меньше волновалась, чѣмъ при посѣщеніи какой-нибудь китаянки, гдѣ мнѣ предстояло встрѣтить тысячу непонятныхъ для меня церемоній. Старику Сантанъ-джимбѣ и мнѣ осѣдлали лошадей и мы отправились“.

Ставка вана*), какъ изъ вѣжливости называютъ его торгоуты, не представляла ничего внушительнаго; только войлоки на нѣкоторыхъ юртахъ были побѣлѣе. Передъ одной изъ такихъ опрятныхъ юртъ водружены были торчаки (мачты). Въ ставкѣ не видно было ни души, словно всѣ вымерли. Вышли, однако, двѣ женщины, помогли г-жѣ Потаниной сойти съ лошади и повели ее въ юрту.

„У дверей юрты“, продолжаетъ Ал. Викт., встрѣтила меня высокая монголка, за халатъ которой цѣплялось четверо ребятишекъ. По костюму, по тому, что она меня встрѣтила на улицѣ, и по застѣнчивымъ манерамъ я приняла эту женщину за няню. Но въ юртѣ, когда она усадила меня, и сама, сѣвъ напротивъ, стала занимать меня разговорами, я поняла, что это княгиня, ванша, а ребятишки въ засаленныхъ халатахъ и грубыхъ сапогахъ—ея дѣти.

„Внутренность юрты обтянута была пунцовой шер-

*) Значеніе вана выше бэйли.

стяною матерією; вотъ почти все, что отличало ее отъ обыкновенной юрты. Противъ очага стояло низкое кресло, съ пунцовыми подушками; это было, по видимому, мѣсто самого вана. Самой замѣтной особенностью въ юртѣ слѣдовало признать очагъ, вдѣланный въ дерево, и на немъ желѣзную печь—нововведеніе, встрѣчающееся не часто.

„Въ юрту вошло нѣсколько монголовъ съ шариками на шапкахъ. Передъ нами поставили скамеечки, замѣняющія столы, и подали чай въ фарфоровыхъ чашкахъ, послѣ чего намъ въ тѣхъ же чашкахъ поставили пельмени.

„Чиновникамъ скоро надоѣло играть въ гости. Они ушли и увели Сантанъ-джимбу угощать кумысомъ. Послѣ этого наша бесѣда съ княгиней пошла успѣшнѣе. Я отдала ей маленькіе подарки, которыми тотчасъ-же завладѣли дѣти, и мы продолжали говорить о погодѣ, о жарѣ, о мошкахъ, отъ которыхъ житья нѣтъ на Едзинъ-голѣ. Говоря о моихъ странствованіяхъ, княгиня сравнивала меня съ собою и говорила, что не видала ничего, кромѣ своихъ степей. Примѣняясь къ обстоятельствамъ, я спросила, приучается ли ея старшая дѣвочка къ хозяйству. Овецъ она уже можетъ доить, а коровъ еще нѣтъ, отвѣчала княгиня“.

Княгиня не жаловалась на бѣдность, но все кругомъ нея говорило о ней. Видно, и въ степи величіе безъ звонкаго металла не отличается особеннымъ блескомъ. Особенно поражали путешественниковъ своими лохмотьями и попрошайничаньемъ слуги вана. Они явились въ лагерь и просили ѣды и одежды. Какъ ни обносились рабочіе экспедиціи во время пути, они все же находили возможнымъ отдавать свои обноски княжеской прислугѣ.

Торгоуты живутъ вдоль береговъ нижняго Едзина и по его рукавамъ. Они очень бѣдны. Мусульманскіе повстанцы, по ихъ рассказамъ, восемь разъ приходили въ ихъ кочевья и раззорили народъ въ конецъ. Скотъ мятежники угнали, юрты сожгли, платье обобрали. Люди разбѣжались, и на прежнія кочевья вернулась только треть.

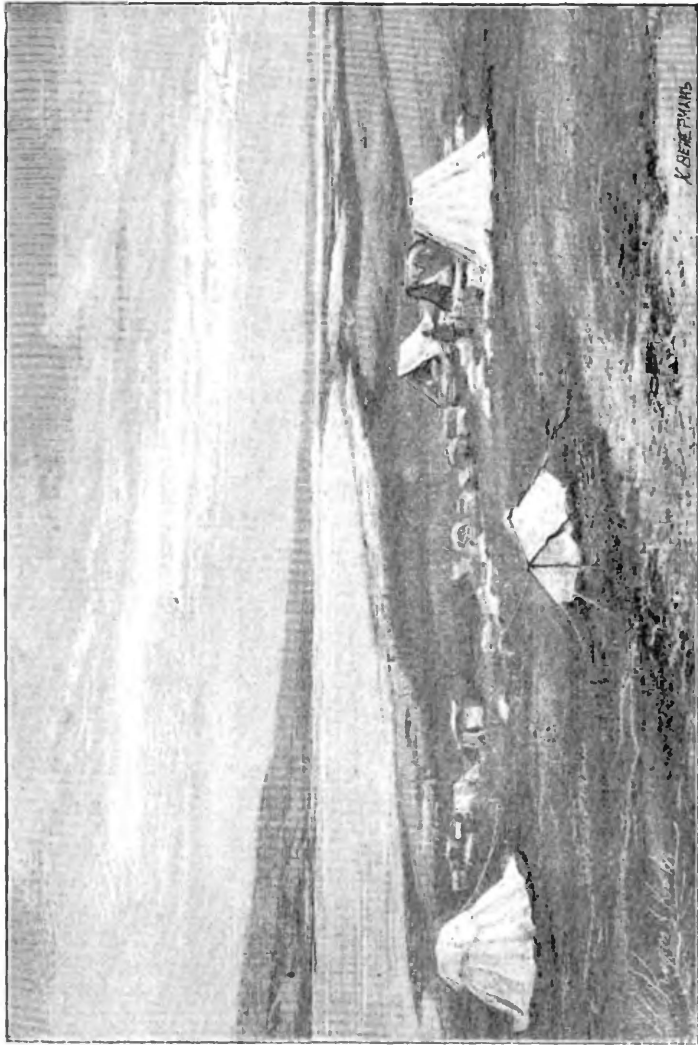
Торгоуты исключительно занимаются скотоводствомъ; ни хлѣбопашества, ни садоводства у нихъ нѣтъ, хотя они занимаютъ теплый край, перерѣзанный многоводной рѣкой. Они держатъ лошадей, коровъ, козъ, овецъ и ословъ; верблюдовъ у нихъ мало. Ослы у торгоутовъ служатъ вьючными животными и дѣлаютъ большіе переходы.

Одежда торгоутовъ монгольскаго покроя. Женщины носятъ круглыя шапочки съ околomъ, набитымъ ватой, и красной шишечкой на вершинѣ. Косы закладываются въ чехлы и висятъ на груди. Дѣвушки носятъ одну косу и мужское платье.

По характеру торгоуты не походятъ ни на ордосцевъ, ни на халху. Они отличаются особенной словоохотливостью, юркостью и даже плутоватостью. Нѣкоторые въ своихъ разговорахъ щеголяютъ картинностью рѣчи, что совсѣмъ не встрѣчается у монголовъ.

Теперь экспедиціи предстояла самая трудная часть пути — переходъ черезъ Гоби. Необходимо было освѣжить караванъ. Отобрали всѣхъ изнуренныхъ верблюдовъ и промѣняли ихъ на здоровыхъ, два за одного, или съ приплатой серебра. Въ дополненіе приняли еще нѣсколько верблюдовъ до монастыря Ламень-гэгена, въ Хангаѣ. Переговоры съ бэйли и комплектованіе каравана задержали

экспедицію на Едзинъ-голѣ болѣе двухъ недѣль. Надо было дожидаться, когда пригонять верблюдовъ

Лагерь экспедиціи.

съ Гоби, куда ихъ угоняютъ отъ комаровъ, которыхъ они не выносятъ.

„Мученье это мы достаточно испытали на себѣ“, говоритъ г. Потанинъ; „днемъ еще можно было терпѣть, но ночью ихъ поднимались такія тучи, что мы въ отчаяніи срывали палатки, переносили ихъ подальше отъ рѣки въ степь и кругомъ зажигали костры“.

Кромѣ того, путешественники сильно страдали отъ зноя, который мало ослабѣвалъ даже въ тѣни, Жара начиналась очень рано. Часа въ 4 — 5 утра было уже 20⁰, а иногда и больше.

Изъ ставки бэйли экспедиція вышла 5-го августа и три дня продолжала идти вдоль Едзина. На стоянкахъ Гр. Ник. разыскивалъ новые виды насѣкомыхъ и пополнялъ свои коллекціи. Въ урочищѣ Хабатайтоора ему пришлось наблюдать интересный видъ особенно своеобразнаго клеща съ пестрыми ногами.

„Только-что я сѣлъ подь деревомъ“, рассказываетъ Григор. Никол., „какъ тотчасъ же увидалъ клеща, быстро бѣгущаго къ моимъ ногамъ. Я нѣсколько разъ передвигался съ мѣста на мѣсто, и клещъ мѣнялъ направление, сообразно съ положеніемъ моихъ ногъ. Черезъ нѣсколько минутъ у клеща появился товарищъ, за нимъ другой. Я перешагнулъ черезъ нихъ и отошелъ въ сторону; маленькія твари тотчасъ же повернулись назадъ и побѣжали на меня“.

„Меня занималъ вопросъ, почему клещи впиваются всегда лошади въ грудь, и я сталъ наблюдать. Въ высокихъ заросляхъ дэрсу я замѣтилъ, что клещи прицѣпляются къ верхнимъ концамъ стеблей и не всѣми ногами, а только ногами съ одного бока. Остальная часть тѣла съ четырьмя ногами другого бока виситъ въ воздухѣ. Положеніе, избранное хитрымъ насѣкомымъ, какъ разъ совпадаетъ съ вышиною лошадиной груди. Какъ только лошадь задѣнетъ грудью

кусть дэрсу, клещъ вцѣпляется въ нее растопыренными въ воздухъ ногами. Такихъ клещей присосется иногда такъ много, что грудь лошади представляется, какъ-бы украшенною ожерельемъ изъ сѣропепельныхъ бусъ.

Ботанизируя и пополняя коллекціи, путешественники подвигались къ безотрадной Гоби. Дорога отошла отъ Едзина и вдалась въ пустыню.

„Это былъ третій переходъ, совершенный мною черезъ Гоби“, говоритъ г. Потанинъ. „Первымъ я считаю переходъ между Хобдо и Баркулемъ въ 1876 г., вторымъ изъ Хами въ Улясутай въ томъ же году. Самымъ тяжелымъ переходомъ былъ первый“.

Третій переходъ совершился вполне благополучно, благодаря заранѣе принятымъ мѣрамъ. На Едзинѣ заготовлено было порядочно сѣна; разохшіеся бочки вымочены и наполнены водой. Не дошелъ до мѣста только одинъ баранъ, которому пастухъ нечаянно зашибъ ногу.

Китайскіе путешественники, пересѣкавшіе пустыню, рассказываютъ басню о разговорѣ духовъ, который они будто бы слышали въ этихъ мѣстахъ.

„Эти рассказы не совсѣмъ безосновательны“, говоритъ г. Потанинъ. „Когда мы въ полдень, во время сильной жары, проходили пространство между холмами Шюбугуръ и урочищемъ Қобдень-оботу, я и жена моя испытывали ощущение, какъ будто до насъ доносился откуда-то разговоръ людей ввидѣ неясной рѣчи. Между тѣмъ сзади насъ людей въ это время не было, а караванъ находился на четверть версты вперед, и при нормальной тонкости слуха, не усиленной случайными условіями, мы не могли слышать ѣхавшихъ при караванѣ людей“.

Въ урочищѣ Кобденъ-оботу экспедиція впервые, послѣ перехода черезъ пустыню, сдѣлала приваль на зеленой лужайкѣ, на берегу ручейка. Хотя ручеекъ едва сочился по песку, лужайка была съ полдесятины величиной, а кругомъ торчали песчаниковыя скалы и нѣсколько растрепанныхъ цзаковыхъ деревьевъ, но и такая картина для глазъ, утомленныхъ однообразіемъ пустыни, казалась чрезвычайно привлекательною.

Торгоуты говорили Гр. Ник. что къ западу отъ Едзина водятся хуланы, дзерены и дикіе верблюды. На послѣднихъ торгоуты охотятся. Дикіе верблюды бываютъ очень жирны, и шерсть ихъ мягче.

Простоявъ три дня на Кобденъ-оботу, экспедиція 16-го августа двинулась далѣе.

Гобійскій Алтай и Хангай.

Переходъ отъ Кобденъ-оботу до озера Орокъ-норъ совершенъ былъ въ три недѣли. Орокъ-норъ озеро неглубокое, длиною верстъ двадцать. Туземцы рассказывали, что года три тому назадъ озеро совершенно высохло, и по дну ходили люди и скотъ. На обнажившейся почвѣ валялось много уснувшей рыбы, которою питались птицы. Теперь же вода на озерѣ была большая. Берега кишѣли стаями гусей, утокъ и куликовъ.

Алтай Гр. Ник. пересѣкалъ уже четвертый разъ. Первый разъ это было въ 1876 г. на пути изъ долины Чернаго Иртыша въ городъ Хобдо; во второй— въ 1876 г. по дорогѣ изъ Хобдо въ Баркуль; въ третій— въ томъ-же году по дорогѣ изъ Хами въ Улясутай. Гобійскій Алтай крайне бѣденъ водами, а потому бѣденъ и растительностью.

Впадина, въ которой лежитъ озеро Орокъ-норъ имѣетъ въ длину около 330 верстъ; въ ширину отъ подошвы гобійскаго Алтая до предгорій Хангая считается 20 верстъ.

Эта впадина совершенно вѣрно названа г. Пѣвцовымъ „долиною озеръ“. Вдоль нея дѣйствительно расположенъ цѣлый рядъ озеръ. Одно изъ нихъ, Уланъ-норъ, крайне предательское озеро. Лѣтомъ оно пересыхаетъ и порастаетъ травой. Впадины, которыми изобилуетъ его дно, скрыты растеніями, но стоитъ верблюду попасть въ такую яму, его мгновенно засыпаетъ обвалившеюся съ боковъ глиной, и бѣдное животное оказывается похороненнымъ живою.

2-го сентября экспедиція оставила берега Орокъ-нора и направилась въ монастырь Ламэнъ-гэгена на Туинъ-голѣ. На пути встрѣчалось много могильныхъ насыпей самыхъ разнообразныхъ очертаній.

7-го сентября караванъ достигъ станціи Шорольджуть на рѣкѣ того-же имени. Станція состояла изъ 30 юртъ, кругомъ которыхъ паслось много всякаго рода скота. Почтари были, очевидно, люди зажиточные. Вблизи этихъ юртъ путешественники разбили свои палатки.

Стоянка эта ознаменовалась непріятнымъ приключеніемъ: у экспедиціи украли лошадей.

„Весь вечеръ“, рассказываетъ г. Потанинъ „наши палатки были окружены толпой любопытныхъ, присматривавшихся къ нашимъ порядкамъ. Приемы этихъ людей показались мнѣ подозрительными, и я распорядился, чтобы всѣ лошади привязаны были около палатокъ. Но воры пользуясь темнотою безлунной ночи, верхомъ подѣхали къ палаткамъ, обрѣзали ремешки у четырехъ лошадей и увели ихъ. Караульный под-

нялъ крикъ, лагерь проснулся, за ворами послана была погоня, но ихъ и слѣдъ простылъ“.

Путешественники обратились къ почтарямъ, но не добились никакого толка. Почтари все взвѣливали на людей Ламэнъ-гэгена и совѣтовали съѣздить въ его станъ на рѣкѣ Туѣ, верстахъ въ пяти отъ Шоргольджута. Путешественники собирались уже это сдѣлать, какъ неожиданно гэгень явился въ ихъ лагерь.

Это былъ человѣкъ еще молодой, но до того тучный, что по обѣимъ сторонамъ его ѣхали всадники, которые поддерживали его, чтобы онъ не свалился съ лошади. Спѣшившись, онъ отказался войти въ палатку, сказавъ, что ему будетъ душно. Поставили ящики и устроили ему сѣдалище противъ дверей палатки, куда онъ безпрестанно заглядывалъ, спрашивая: „это что, а это какъ называется?“ Ему показывали разныя диковинки: микроскопы, барометры, термометры и проч.

На другой день путешественники отправились къ гэгену. Обстановка его юрты была самая будничная, но народа набралось много. Гэгень сидѣлъ съ лѣвой стороны отъ входа; рядомъ съ нимъ сидѣла молодая, красивая женщина, которую онъ рекомендовалъ какъ свою мать; вѣроятно, что это была его мачиха. Одного изъ мужчинъ гэгень рекомендовалъ какъ отца.

Возможно, что женщина была дѣйствительно родною матерью гэгена. Живя въ довольствѣ, она могла сохранить красоту, которую бѣдныя, обремененныя работою, монголки теряютъ очень рано. Притомъ гэгень былъ, вѣроятно, моложе, чѣмъ казался, благодаря заплывшему жиромъ лицу.

Резиденція гэгена находится въ вершинахъ Туи, въ монастырѣ. На Шоргольджутѣ онъ пребывалъ вре-

менно, чтобы купаться, пить кумысъ и ѣздить верхомъ для моціона. По характеру веселый и общительный, гэгень комично жаловался на одолѣвавшій его жирь. Съ своими подданными и поклонниками онъ обращался довольно безцеремонно. Сидитъ, напр., какой-нибудь старичекъ задумавшись: гэгень подкрадется, крикнетъ ему въ ухо, и потомъ хохочетъ. Простакамъ-монголамъ онъ давалъ держать гири отъ электрической машины, и чрезвычайно забавлялся ихъ испугомъ. Вообще гэгень велъ себя довольно легкомысленно; поклоненіе и услужливость испортили его.

Такъ какъ торгоуты наняты были только до монастыря, по здѣшнему „хита“, Ламэнь-гэгена, то экспедиціи пришлось итти туда, чтобы заpastись верблюдами для слѣдованія въ Кяхту. Отъ Шоргольджута до хита былъ всего одинъ переходъ, и 16 сентября караванъ прибылъ въ резиденцію Ламэнь-гэгена.

Хитъ Ламэнь-гэгена расположенъ на днѣ плоскаго лога, окруженнаго невысокими горами. Это цѣлый городокъ съ кумирнями тибетской архитектуры. Центръ занимаютъ стоящія въ два ряда кумирни, а между ними Ихи-лабранъ, т.-е. дворецъ, и бѣлыя юрты гэгена. Кругомъ этой площади тянутся дворы, огороженные стѣнами и частоколами. Внутри каждаго дворика находятся деревянный баракъ и юрта; это жилища ламъ. Бараки служатъ лѣтомъ, юрты зимою.

Помимо обычнаго поклоненія гэгену, какъ воплощенію божества, его чтутъ какъ лицо, находящееся подъ особымъ покровительствомъ бога Баинъ-Намсыра. Во время нашего шествія на монастырь мусульманъ, ламы разбѣжались, а гэгень, бывшій тогда мальчишкой, укрылся въ храмъ, возлѣ своего бурхана. Бурханъ взмахнулъ саблей, крикнулъ: „хушь!“, и у напа-

дающаго мусульманина отлетѣла рука. Мусульмане испугались и объявили, что не сдѣлаютъ вреда гэгену, а тольто возьмутъ его въ плѣнъ. Они не рѣшились даже до него дотронуться, а накинули плащъ и такъ вывели его.

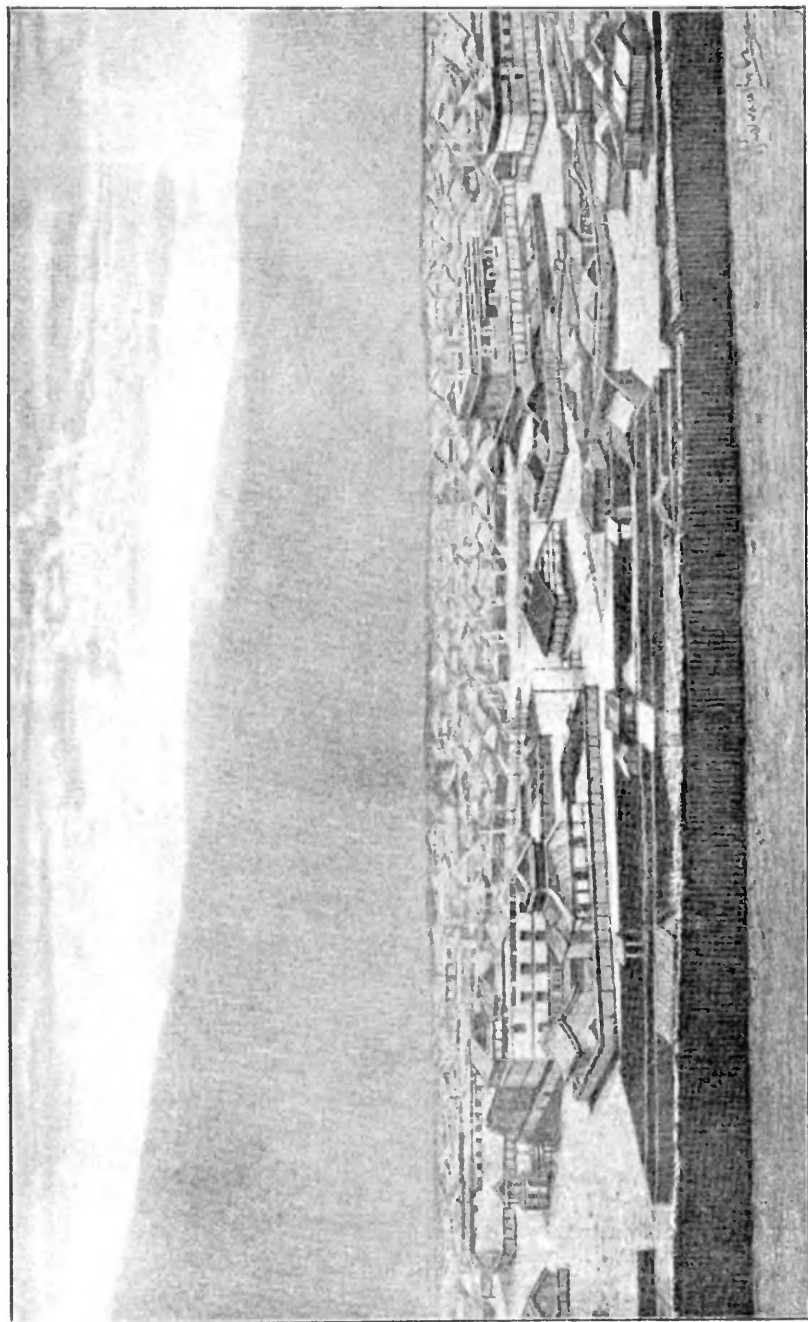
Территорія Ламэнъ-гэгена имѣетъ 300 верстъ длины и до ста ширины. Во время посѣщенія хита экспедиціею въ окрестностяхъ уже не видать было монголовъ и ихъ стадъ. Народъ откочеваль на югъ, на берега Орокъ-нора.

Перекочевки на такія большія разстоянія (180 вер.), у кочевниковъ большая рѣдкость. Передвиженія такимъ длиннымъ фронтомъ встрѣчаются только въ долинѣ Чернаго Иртыша, въ долинѣ Или, и здѣсь. Эти сходныя явленія вызваны сходствомъ въ физическихъ условіяхъ страны.

Около хита множество сусликовъ и сѣноставокъ. Послѣднія уже поставили стожки изъ вѣтокъ артемизіи и другихъ травъ. На территоріи Ламэнъ-гэгена, въ горахъ, водятся также мараль и кабанъ.

Договорившись съ гэгеномъ относительно верблюдовъ, путешественники отпустили торгоутовъ. Такъ какъ верблюды были уже угнаны въ Гоби, путешественникамъ пришлось день другой пробыть въ хитѣ, чѣмъ они воспользовались, чтобъ пополнить свои запасы.

21-го сентября экспедиція оставила хитъ и пошла на переваль черезъ Хангай въ вершинахъ Туя. Здѣсь впервые, по выходѣ изъ Гоби, встрѣтилась роца листовенницъ. Въ долинѣ р. Курюмту путешественники видѣли множество кэрексуровъ. Всѣ они состояли изъ центральной насыпи и каймы, но какъ то, такъ и другое видоизмѣнялось въ высотѣ, ширинѣ и очерта-

Хотъ Ламанъ-Гегена.

ніяхъ. Въ одномъ изъ самыхъ большихъ кэрэксуровъ камни центральной насыпи отчетливо образовали фигуру кабана. Была-ли то фантазія художника, или символическое изображеніе—неизвѣстно.

Съ каждымъ шагомъ къ сѣверу замѣчалась увяданіе растительности. Долины были безлюдны, но побитая трава свидѣтельствовала, что лѣтомъ вся эта мѣстность оживлена кочевниками. Термометръ сильно падалъ; по ночамъ пошли заморозки.

Въ одной изъ Хангайскихъ долинъ, по теченію Орхона, въ хошунѣ Тушету-хана, находится знаменитый монастырь Эрдени-цзу, съ которымъ связана легенда о водвореніи буддизма въ Монголіи.

Первый Ундуръ-гэгень, т.-е. богдо-гэгень (ургинскій кутухта), родился въ семействѣ самого Тушету-хана. Впослѣдствіи богдо-гэгены стали воплощаться исключительно въ Тибетѣ, но такъ какъ они являются все-таки перерожденіями Ундуръ-гэгена, то и признаютъ себя, несмотря на тибетское происхожденіе, дѣтьми Тушету-хана. Поэтому разъ въ году Тушету-ханъ съ женою пріѣзжаетъ въ Ургу, привозитъ гэгену баранье мясо и бараньи почки, является въ храмъ рано утромъ, когда гэгень еще спитъ, высѣкаетъ огнивомъ огонь и потомъ идетъ къ гэгену. Поднося ему мясо и почки, онъ говоритъ: „Ты лама моего дома! Ты продолжилъ огонь моего очага“. Этими словами ханъ и жена его благодарятъ гэгена за то, что онъ продолжилъ ихъ родъ.

Въ долинѣ Орхона есть два олѣтскихъ хошуна, неизвѣстно какъ попавшихъ въ эти мѣста. Народное преданіе относитъ появленіе олѣтовъ въ этихъ мѣстахъ ко времени нашествія олѣтскаго хана Галдана въ прошломъ столѣтіи. Это будто бы остатки

тѣхъ олѣтовъ, съ которыми Галданъ напалъ на монастырь Эрдени-цзу.

На правомъ берегу Орхона, у подошвы горы Боро-ундюръ, есть еще хитъ Оромбоинъ-гэгена, состоящій всего изъ двухъ или трехъ зданій.

Разсказываютъ, что лѣтъ 30 тому назадъ, одинъ тибетскій гэгень по приглашенію монгольскаго князя, путешествовавшаго въ Тибетъ, переселился въ Монголію. Впослѣдствіи онъ умеръ и вновь возродился въ нынѣшнемъ гэгенѣ Оромбоинѣ. Гэгень которому не болѣе 25 лѣтъ, окруженъ небольшимъ штатомъ ламъ—тангутовъ изъ Лабрана и изъ Джони

Степь, залегающая между рѣками Орхономъ и Цирматаемъ извѣстна у туземцевъ подъ названіемъ Талахаинъ-тала. Здѣсь будто бы была прежде гора Эрдениула, которую китайцы скопали и перевезли въ Пекинъ. Легенда объ этомъ событіи разсказывается такъ: уйгурскій князь высваталъ за своего сына дочь китайскаго царя династїи Танъ. Въ странѣ уйгуровъ была гора „небеснаго разума“ и „гора счастья“. Когда танскій посланникъ прибылъ на границу Уйгурской страны, ему сказали, что могущество и процвѣтаніе уйгуровъ связано съ „горою счастья“, и если ее устранить, то Уйгурское царство разрушится. Китаецъ обратился къ уйгурскому князю съ слѣдующей рѣчью; „Скала, называемая „ горою счастья“, никакой пользы не приноситъ твоему государству. Китайцы очень желаютъ ее имѣть и просятъ ее, какъ цѣну нѣвесты“. Уйгурскій князь согласился, но скала была велика, и ее нельзя было увезти цѣликомъ. Тогда разложили вокругъ скалы костры, накалили ее и sprыснули уксусомъ, отъ чего она распалась въ куски. Ее нагрузили на телѣги и увезли. Послѣ этого птицы и животныя

потеряли способность двигаться, князь черезъ семь дней умеръ, и на страну обрушились всякія напасти.

9-го октября экспедиція достигла хошуна Чинъ-вана, гдѣ появилось уже осѣдлое населеніе, занимавшееся хлѣбопашествомъ. Хлѣбъ былъ уже снятъ и молотился быками. Китайцы понастроили здѣсь хуторовъ, мельницъ и развели огороды.

Отъ хуреня Чинъ-вана экспедиція шла по телѣжной дорогѣ ведущей въ Кяхту. Дорога идетъ параллельно Орхону верстахъ въ 10 — 15 отъ рѣки, такъ какъ берега около самой рѣки скалисты и трудно проходимы. Дорога проходитъ вблизи водораздѣльнаго хребта, заполняющаго пространство между Орхономъ и Селенгою; идетъ по горамъ, съ мягкими очертаніями, не представляющими ни крутыхъ и высокихъ переваловъ, ни глубокихъ и каменистыхъ долинъ.

14-го октября экспедиція достигла еще одной монгольской святыни, монастыря Амуръ-Байсыхылинъ, на рѣкѣ Ибень.

Монастырь расположенъ правильно; въ серединѣ обширная площадь, на которой построены хуралъ, окруженный мелкими кумирнями и обнесенный стѣной. Влѣво и вправо отъ хурала идутъ два ряда кварталовъ, состоящихъ изъ монастырскихъ келій, въ ряду которыхъ находится еще шесть большихъ храмовъ. Всѣхъ жилыхъ кварталовъ до сорока, въ каждомъ нѣсколько отдѣльныхъ дворовъ. Ламъ въ монастырѣ насчитывается до 500 душъ.

Къ сѣверу отъ монастыря поднимается лѣсистая гора Бурюнъ-ханъ, на покатой поверхности которой, обращенной къ монастырю, выложены изъ бѣлыхъ камней двѣ строки молитвы. Каждая буква не менѣе сажени.

Въ монастырѣ Амурь-Байсыхылинѣ находится изображеніе Ундурь-гэгена, перваго ургинскаго ку-тукты, сдѣланное изъ глины съ примѣсью золы отъ сожженнаго тѣла гэгена, замѣшанной на мозгахъ.

Ламы изготовляютъ изображеніе Ундурь-гэгена и продаютъ его вѣрующимъ. Его рисуютъ, или лѣ-пятъ изъ глины въ двухъ видахъ: по тибетскому, или по монгольскому образцу. Въ первомъ случаѣ гэгень сидитъ поджавъ ноги, по турецки, съ колпакомъ Цзонкавы на головѣ; лицо у него темное; во второмъ—онъ бѣлый, румяный, сидитъ на престолѣ съ колокольчикомъ въ рукѣ. Передъ изображеніемъ гэгена стоитъ столикъ; на немъ курительныя свѣчи, блюда съ яствами, чашка для чая, еще чашка для приношеній и зеркало,

Отдохнувъ у монастыря два дня, экспедиція переправилась черезъ Орхонъ на первобытномъ паромѣ, а скотъ переправился вплавь, что было крайне неудобно, такъ какъ по Орхону шель уже ледъ. За Орхономъ впервые появились сосновые лѣса.

„Хотя мы подошли къ самой русской границѣ“, говоритъ г. Потанинъ, „но близость русской жизни ничѣмъ не заявляла себя. Если-бъ мы входили въ Россію черезъ Минусинскъ, или черезъ Тунку, то мы встрѣтили бы еще въ предѣлахъ Монголіи не только отдѣльныхъ русскихъ людей, но даже цѣлыя заимки. Если-бъ мы приближались къ Кяхтѣ по Ургинской дорогѣ, то близость русской границы сказалась бы еще сильнѣе. Тамъ уже встрѣчаются русскіе тарантасы; на рѣкахъ попадаются русскіе перевозчики. Здѣсь же, даже въ такомъ торговомъ мѣстечкѣ, какъ хурень Да-чинъ-вана, мы не нашли ни одного русскаго. На дорогѣ мы видѣли много обозовъ, иду-

щихъ въ Кяхту и изъ Кяхты, но при нихъ русскихъ людей не было“.

На другомъ берегу Орхона экспедицію встрѣтилъ монгольскій чиновникъ, высланный съ подставными лошадьми. Благодаря этой предупредительности, г. Потанинъ могъ, оставивъ караванъ, ѣхать впередъ, чтобъ приготовить помѣщеніе для экспедиціи въ Троицкосавскѣ. Оказалось, что помѣщеніе было уже приготовлено г. Сулковскимъ, пограничнымъ комиссаромъ, въ домѣ котораго путешественники нашли самый радушный пріемъ.

Съ радостнымъ чувствомъ вступили они на родную почву послѣ трехлѣтняго отсутствія. Для монголовъ, кромѣ Сантанъ-джимбы, побывавшаго въ Кяхтѣ уже два раза, русскій городъ былъ невиданнымъ зрѣлищемъ. Путешественники ихъ вездѣ водили, показывая и объясняя изъ русской жизни все, что могло сколько-нибудь интересовать ихъ.

Сверхъ условленной платы, каждому возчику подарено было по лошади и одинъ верблюдъ для ихъ багажа. Другой верблюдъ отданъ былъ Сантанъ-джимбѣ.

„Мы сжились съ ними и разстались не безъ грустнаго чувства“, говоритъ Гр. Ник. „Доведется ли еще разъ побывать въ теплой долинѣ Санчуани и еще разъ встрѣтиться съ этими честными людьми, которые дѣлили наши труды и лишенія въ продолженіе двухъ и трехъ лѣтъ, неизвѣстно“.

Березовскій пріѣхалъ въ Кяхту годъ спустя, а именно въ 1887 г.

